

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 3 (69). № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического национального университета имени В.И. Вернадского»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
 КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Страхов В. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46
 E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК РФ под № 2169 от 20.07.17 по группам специальностей:
 09.00.00 Философские науки, 23.00.00 Политология, 24.00.00 Культурология

Подписано в печать: 23.11.2017 г. Формат 70x100 1/16. 13.24 усл. п. л.
 Заказ № НП/107. Тираж: 50 экземпляров. Бесплатно.

Дата выхода в свет 14.12.2017 г.

Отпечатано в Управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
 Адрес: 295051, г. Симферополь, бульвар Ленина, 5/7

УДК 316.752

ПОНЯТИЕ «ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ»: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Жупник О. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: sociolesya@mail.ru

В статье систематизируются существующие в рамках социально-гуманитарных дисциплин теоретико-методологические подходы к определению понятия «ценностные ориентации». Поскольку само понятие «ценностные ориентации» по-разному трактуется в социальной философии, социологии, психологии и других смежных областях научного знания, постольку в статье анализируются основные подходы к его трактовке и предпринимается попытка их систематизации с целью нахождения общих элементов, консолидирующих понимание ценностных ориентаций на междисциплинарном уровне.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации.

Актуальность социально-философской разработки проблематики ценностей и ценностных ориентаций на уровне всего общества, отдельных его групп, а также на уровне личности очевидна, так как ценностные ориентации являются общими регуляторами человеческого поведения, определяя как характеристику отдельной личности, так и состояние общества в целом. Многозначительность и неопределенность смысла понятий «ценности» и «ценностные ориентации» привлекают к себе внимание исследователей.

Интерес к изучению ценностного аспекта человеческого существования повышается в контексте трансформационных процессов в обществе, которые всегда сопряжены с переоценкой ценностей. История развития общества дает нам многочисленные примеры трансформации ценностей и ценностных ориентаций при одновременном сохранении их качественной определенности. Часто то, что представляло несомненные ценности в условиях одного общества, теряет свое значение в условиях общества другого, претерпевшего определенные социальные, экономические, политические изменения. Но важно и то, что ценности и ценностные ориентации не исчезают. Они трансформируются, обретают иное значение, иной характер, иные тренды развития. Соответственно, изменяются и трактовки данных понятий в плоскости тех или иных областей научного познания.

Поэтому в настоящей статье мы ставим цель проанализировать и систематизировать современные научные представления о ценностных ориентациях

личности в рамках социально-гуманитарных дисциплин, конкретизируя в результате понятие «ценностные ориентации», анализируя проблемное поле, формирующееся в процессе изучения ценностных ориентаций. Именно они – ценностные ориентации – представляют объект нашего исследования, а их определение в социально-гуманитарном знании – предмет.

Прежде всего, отметим, что в научной литературе существует достаточно широкий спектр толкований, концепций, теорий, раскрывающих содержание понятия ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации в разные времена были предметом многочисленных исследований в области социальной философии, социологии, социальной психологии. Достаточно вспомнить имена таких философов и социологов, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, К. Маркс, У. Томас, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, С. Ф. Анисимов, О. Г. Дробницкий, А. Г. Здравомыслов, С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский, А. А. Ручка, В. А. Ядов, Л. В. Баева, В. П. Тугаринов, Н. И. Лапин, С. Я. Матвеев, психологов – А. Н. Леонтьева, В. Б. Ольшанского, М. Рокича и многих других.

Понятие «ценностные ориентации» (value orientations), которое означало своеобразные социальные установки (аттитюды), было введено в 20-х годах XX века американским социологом У. Томасом и его польским коллегой Ф. Знанецким, авторами книги «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Чикаго, 1921 г.). По мнению этих ученых, аттитюд – это психологическое переживание индивидом значения или ценности социального объекта, выражающее вектор направленности личности. Аттитюд является одновременно и элементом психологической структуры личности, и элементом социальной структуры, поскольку содержание психологического переживания определяется внешними, локализованными в социуме, объектами. Роль установки определяется в направлении, регулировке нашего поведения, а также решении внутренних конфликтов. Ведь мотивов, которые являются внутренней причиной любого поступка, много, но то, почему мы выбираем только один из них, является следствием социальной установки. В 1918–1940 гг. аттитюд был одним из главных объектов исследований в социальной философии, социологии, но в большей степени – в психологии. Важно отметить, что этот интерес привел к росту прикладных исследований, в результате которых было разработано множество шкал измерения аттитюдов и прогнозирования поведения человека.

Несмотря на то, что еще в 1942 году психолог М. Смит насчитал более 100 определений понятия «аттитюд», все ученые сошлись на том, что аттитюд является состоянием сознания и нервной системы, выражающим готовность к реакции и состоит из трех компонентов: аффективного, когнитивного и поведенческого [1]. Исходя из этого консолидирующего положения, социальная установка представляет собой ступенчатый процесс осознания, оценки и готовности действовать определенным образом. Тогда и были обозначены важнейшие характеристики данного явления, сформулированные психологом Г. Олпортом, который определил аттитюд как «состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и

оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан» [2, с. 445].

Само понятие ценностных ориентаций было введено в научный оборот Т. Парсонсом в 1951 году. Парсонс рассматривал их в контексте своей концепции развития общества и человека [4, с. 43]. В концепции социального действия он попытался связать понятие ценности с понятием ценностной ориентации, которая выступает в виде приверженности актора к существующим в данном обществе эталонам. Следовательно, ценностные ориентации дают человеку возможность соблюдать определенные правила при выборе возможных альтернатив. Всякий раз, когда человек вынужден выбирать, ценностные ориентации могут гарантировать ему некоторые нормы, которыми он будет руководствоваться [4, с. 89].

Первые прикладные исследования в области ценностных ориентаций связаны с именами психологов Г. Олпорта и Г. Вернона, которые считали, что понять мотивы людей можно только в случае изучения иерархии их ценностей. В 60-х годах XX века тон в области исследования ценностных ориентаций задавал антрополог К. Клакхон, который рассматривал ценностные ориентации через призму разных культур. Этот подход еще более обогатил содержание данного понятия, хотя и усложнил его анализ. В 80-е годы М. Рокичем была создана одна из самых популярных методик исследования ценностных ориентаций. Ныне можно констатировать, что популярность прикладных исследований настолько велика, что сегодня даже формируется новая междисциплинарная отрасль знания, занимающаяся прикладными исследованиями ценностного мира – аксиометрия, тяготеющая к социально-философскому дискурсу [5].

Что касается соотношения понятий «аттитюд» и «ценностная ориентация», А. Г. Здравомыслов считает, что ценностные ориентации и аттитюды являются аналогичными понятиями, хотя В. А. Ядов рассматривает «аттитюд» как психологическую установку на одном из уровней поведенческого акта.

В советской литературе проблему ценностных ориентаций впервые рассмотрели в своих работах такие ученые, как В. Б. Ольшанский, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов [12, с. 56]. В 1970–71 годах под руководством В. А. Ядова, с использованием адаптированной методики М. Рокича, было выполнено первое прикладное исследование ценностных ориентаций ленинградских инженеров [6, с. 31].

Конкретизируя позиции отдельных ученых, отметим, что В. Б. Ольшанский определил «ценностную ориентацию» как цель, устремления и жизненные идеалы, которые функционируют в виде определённых норм в «групповом сознании». На наш взгляд, подобная трактовка понятия «ценностная ориентация» сближает последнее с понятием «ценность» [7, с. 32]. Поэтому более приемлемой мы считаем дефиницию «ценностной ориентации» А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, которые определили данный феномен как «установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества <...>. Ценностная ориентация является важнейшим компонентом структуры личности <...>. Это тот компонент структуры личности, который представляет собой некоторую ось сознания, вокруг

которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [7, с. 32–34].

Определяя истоки изучения понятия «ценностные ориентации», можно сделать вывод, что данное понятие сформировалось на стыке социальной философии, социологии и социальной психологии, хотя изучается оно и в других гуманитарных областях – педагогике, культурологии и др. Систематизируя определения «ценностных ориентаций», можно заключить, что понятие «ценностные ориентации» было введено в социальную психологию, а впоследствии и в социологию как аналог философского понятия системы ценностей. С точки зрения философии и социологии, ценностные ориентации рассматриваются как установки личности на ценности материальной и духовной культуры [8, с. 197], критерии оценочного отношения личности (группы личностей) к совокупности материальных и духовных благ [9, с. 559]. Их разграничение между этими науками происходит по параметрам «общее–индивидуальное», «реально действующее — рефлекторно создаваемое» [9, с. 560].

Исходя из определений «ценностной ориентации» в социальной психологии, где данный феномен рассматривают как «нравственность личности» [9, с. 241–255], «сложные обобщенные системы ценностных представлений» [16, с. 101], «основной канал превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей» [11], «детерминанты принятия решения» [6], ведущий мотив, который способен создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни [10], можно сделать вывод о том, что психологов в большей степени интересуют субъективные стороны деятельности и отношения к ценностям.

Н. В. Журавлева весьма справедливо считает, что личность обладает гораздо меньшим количеством ценностей, чем социальных установок. По нашему мнению, предусловием вхождения определенной ценности во внутренний мир человека является осознание этой ценности через ее познание и желание интериоризировать ее в структуру своей личности. Социальные же установки отражают ценностные ориентации, помогая человеку осмыслить явления социальной действительности, выполняют функцию вербализованного выражения того, что является для него важным, ценным. Разграничивая понятие «ценностных ориентаций» и «направленности личности», Н. В. Журавлева определяет ценностные ориентации в качестве компонента направленности личности, куда также входят желания, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение [3, с. 31].

Ценностные ориентации, в данном смысле, рассматриваются в качестве компонента структуры личности, который отражает жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии, и представляют собой сердцевину сознания, следуя которой личность принимает решения по жизненно важным вопросам. Психологическое понимание ценностных ориентаций, прежде всего, опирается на особенности индивида, тип высшей нервной деятельности, внутренние склонности и предпочтения.

Чешский философ Й. Борош определяет ценностную ориентацию как направленность личности на определенные ценности. При этом он добавляет, что ее

можно рассматривать как процесс, в котором создаются и применяются ценности [12].

Совокупность ценностных ориентаций образует своеобразную ось сознания, с которой тесно связаны мысли и чувства, при помощи которой решаются многие жизненные ситуации. Она касается всех аспектов существования человека и развивается на протяжении всей его жизни. Ценностная ориентация служит в качестве регулятора поведения, направляющего возможные действия человека, действующего в ситуации выбора. Аналогичным образом ценностная ориентация выражает относительную важность определенных ценностей для человека или социальной группы. Основным содержанием ценностных ориентаций личности являются мировоззренческие, нравственные убеждения, принципы поведения.

Другой чешский философ В. Брожик рассматривает ценностную ориентацию как выборочную направленность личности на создание и освоение вполне определенных ценностей. Функциональность ценностных ориентаций, по его мнению, является условием развития человека, который в ценностно-ориентационной деятельности становится личностью, индивидуальностью, потому что от этой деятельности не только зависит выбор ценностей, но и создается его Я, которое этим выбором само себя утверждает и развивает [13, с. 125]. Ценностные ориентации свидетельствуют об относительном приоритете определенных ценностей для данного человека.

В выше приведенных определениях внимание акцентируется на субъективном характере ценностной ориентации, которая является компонентом структуры личности и осью сознания данного субъекта. С. П. Подвиг подчеркивает, что ценностная ориентация – это направленность человеческого сознания на те или иные ценности [14].

В этом ключе важно упомянуть, что очень часто в научных публикациях мы сталкиваемся со смешением понятий ценность и ценностная ориентация [15], что, на наш взгляд, не является достаточно корректным с методологической точки зрения. Поэтому, вслед за Н. В. Журавлевой, И. М. Поповой, И. А. Суриной, мы согласны с мнением, что понятие ценностной ориентации отличается от понятия ценности, поскольку в его основе лежит «структурная связь между самой ценностью и ценностно-ориентированным субъектом» [15, с. 3].

Ценностные ориентации как элементы саморегуляции поведения личности являются предметом воспитания. Результаты прикладных исследований указывают, что наибольшее влияние на формирование личности, а, следовательно, и его ценностных ориентаций имеет семья. Молодые люди своей системой ценностных ориентаций больше похожи на родителей, чем на друзей. По мнению Й. Спишака, ценностная ориентация является отражением жизни не только семьи, но и различных групп и среды, в которой формируется. Процесс воспитания, в любом его понимании, является попыткой повлиять или направить ценностный мир личности в соответствии с воспитательными целями. Существует целый ряд эмпирических исследований, подтверждающих влияние социального происхождения, образования, профессии, материального статуса, стиля жизни, интересов и других факторов на формирование ценностных ориентаций [16].

Развитость ценностных ориентаций свидетельствует о зрелости личности, а устойчивая и непротиворечивая структура ценностных ориентаций обуславливает такие черты личности, как целостность, надежность, верность определенным принципам и идеалам, а также активность жизненной позиции.

В. А. Чигрин справедливо подчеркивает, что ценностные ориентации не всегда могут соответствовать структуре ценностей, функционирующей в общественном сознании. Могут складываться такие ситуации, при которых возникает своеобразный разрыв между оценкой состояния дел, общими установками и ориентациями, обращенными в будущее, и действительностью [17, с. 113].

Если учесть, что ценностные ориентации подталкивают личность к социальной активности, то это означает, что, выбирая ценность, человек тем самым формирует свое отношение к ней, выбирает свою позицию. Ценностные ориентации выполняют весьма важные для личности функции, корректируя процесс ее отношений с обществом.

Что касается структуры ценностных ориентаций, то здесь мы можем выделить три компонента:

когнитивный, характеризующийся знанием относительно объектов или явлений действительности, связанных с интересами субъекта;

эмоционально-оценочный, представляющий собой положительную или отрицательную оценку этих объектов на основе имеющихся знаний;

«поведенческий», который характеризуется готовностью к определённому виду деятельности, направленной на достижение или отвержение «оцененного» объекта.

Функцией последнего компонента является направленность сознания и готовность к определённому виду поведения [14, с. 32].

В структуре ценностных ориентаций с точки зрения реализации «программы» С. П. Подвиг выделяет следующие виды ценностных ориентаций:

1. «базовые» ценностные ориентации, направленные на объекты или явления, необходимые для поддержания социального существования;

2. «дополнительные» ценностные ориентации, которые возникают на основе «базовых» и являются обусловленными социальным местом, занимаемым субъектом в обществе;

3. «временные» ценностные ориентации, которые связаны со спецификой реализации двух выше указанных видов ценностных ориентаций на каждой ступени реализации «программы» субъекта;

4. «проникающие» ценностные ориентации, в которых ценности-цели предстают как отделившиеся от создавших их потребностей, закрепляясь в сознании субъекта как потребность в отношении. Такие ценности-цели направлены прежде всего на конкретные объекты интереса, постоянно вовлекающие в свою сферу всё новый круг объектов, что обеспечивает процесс непрерывного качественного развития субъекта [14, 33–34].

С подобных методологических позиций трактует структуру ценностных ориентаций Е. Г. Злобина, которая разделяет их на «центральные» и «периферийные», а также «интегрирующие» и «дифференцирующие» группы.

Мы всё же считаем, что стержневым свойством ценностной ориентации является именно оценочный элемент. Он связан с уровнем знания (повседневным или научно-теоретическим) об оцениваемом объекте или явлении и содержит в себе оценки будущего (ценность-цель), настоящего (соотношение ценности-цели с инструментальными ценностями) и прошлого (отношение к различным ценностям-целям и инструментальным ценностям, которые функционировали в культуре прошлого). При этом наша позиция пытается учесть процессы трансформации общества и его составляющих, которые влияют на трансформацию ценностных ориентаций отдельного человека.

Осуществленный нами анализ исследований ценностных ориентаций показал, что в современном социогуманитарном знании, несмотря на большой объем теоретических и практических исследований, всё еще не выработано единого понимания понятия «ценностных ориентаций».

Такая терминологическая неопределенность, по нашему мнению, связана с большим многообразием подходов, когда авторы стремятся анализировать данное понятие под разными углами зрения, с позиций разных дисциплин (социальной философии, социологии, психологии), в том числе в междисциплинарном ключе, а также на разных уровнях абстракции, в различной взаимосвязи с другими явлениями действительности. Поэтому проблема ценностных ориентаций требует дальнейшей детальной и тщательной методологической проработки, в частности, в таких аспектах, как концептуальное определение ценностной ориентации в увязке с родственными понятиями («установка», «мотив», «направленность», «потребность»), а также в изучении социальных механизмов трансформации ценностей и ценностных ориентаций.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. URL: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/txt17.htm> (Дата обращения 20.06.2017).
2. Теория личности Г. Олпорта // Психология личности в 2 тт. – М.: Институт Психологии РАН, 2006. – Т. 1. – С. 445–453.
3. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. – 318 с.
4. Попов С. И. Проблема происхождения и функционирования понятия ценностей в социологии // Социологические исследования. – 1979. – № 3. – С. 35–44.
5. Шохин В. К., Абушенко В. Л. Аксиология. Гуманитарная энциклопедия. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6894> (Дата обращения 20.06.2017).
6. Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решений // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. / Отв.ред. Шорохова Е. В., Бобнева М. И. – М.: Наука, 1996. – С. 254–278.
7. Аза Л. А., Поддубный В. А., Ручка А. А. Ценностные ориентации рабочей молодежи. – К.: Научная мысль, 1978. – 205 с.
8. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 224 с.
9. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – М.: ACADEMIA, 2008. – 559 с.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. URL: <http://lib.ru/PSIHO/LEONTIEV/dsl.txt> (Дата обращения 20.06.2017).
11. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.

12. Boroš J. Motivácia a emocionalita človeka. URL: <http://www.saske.sk/cas/archiv/2-2007/cizmarik.html> (Дата обращения 20.06.2017).
13. Brožík V. Hodnotové orientácie. – Nitra: FFUKFvNitre, 2000. – 125 с.
14. Подвиг С. П. Изучение ценностных ориентаций молодёжи как важный фактор совершенствования идейно-воспитательной работы // В сб.: Вопросы идейно-политического воспитания молодёжи в условиях развитого социализма. – М.: ВКШ, 1981. – С. 22–38.
15. Сурина И. А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. – М.: Институт молодежи, 1996. – 356 с.
16. Sakirpaloglu P. Psychologichodnot. Přehledprohumanitní obory. – Olomouc: Votobia, 2004. – 427 с.
17. Чигрин В. О. Сільська молодь: досвід комплексного соціологічного аналізу. – Мелітополь: ЗІДМУ-ТДАТА, 2006. – 384 с.

Zhupnik O.N. Valuable Orientations: Operationalization of the Concept // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 3–11.

The article attempts to systematize the existing theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of «value orientations» of an individual within the framework of socio-humanitarian disciplines, and as a result, the content of this concept is concretized. Since the very concept of value orientations is treated differently in social philosophy, sociology, psychology, and other related branches of scientific knowledge, the article analyzes the main approaches to its interpretation and attempts to operationalize it with the goal of finding common or coinciding elements that consolidate an understanding of value orientations in Interdisciplinary level.

Keywords: values, value orientation.

References

1. Andreeva G. M. Sotsialnaya psihologiya [Social Psychology]. URL: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/txt17.htm> (data obrascheniya 20.06.2017).
2. Teoriya lichnosti G. Olporta // Psihologiya lichnosti v 2 tt. [Personality theory G. Allport // Psychology of personality in 2 tt]. M.: Institut Psihologii RAN, 2006, T.1., S. 445–453.
3. Zhuravleva N. A. Dinamika tsennostnyih orientatsiy lichnosti v rossiyskom obschestve [Dynamics of Value Orientations of the Individual in Russian Society]. M.: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2006, 318 s.
4. Popov S. I. Problema proishozhdeniya i funktsionirovaniya ponyatiya tsennostey v sotsiologii [The Problem of the Origin and Functioning of the Concept of Values in Sociology] // Sotsiologicheskie issledovaniya, 1979, # 3, S. 35 – 44.
5. Shohin V. K., V.L. Abushenko. Aksiologiya. Gumanitarnaya entsiklopediya [Axiology. Humanitarian Encyclopedia]. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6894> (data obrascheniya 20.06.2017).
6. Zhukov Y. M. Tsennosti kak determinanti prinyatiya resheniy // Psihologicheskie problemy sotsialnoy regulyatsii povedeniya [Values as Determinants of Decision Making // Psychological Problems of Social Regulation of Behavior]. / Otv.red. Shorohova E.V., Bobneva M.I. M.: Nauka, 1996, S. 254–278.
7. Aza L. A., Poddubnyiy V.A., Ruchka A.A. Tsennostnyie orientatsii rabochey molodYozhi [Value Orientations of Working Young People]. K.: Nauchnaya myisl, 1978, 205 s.
8. Zdravomyislov A. G. Potrebnosti. Interesy. Tsennosti [Needs. Interests. Values]. M.: Politizdat, 1986, 224 s.
9. Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar [Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary]. M.: ACADEMIA, 2008, 559 s.
10. Leontev A. N. Deyatelnost. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality.]. URL: <http://lib.ru/PSIHO/LEONTIEV/dsl.txt> (data obrascheniya 20.06.2017).
11. Leontev D. A. Tsennostnyie predstavleniya v individualnom i gruppovom soznanii: vidyi, determinanti i izmeneniya vo vremeni // Psihologicheskoe obozrenie [Value Representations in Individual and Group Consciousness: species, Determinants and Changes in time // Psychological review]. 1998, # 1, S. 13–25.

12. Boroš J. Motivácia a emocionalita človeka. URL: <http://www.saske.sk/cas/archiv/2-2007/cizmarik.html> (data obrascenija 20.06.2017).
13. Brožík V. Hodnotové orientácie. Nitra: FF UKF v Nitre, 2000, 125 c.
14. Podvig S. P. Izuchenie tsennostnyih orientatsiy molodyozhi kak vazhnyiy faktor sovershenstvovaniya ideyno-vospitatelnoy raboty // Vsb.: Voprosyi ideyno-politicheskogo vospitaniya molodyozhi v usloviyah razvitogo sotsializma [A Study of the Value Orientations of the Youth as an Important Factor in the Improvement of Ideological and Educational Work // In: Questions of Ideological and Political Education of Youth in Conditions of Developed Socialism]. M.: VKSh, 1981, S. 22–38.
15. SurinaI. A. Tsennostnyie orientatsii kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Value Orientations as a Subject of Sociological Research]. M.: Institutmolodezhi, 1996, 356 s.
16. Cakirpaloglu P. Psychologiehodnot. Přehledprohumanitní obory. Olomouc: Votobia, 2004, 427 c.
17. Chigrin V. O. Silska molod: dosvId kompleksnogo sotsiologlchnogo analizu [Rural Youth: the Experience of Integrated Sociological Analysis]. Melltopol: ZIDMU-TDATA, 2006, 384 s.

УДК 164.1

ОБ ОДНОМ РАСШИРЕНИИ ЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Николко В. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: vnnikolko@mail.ru

К средствам определения относятся словарь общих имен естественного языка и его словоформное содержание. Расширение осуществляется за счет логизации ограничения дополнением. Строится формальная система на основе формализованного грамматического дополнения.

Ключевые слова: словоформное определение, ограничение дополнением, обстоятельством, условием, формальная система ограничения дополнением, свойства ограничений дополнением.

Цель: конкретизировать словоформную концепцию определения.

Новизна: задана формальная модель ограничения дополнением.

Нами в [1] предложена словоформная концепция определения, согласно которой определение является *речевым выражением сущности предметов*, причем предмет толкуется в широком, методологическом плане как часть, сторона, аспект и т. д. объекта. Выделяются две основные формы определения – предложная (дефиниции) и словоформная, выступающая сложным именем определяемого предмета. Вводятся ключевые факторы определительных процессов, такие как оператор определения, формула определения, словоформа, словоформные системы определений. Возникает четкое понимание определимости тех или иных предметов окружающего нас мира. Становятся ясными перспективы дальнейших исследований и совершенствования определительных процессов. Формируется категориальный каркас во многом новой теории определений, содержащий следующие дефиниции.

Дефиниция 1. Словоформным определением некоторого предмета, называемого однословным именем b , является многословное имя, содержащее однословные имена a_1, a_2, \dots, a_n , называющее то же самое, что и b , выражаемое письменно в виде $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ при условии, что среди a_1, a_2, \dots, a_n нет b , или таких, которые определяются через b , так что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)=b$, где $=$ – знак тождества.

Дефиниция 2. Выражения, получаемые из сложного имени $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ путем замены многоточиями всех или части слов из списка a_1, a_2, \dots, a_n , будем полагать (и только их) операторами $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$.

Дефиниция 3. Словоформой является любая n -местная функция $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, переменные – x_1, x_2, \dots, x_n – которой заданы в множестве M общих имен, русского, к примеру, языка так, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ является именем и принадлежит M , если и

только если каждое из a_1, a_2, \dots, a_n принадлежит множеству M . Местность словоформ означает количество аргументов словоформ.

Дефиниция 4. Словоформа $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ выполняется (реализуется) на множестве M общих имен, если и только если существует такой набор имен a_1, a_2, \dots, a_n из M , что $f(a_1, a_2, \dots, a_n) \neq 0$, 0 – пустое имя. В этом и только этом случае $f(a_1, a_2, \dots, a_n) \neq 0$ (где \neq – знак неравенства) будем называть реализацией словоформы $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. В противном случае будем говорить, что $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ не выполняется на M и равна 0 .

Дефиниция 5. Предмет, однословное имя которого b , определим на подмножестве M' из множества M общих имен посредством разноместных словоформ f_1, f_2, \dots, f_k , если и только если можно построить такую последовательность общих имен c_1, c_2, \dots, c_m , в которой каждое c_j (j пробегает от 1 до m) либо из M' , либо является реализацией одной из указанных словоформ на множестве имен c_1, c_2, \dots, c_{j-1} , предшествующих c_j . При этом выполняются обычные условия определения; только $c_m = b$, а другие c_j не определяются через b . Дефиниция 5 является аналогом дефиниции формального вывода, представляет собой определяющую последовательность, выступает видом так называемых процессов сводимости в логике. Последовательность c_1, c_2, \dots, c_m , фигурирующую в дефиниции 5, уместно назвать алгоритмом определения b на множестве M' посредством f_1, f_2, \dots, f_k .

В соответствии с дефинициями 4, 5, определение предмета, однословное имя которого b , на множестве M общих имен сводится (в простейшем случае) к выбору среди наличных словоформ f_1, f_2, \dots, f_k такой $f_i(x_1, x_2, \dots, x_n)$, для которой в M найдется пакет (a_1, a_2, \dots, a_n) , реализующих f_i так, что $f_i(a_1, a_2, \dots, a_n) = b$ (при соблюдении обычных условий определений, сводимых к отсутствию b среди a_1, a_2, \dots, a_n , или таких a_i , которые определяются посредством b (i пробегает значение от 1 до n)). Нетрудно видеть из приведенных дефиниций особую роль словоформ в определительных процессах – словоформы являются ведущим, наряду со словарным запасом, средством определения. Они – необходимые и вместе со словарем – достаточные средства определения. Определительные возможности той или иной формальной системы словоформ (как языковой системы в целом) напрямую зависят как от словарного запаса языка, так и от словоформного состава языка. Возникает в этой связи вопрос об открытии отдельных групп независимых, опорных словоформ, на основе которых можно было бы создавать словоформные системы определений в множестве имен из словаря, например, русского языка.

Существует естественный способ расширения средств определения за счет открываемых словоформ: для этого достаточно брать отдельные непредложные словосочетания, фигурирующие в языковой среде, выделять в них операторы, а затем вводить словоформные функции. После этого – среди словоформных функций выделять опорные, а уже затем строить на базе опорных словоформные системы определений, исследовать их метатеоретические свойства – в частности независимость опорных словоформ и полноту предлагаемых словоформ в целом.

Однако мы пойдем иным путем – речевым выражением содержания предметов окружающего нас мира, в том числе их сущностей, издревле и успешно занимают

науки филологического цикла. Априори нельзя однозначно сказать плохо это или хорошо. Ясно одно – существуют логические и грамматические средства выражения содержания предметов. Думалось, в делах определений все логично. Однако это не так и большая часть определений, фигурирующих в науке, носит, как оказывается, грамматический характер. Создается впечатление, что грамматические средства определения в некоторых аспектах глубже, первичнее и разнообразнее логических.

По свидетельству авторов учебника «Современный русский язык» [2], в русском языке существуют на основе подчинительной связи (а определение – подчинительная связь) три вида соединения двух или более знаменательных слов в другие знаменательные слова. Речь идет о согласовании, управлении, примыкании. В свою очередь, в словосочетаниях с подчинительной связью структурно выделяемы:

- господствующее слово, называемое обычно стержневым;
- грамматически зависимое, или подчиненное, второстепенное, в виде грамматического определения, или дополнения, или обстоятельства.

Любопытно, и это важно для логика, что подчинительная связь, скажем по согласованию, не обязательно осуществляется посредством союзов или союзных слов, как это делается в современной логике. Существуют бессоюзные связки посредством согласования слов (стержневых и второстепенных) в числе, роде или падеже.

Ясно, что указанный вид связи слов – собственная часть грамматических средств определения; в понятийном, а тем более в категориальном каркасах логики они не фигурируют.

Ярким примером грамматического содержания определений является дополнение. Представляется, именно дополнение, как бессоюзная связка, может быть отнесено к логическим средствам определения после добавления в него логической составляющей, что обеспечит значительное расширение логических средств определения. В грамматике дополнение понимается как второстепенный член предложения, «выражаемый обычно именем существительным» [3, с. 441]. Взяв за основу грамматический контекст, расширим структуру дополнения, отнеся к нему подчинительную связку коренного слова с второстепенным словом посредством согласования в роде, числе или падеже так, что образуется значимое сложное слово, выступающее, в ряде случаев, в качестве определения.

Приведем примеры определений посредством связки дополнения:

- *сестра жены* (свояченица);
- *муж сестры жены* (свояк);
- *муж дочери или жены* (зять);
- *мать жены* (свекровь);
- *отец жены* (свёкр).

Практически в большинстве определений присутствует дополняющая связка: *процент населения*, достаточный для дестабилизации общества (критическая масса); *участок земли под овощами* обычно вблизи дома (огород); *перечень событий* в их временной последовательности (хронология); и т. д.

Согласование в роде, числе или падеже – грамматическая составляющая связки дополнения. Логическую составляющую еще предстоит выделить, чем и будем заниматься ниже.

Обратим внимание: во всяком дополнении связанном словосочетании, в частности, второстепенные члены обозначают предметы, на которые распространяются действие главного члена, что уточняет содержание главного имени, сводя его до отдельного вида. Например – *отказался от чая*. Главное слово – *отказался*, второстепенное – *от чая*, получаем *отказался от чая*, что значительно уже, чем *отказался* по объему. Видно, что второе слово сужает *отказ* до отказа от чего? – *от чая*. Таким образом, дополнение как операция по своему содержанию и результату ближе всего к операции, известной логикам как «ограничение», или «уточнение», то есть к переходу от имени с данным объемом к имени с меньшим объемом. Можно говорить об ограничении дополнением, выделять его логические характеристики и строить на этой основе расширенную словоформную систему определений.

Основной задачей данной статьи является построение формальной системы, в которой бы в качестве единственной, опорной словоформы выступало ограничение дополнением. Назовём её О-системой.

В [1] показано, как из сложного имени эксплицировать логическое содержание – операторы, формулы, определительные функции, словоформы, алгоритмы определения. Если имеет место сложное имя $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, то замена в нем предметных констант a_1, a_2, \dots, a_n на многоточия дает оператор f этого имени. Если в операторе f заменить многоточия на предметные переменные x_1, x_2, \dots, x_n , то получается словоформа $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, и т. д. Учитывая сказанное, можно предложить логическую модель ограничения дополнением.

Пусть имеет место множество M общих имен некоторого естественного, например, русского языка, выражаемых символически строчными буквами первой половины латинского алфавита, с индексами или без них, в разных шрифтах и разных, если нужно, цветах, – $a, b, c, \dots; a_1, b_1, c_1 \dots$ и т. д. Это – предметные константы строящейся модели системы словоформ с ограничением дополнением. В качестве предметных переменных модели будем использовать строчные буквы второй половины латинского алфавита с индексами или без них, в разных шрифтах и т. д.: $x, y, z, \dots; x_1, y_1, z_1 \dots$

Пусть также в системе O имеет место отношение включения, символически выражаемое графом \subset , являющееся бинарным отношением предметных констант или переменных O -системы, удовлетворяющим условиям сильного порядка:

- для всякого a из M a не включено в a , т. е. $a \not\subset a$;
- для всяких a, b из M , если $a \subset b$, то b не принадлежит a : закон симметрии для сильного включения не имеет силы;
- для всяких a, b, c из M , если $a \subset b, b \subset c$, то $a \subset c$, то есть закон транзитивности имеет силу.

Пусть, далее, в множестве M введена (действует, определена) бинарная операция, превращающая любую пару предметных констант a, b из M в некоторый

элемент d из M , называемый ограничением a дополнением b и обозначаемый символом (a, b) , такой, что выполняются следующие условия:

согласованности: a, b в (a, b) согласованы в роде, числе, падеже;

включения: если $(a, b)=c$, то $c \subset a$, но c не включено в b , где \subset – знак включения;

некоммутативности: для всяких a, b из M $(a,b) \neq (b,a)$, где \neq – знак неравенства;

транзитивности: для любых a, b, c из M если $(a,b)=d_1$; $(d_1,c)=d_2$, то $d_2 \subset a$; $d_2 \subset d_1$, где $=$ – знак равенства;

сообразности: для всякого a (a,a) не имеет смысла.

Система O , представляющая собой множество общих имен русского языка, в которой действует операция ограничения дополнением, имеет разнообразное, в том числе оперативное, функциональное и формульное содержание.

Оператором ограничения дополнением назовем выражение (\dots, \dots) , где \dots многоточия, вместо которых можно подставлять либо предметные константы – тогда в O -системе появляются сложные имена; либо предметные переменные – тогда появляются словоформные функции, представляющие собой многократные ограничения одних и тех же или разных имен дополнениями в виде разных слов из M .

Формульная часть O -системы организуется обычным образом. В качестве простых формул берутся предметные переменные O -системы: x, y, z, \dots ; x_1, y_1, z_1, \dots ; и т. д. Если x, y – формулы O -системы, то (x, y) – сложная формула, где x, y – метапеременные, вместо которых можно подставлять отдельные формулы O -системы. Сложными формулами являются, например, $(x,(x,y))$, $(x_2, (x_1,y))$ и т. д.

Возможно выделение других видов формул в O -системе. Например, уравнений.

Дефиниция 6. Выражение вида $f(x_1, x_2, \dots, x_n)=b$, где $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – сложная формула O -системы, а b – одно из имен из M , будем относить к уравнениям O -системы. Уравнение, следовательно, представляет собой функцию, которая при подстановке a_1, a_2, \dots, a_n вместо соответствующих x_i (i – от 1 до n) в $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – выполняется (имеет значение 1) или не выполняется (равно 0). Тогда действие «определить общее имя a из M посредством формулы $f_1(x_1, x_2, \dots, x_n)$ в множестве M_1 из M » уместно рассматривать как решение уравнения вида $f_1(x_1, x_2, \dots, x_n)=a$. Операция определить, в таком случае, сводится к поиску общих имен в множестве M_1 из O -системы, выполняющих вышеуказанное уравнение.

Из вспомогательных средств в O -системе представлены, как это видно выше, многоточия, запятые, индексы, скобки, а также графы операторов, функций, а также метапеременных.

Естественно ввести в O -систему наряду с именами и их отрицания.

В O -системе присутствуют 1, 0 как выражения универсального и пустого классов множеств имен, которые удовлетворяют следующим условиям: всякое a :

$$\begin{array}{ll} a \subset 1 & (0,0)=0 \\ 0 \subset a & (0,a)=0 \\ & (a,0)=a \end{array}$$

В О-системе, поскольку в ней фигурируют переменные, а также функции, признается подстановка вместо переменных в формулы и уравнения предметных констант или отдельных имен.

Сильный порядок, задаваемый в О-системе ограничением дополнения, приводит к тому, что в ней имеют место «цепные» построения, в которых:

- присутствуют начальное звено цепи и конечное звено, причем конечное звено, так и промежуточные звенья между начальным и конечным звеньями принадлежат начальному звену;

- всякое последующее от начального звена, представляющее собой ограничение дополнением, входит в предшествующее звено.

Множество М в О-системе разбивается на отдельные гнезда, в которых выделяется гнездообразующие имена (категории) и производные имена, замкнутые в цепи. С учетом категориального разбиения М в О-системах допускаются принимаемые и непринимавые формулы, соответствующие этому обстоятельству, в том числе – аксиомы:

- если принимается (знак \perp) некоторое a из М (записывается как $\perp a$) и если известно, что $(a,b)=c$, то $\perp c$;

- если $\perp a$ и известно, что $b \subset a$, то существует такое d , что $(a,d)=b$. Указанные аксиомы усиливают О-систему, расширяя производственные возможности принимаемых имен.

Помимо ограничения дополнением в русском языке существуют другие грамматические бинарные, бессоюзные операции-связки, превращающие отдельные пары слов в словные, знаменательные выражения, объемы которых принадлежат одному из слов превращаемой пары. Речь идет о грамматическом обстоятельстве, которое С. И. Ожегов определяет как «второстепенный член предложения, указывающий время, место, причину действия и т. д.» [3, с. 390]. В логическом контексте целесообразно ввести понятие *ограничение обстоятельством*, представляющее собой связку главного и второстепенного слов, в результате которой осуществляется логическое ограничение главного слова качеством, количеством, временем, способом и т. д. действия, означаемого главным словом. Ограничение обстоятельством относится к словам, обозначающим действие (процесс), при этом главное называет род действия, а второстепенное сужает его до вида действия. Например, *шел нетвердой походкой*. Конечно, здесь имеет место ограничение *хода* на *ход нетвердой походкой*.

Обстоятельство так же хорошо, как и дополнение, выполняет роль дефиниций и широко используется в построениях точных определений:

- *бег лошади вскачь* (галоп);

- *бег лошади, при котором она ставит на землю одновременно одну переднюю и одну заднюю ногу* (рысь);

- *бег лошади, при котором одновременно выносятся обе правые ноги, а затем обе левые ноги* (иноходь).

Конечно, в ограничении обстоятельством не может идти речь о согласовании главного и второстепенного слов, но остальные четыре условия из определения ограничения дополнением, ограничение обстоятельством выполняет.

Помимо ограничений, выражаемых грамматическим дополнением или обстоятельством, существует уточнение посредством условия. Например, *плавится при температуре 326 градусов Цельсия*. Это – олово. Думается, что ограничение условием можно отнести к ограничениям обстоятельством.

В русском языке образование сложных имен осуществляется не только ограничением дополнением, обстоятельством или условием. Существует грамматическое определение, как это имеет место в выражении «Александров Иван Петрович», где слово *Александров* ограничивается словом *Иван*, а затем и *Петрович*. Связка под названием «грамматическое определение» реализуется посредством согласования упомянутых слов в роде, числе, падеже, но в логическом отношении существенно иная, чем ограничение дополнением, – здесь ограничение осуществляется посредством логической операции пересечения слов *Александров*, *Иван*, *Петрович*. Но это означает только одно – ограничений дополнением, обстоятельством или условием недостаточно для построения общей теории словоформных определений: в О-систему необходимо вводить другие операции, превращающие слова в словосочетания. В первую очередь это относится к пересечениям и объединениям слов.

Отмеченные выше высказывания относительно свойств О-системы показывают ее разнообразие. Исследование О-системы только начинается. Представляется, что О-система как раз та система, которой так не хватает в настоящее время в современной логике и которая может стать базовой в каскадном формировании формальных систем словоформных определений, которые планируется создать в последующих публикациях. Суть каскадного построения заключается в следующем.

1. Создается система словоформ, содержащая в качестве опорной одну словоформу – в нашем случае роль опорной выполняет ограничение дополнением. Это О-система, или система нулевого уровня.

2. Затем в О-систему вводят конечное число независимых друг от друга словоформ. И т. д. Получаются объемные системы словоформ, охватывающие если не все, то большинство словоформных образований естественного, в нашем случае – русского языка.

Блоки O , O_1 , O_2 и т. д. O_n систем словоформных определений после проработки испытываются в аксиоматических построениях, проверяются в различных метапроблемных ситуациях.

Список литературы

1. Николко В. Н. Опыт построения формальной системы определений / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Том 3 (69). 2017. – № 1. – С. 126–132.
2. Современный русский язык : учебник для ВУЗов / под ред. Д. Э. Розенталя. – 4-е изд. – М.: Высшая школа, 1984. – 753 с.
3. Словарь русского языка / составитель С. И. Ожегов. – М.: Гос.из-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.

Nikolko V.N. On One Extension of Logical Means for Definition // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 12–19.

A formal model of limiting the meaning of names by a grammatical object is given. The key to such an extension is considering the concept of a word-form defined as any formal function with arguments an values from the set of general names. In a concept in which a definition is understood as the implementation of word-forms on a some set of common names the dictionary of common names and the capacity of the word-form part of the natural language are considered to be the basic means of definition. The discovery, construction and production of formal systems of word forms is likely important. It is proposed to expand the word-form part due to such an action as limiting by the object in words connections and grammatical conjunctions due to grammatical sequence. A formal limiting by the object system is constructed. The syntactic part is transformed into a formal one. Limiting the names meanings by the object is represented as a binary functor that turns any pair of main and dependent names into a name that is part of the main name volume. The possibility of limiting the volume of names by other syntactic operators is noted.

Keywords: word-form definition, limiting by the object, formal system of limiting by the object, properties of limiting by the object.

References

1. Nikolko V. N. Opyt postroeniya formal'noi sistemy opredelenii [Constructing the Formal System of Definitions Experience] / Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2017, Vol. 3 (69). № 1. P. 126–132.
2. Sovremenniy russkii yazyk: uchebnik dlya VUZov [Modern Russian: Textbook for Universities] / ed. by D. E. Rozental, 4th ed., M. : Vysshaya shkola, 1984, 753 s.
3. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian] / comp. by S. I. Ozhegov. 3rd ed., ed. by S. P. Obnorskiy. M.: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953, 848 s.

УДК 1+ 304.2

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Ореховская Н. А.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: orehovskaya@yandex.ru

В статье автор прослеживает взаимосвязь между уровнем образования молодежи и ее дальнейшей профессиональной успешностью. Безработица влияет на молодежь сильнее, чем на другие возрастные группы, эта социальная маргинализация молодежи является острой проблемой для российского общества. Молодежная безработица ведет к углублению бедности, которая становится устойчивым явлением. При поиске работы молодые люди сталкиваются с трудностями адаптации на рынке труда. Надежной защитой от безработицы является высокий уровень образования.

Поэтому целью статьи является необходимость проанализировать положение молодых людей на рынке труда и выявить корреляцию между уровнем образования молодого специалиста и уровнем молодежной безработицы. Этот анализ чрезвычайно важен, ведь молодежь является неотъемлемой частью современной системы трудовых ресурсов. Социальная незащищенность и неадекватное оценивание труда молодого поколения усугубляет скорость падения национального патриотизма и способствует увеличению оттока специалистов за границу. Такое отношение к молодежи нивелирует ценность образования и заставляет искать альтернативные формы заработка, реализуя себя в теневом бизнесе. Главной защитой от молодежной безработицы автор считает высокий уровень образования. В статье также затрагивается проблема коммерциализации образования. Свои выводы автор подкрепляет данными Росстата и социологических исследований в области изучения рынка труда.

Ключевые слова: молодежь, образование, ценность, мотивация, безработица, профессиональная успешность, коммерциализация образования.

Необходимость анализа положения молодежи на рынке труда вызвана как минимум двумя, на наш взгляд, противоречивыми обстоятельствами. С одной стороны, молодые люди занимают одно из ключевых мест в системе трудовых отношений в России. С другой – являются одной из самых незащищенных групп на рынке труда. Поэтому целью статьи является необходимость проанализировать положение молодых людей на рынке труда и выявить корреляцию между уровнем образования молодого специалиста и уровнем молодежной безработицы. Этот анализ чрезвычайно важен, ведь молодежь является неотъемлемой частью современной системы трудовых ресурсов. В нашей стране на ее долю приходится свыше трети трудоспособного населения. При этом следует признать, что на рынке труда эта группа относится к наиболее незащищенным. Многое зависит от условий, в которых начинается профессиональная деятельность, и от того, насколько глубоко

молодежь интегрирована в социально-экономическую жизнь социума. Активность подрастающего поколения является фундаментом экономических и социальных успехов и широких перспектив в развитии государства. Безработица, как правило, «ударяет» молодежь сильнее, чем другие возрастные группы, в связи с чем социальная маргинализация молодежи является острой проблемой российского общества. В силу специфики социально-психологических характеристик, таких как размытость социально-трудовых ориентиров, недостаточная сформированность мотивационной сферы, негибкость социального поведения, неумение распорядиться имеющимися ресурсами, неадекватный уровень притязаний, неустойчивость жизненных ценностно-ориентационных установок делают положение молодежи на рынке труда тяжелым и болезненным.

Так, данные Росстата свидетельствуют, что по итогам обследования в июле 2017 г. численность рабочей силы составила 76,4 млн человек, или 52% от общей численности населения страны, в их числе 72,5 млн человек были заняты в экономике и 3,9 млн человек не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной Организации Труда они классифицируются как безработные). В конце июля 2017 г. в государственных учреждениях службы занятости населения состояло на учете в качестве безработных 797 тыс. человек. Среди безработных (по методологии МОТ) доля молодежи до 25 лет составила 29,1%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности – 30,6% [7]. А в 2011 году юноши и девушки возрастом моложе 25-ти в этом списке составляли 27%. Причем на возрастную группу 15–19 лет приходился 31% безработных, а на прослойку 20–24 – 13%. Средний показатель безработицы среди молодых людей 15–24 лет в тот период находился на уровне 15% (городское население – 13%, сельское – 18%). Однако в ряде случаев реальный процент безработицы намного превосходит статистический [2, с. 393–394]. К сожалению, мы наблюдаем рост молодежной безработицы.

Низкие доходы молодых сотрудников не поддаются корреляции с заоблачной стоимостью жилья, высокими расходами на транспорт, дороговизной продуктовой корзины и медикаментов. Общее ухудшение здоровья молодых людей, спровоцированное бедностью, непременно отразится на будущем потомстве. Это повлечет за собой дальнейшее ухудшение качества человеческого потенциала государства. Социальная незащищенность и неадекватное оценивание труда молодого поколения усугубляет скорость падения национального патриотизма и способствует увеличению оттока специалистов за границу. Такое отношение к молодежи нивелирует ценность образования и заставляет искать альтернативные формы заработка, реализуя себя в теневом бизнесе. Но только уровень профессиональных знаний и навыков является надежным страховым полисом от безработицы и гарантией, что в случае потери работы человек быстро найдет новое место.

Статистика неумолима – высокий уровень образования позволяет снизить безработицу. По данным 2010-го года занятость населения, окончившего высшие учебные заведения, составила 81% (при уровне безработицы в 4%). Среди граждан, имеющих среднее профессиональное образование – 73% и 6% соответственно. Для

людей с подготовкой на начальном профессиональном уровне – 72% на 8%. Занятость населения без специального образования составила всего 23% при безработице в 17% [4, 6]. В 2014 году по данным Росстата уровень безработных с высшим образованием составил 18%, со средним профессиональным образованием – почти 40%, а имеющих среднее общее образование – 31,5% [7].

Всесторонне проанализировав разнообразные социологические исследования, можно утверждать, что возможность молодежи создавать карьеру во многом зависит от уровня образования. Больше трети опрошенных (37%), ведущих успешную профессиональную деятельность, окончили не менее двух ВУЗов. Для лиц, не получивших высшего образования, характерны отсутствие планов по строительству лестницы к успеху и низкие социально-профессиональные запросы. Основная масса «неудачников» приходится на группу с начальным образованием – 84%. Среди молодых людей, окончивших лишь среднюю школу, они составляют 58%. В группе же респондентов с двумя высшими образованиями их всего 27% [4].

Исследователь Е. Добрынина, основываясь на изучении профессионального и жизненного пути выпускников школ и представителей других слоев молодежи, отмечает, что людям с высоким уровнем образования свойственно стремиться к его дальнейшему повышению. Желание молодых граждан улучшать и расширять свои знания является бесспорным свидетельством возрастающей ценности образования [3].

Свои социальные интересы выпускники школ связывают с будущим – с планированием жизни, а это и высшее образование, и занятость. Однако сегодня определение будущей профессии происходит не под влиянием мечты, а под давлением страха оказаться нетрудоустроенным. Люди старших поколений с этой проблемой не знакомы. У современной же молодежи произошла смена стереотипов. Если в эпоху развитого социализма юноши и девушки жили, чтобы работать, то в наши дни им приходится получать образование и трудиться, чтобы выжить.

Мы наблюдаем слияние прагматических и ценностных аспектов труда. Образовательная и профессиональная деятельность смыкаются. Рыночные отношения вынуждают молодежь рано включаться в их схему, а это отражается как на содержании работы, так и на отношении к ней. В связи с этим изменился и перечень престижных профессий. Например, в 1997-ом году 89% молодых людей считали достойной занятость в юридической сфере или в финансовом секторе, а в 2009-ом их престижность упала до 30% [5]. Конечно, престиж юристов и экономистов в современном обществе остается очень высоким, но огромная конкуренция резко снизила интерес к этим профессиям. Молодежь больше не считает их прибыльными.

Сегодня молодые люди высоко ценят доходность предпринимательства, однако по критерию престижности выше ставят службу госчиновника, творческие профессии, работу в банках. Труд инженеров, ученых, преподавателей, врачей из-за недостойной оплаты стал непрестижным. Каждый человек хочет, чтобы за его профессиональную деятельность хорошо платили. Среди молодежи это подтвердили 85% опрошенных. Причем 63% из них считают, что работа должна

быть интересной. Среди представителей старших поколений за достойную оплату труда высказались 87% респондентов [2, с.405].

В течение столетия в нашей стране наблюдается устойчивая тенденция к повышению уровня образованности с каждым последующим поколением. Образовательный потенциал общества увеличивается. Развиваются наука и техника. Совершенствуются обучающие методики и технологии передачи и хранения информации. Это влечет за собой и повышение требований к системе образования. По мнению Ю. Г. Волкова, российское общество подошло к его видению как области социального творчества. А чтобы создать мощную, креативно мыслящую прослойку населения, нужно превратить образование в надежного партнера и союзника [1]. Однако влияние на образовательную систему рыночных механизмов и расширение списка платных услуг может стать серьезным тормозом для этого процесса.

В наши дни наблюдается парадокс – количество учащихся молодых людей растет, а общекультурный и общеобразовательный уровни падают. Дело в том, что процесс получения знаний стал обязательной процедурой, где главным фактором выступает платежеспособность студента. Тысячи малоквалифицированных исполнителей сегодня – это результат перевода профессионального обучения на коммерческие рельсы. Работодатели России страдают от нехватки специалистов высокообразованных и умеющих мыслить творчески. Только с такими сотрудниками можно заниматься модернизацией производства и улучшать имидж компаний и государства.

Превращение профессионального образования в коммерческий проект недопустимо. Нельзя забывать, что обучение молодежи является единой системой, воспитывающей и формирующей ценностные ориентации. Важно, чтобы процесс получения профессиональных знаний и навыков не трансформировался в непреодолимое препятствие, т. к. образование и безработица, а также социальные проблемы, которые она за собой влечет, являются двумя сторонами одной медали. Образование должно оставаться доступным путем к самореализации для представителей всех социальных и культурных групп.

Понимая и учитывая взаимосвязь между уровнем образования молодого специалиста и уровнем молодежной безработицы, государство и общество не должны самоустраняться от решения данной проблемы. На наш взгляд, следует всемерно развивать молодежные биржи труда и центры по трудоустройству молодежи, в рамках которых непременно проводить ярмарки вакансий с участием предприятий регионов. Кроме того, требуется постоянно оказывать содействие молодежным инициативам в сфере предпринимательства, связанным с созданием новых рабочих мест. Для этого необходима серьезная государственная поддержка, в частности, в виде льготного налогового режима. В подготовке и финансировании программ содействия занятости молодежи должны принимать активное участие не только высшие эшелоны государственной власти, но и региональные власти, органы местного самоуправления.

Список литературы

1. Волков Ю. Г. Креативность: исторический прорыв России / Ю. Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 328 с.
2. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.
3. Добрынина Е. Предпоследний звонок // Российская газета. – 2011. – 18 мая. – № 104. – С. 12.
4. Тюрина И. О. Двадцать лет реформ: взгляд на занятость // Служба занятости. – 2011. – № 9. – С. 50–59.
5. Горшков М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги – М.: ЦСПиМ, 2010. – 290 с.
6. Orehovskaya N.A. Problems of Youth Unemployment in Russia / В сборнике: Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia Papers of Russian Sociologists for the 12th Conference of the European Sociological Association. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences (IS CAS); European Sociological Association; Editor-in-Chief V.Mansurov. – 2015. – С. 311–315.
7. Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/170.htm (Дата обращения 21.08.2017).

Orehovskaya N. A. Professional Education is one of the Factors of Solving the Problem of the Youth Unemployment // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 20–25.

In the article the author traces the interrelation between the level of education of youth and its further professional success. Unemployment affects young people more than other age groups, this social marginalization of youth is the most acute problem for Russian society. Youth unemployment leads to a deepening of poverty, which becomes a sustainable phenomenon. When looking for a job, young people face difficulties in adapting to the labor market. A high level of education is a reliable protection against unemployment. Therefore, the aim of the article is to analyze the situation of young people in the labor market and to reveal the correlation between the level of education of a young specialist and the level of youth unemployment. This analysis is extremely important, because young people are an integral part of the modern system of human resources. Social insecurity and inadequate assessment of the work of the younger generation aggravates the rate of decline of national patriotism and contributes to an increase in the outflow of specialists abroad. This attitude towards the youth levels the value of education and makes it necessary to look for alternative forms of earnings, realizing themselves in the shadow business. The author considers a high level of education to be the main protection against youth unemployment. The article also touches upon the problem of the educationalization of education. The author reinforces his conclusions with the data of Rosstat and sociological research in the field of labor market research.

Key words: youth, education, values, motivation, unemployment, professional success, commercialization of education.

References

1. Volkov Yu. G. Kreativnost: istoricheskii propiv Possii [Creativity: Historical Breakthrough of Russia]. Moscow, Socio-humanitarian knowledge, 2011, 328 p.
2. Gorshkov M. K. Rossiiskoe obchestvo kak ono ect: (opit sosiologicheskogo issledovania) [Russian Society as It is: (the Experience of the Sociologist Diagnostics)]. Moscow, New Chronograph, 2011, 672 p.
3. Dobrynina E. Predposlednii zvonok [The Penultimate Call] / Possiiskay gazeta [The Russian newspaper]. – 2011. – № 104. – 18 may 2011. – P. 12.
4. Tyurina I. O. Dvadsat let peform: vzgljd na zanjtost [Twenty Years of Reforms: a Look at Employment] / Slugba zanjtosti [Employment Service]. – 2011. – № 9. – P. 50–59.
5. Gorshkov M., Sheregi F. Molodeg Possii: sosiologicheskii portret [The Youth of Russia: Sociological Portrait]. Moscow, CSEM, 2010, 290 p.
6. Orekhovskaya A.N. The Problem of Youth Unemployment in Russia / In the proceedings: differences, inequalities and sociological imagination: a view from Russia of works by Russian sociologists to the 12th conference of the European sociological Association. Russian society of sociologists; Institute of sociology of the Czech Academy of Sciences (IP-CAS), European sociological Association; editor in Chief V. Mansurov, 2015, P. 311–315.
7. Rosstat. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/170.htm (accessed 21.08.2017).

УДК 1(091):101.2:124.2:141:165

УНИВЕРСАЛИЗИРУЮЩИЕ ОЗНАЧАЮЩИЕ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Подлесный О. О.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: gekfinn2014@gmail.com

Статья посвящена понятию «универсализирующих означающих», вопрос о которых является открытым для теоретического поля социальной философии. Данный вид понятий мы считаем фундаментом смыслообразования в сфере языка, необходимого для описания социальных процессов. Сам предмет современной социальной философии вращается вокруг выработки и дальнейшей работы с некими означающими, которые обнаруживаются в исследовании дискурсивной общественной практики, и подвергнут как определению, так и переозначиванию. Данный процесс не может эффективно протекать в русле позитивистской парадигмы, так как значительно усложняет ее особенности, связанные с необходимостью учета контекстуальных установок субъекта исследования. Как демонстрируется на примере статьи Л. Брайанта, дискурс социальной философии можно считать детерминированным универсализирующими означающими. Этот тезис иллюстрируется на примере нескольких наиболее облигатных из них, которые можно обнаружить в самом ядре общественных отношений. Однако, кроме этого, универсализирующие означающие в первую очередь, по нашему мнению, должны быть найдены в академической дискурсивной практике как главные её концептуальные и идейные гаранты. И это обстоятельство не следует ставить в зависимость от того, что рассмотренные в статье психоанализ и спекулятивный реализм содержат различия в их трактовке и обходятся с универсализирующими означающими различными способами.

Ключевые слова: универсализирующие означающие, лаканианский психоанализ, спекулятивный реализм, дискурс, эклектика, субъект, структурализм.

Исследовательское поле современной философии многообразно и даже пестро и эта пестрота последние десятилетия господства принципа междисциплинарности только усиливается за счет порой смелого участия философов в самого разного рода исследовательских проектах. Особое положение у такого традиционного для отечественной философской культуры раздела как социальная философия: что только в наши дни не стало социальным! Теоретическое поле, простирающееся от социальной эпистемологии до социальной статистики, как кажется, уже не оставляет места для собственно социально-философских исследований, востребованность которых, тем не менее, никуда не исчезает. Как обнаружить это

место? Какими виртуальными связями пронизана современная, порой вполне эклектичная философская культура, позволяющая найти подходы к пониманию социального, увидеть, в конечном счете, механизмы смыслообразования? Мы полагаем, что одним из таких подходов может быть обнаружение и изучение «универсализирующих означающих», под которыми следует понимать означающие как в дискурсе вообще, так и в теоретическом языке социальной философии, которые имеют статус важнейших, ключевых обобщений. Они обладают выраженной аксиматичностью и оказываются отправными точками, из которых исходит дальнейшее развёртывание видения и понимания социальной реальности её агентами и исследователями. К «универсализирующим означающим» относятся такие фундаментальные понятия, как «общество», «Бог», «субъект», «Другой», «реальность», «коммуникация», «идентичность» и др.

ЭКЛЕКТИКА КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

«Эклектика» – так, на наш взгляд, можно определить одну из тенденций современной западной философии, которая характеризует не только её теоретико-методологические поиски, но и распространяется на исследования в области социальной философии. Эта тенденция прослеживается в работах мыслителей, которых можно назвать и популярными, и влиятельными: А. Бадью, С. Жижек, Г. Харман в наши дни определяют и философскую «моду» (в области стилистики текста), и, во многом, влияют на формирование проблемного поля (в области эпистемологии). Будучи активно вовлеченными в политическую жизнь современного западного общества и не скрывая своей политической ангажированности, они, вместе с тем, являются представителями академической философии в разных её дискурсивных проявлениях. Как указывает Д. Кралечкин, «спекулятивный реализм», официальная дата рождения которого – апрель 2007 года, оказывается именно такой «репрезентативной частью» философии, претендующей на статус самой философии и имеющей все шансы на перформативный успех своих претензий» [1, с. 39].

Стилистические особенности текстов представителей направления спекулятивного реализма, как и психоанализа, производны от особенностей методологического, эпистемологического и онтологического характера, ведь именно они, на наш взгляд, определяют «тягу» некоторых современных западных философов к эклектике. В чем же состоит эта эклектическая тенденция? Какую оценку может получить её социально-философская импликация? Чем вообще можно объяснить сам интерес к философской эклектике?

Для начала определимся с тем, как мы трактуем понятие «эклектика». Можно утверждать, что общепринятая и вполне ригористическая его трактовка в академической среде позволяет называть эклектичным то, что представляет собой произвольный и лишь внешне цельный синтез разрозненных и несвязных идей, концептов, который рано или поздно выявляет себя как поверхностное новообразование. Нас же будет интересовать «доброкачественная» эклектика, а вернее то, что является её базисом, делает её возможной. Речь о некоей смысловой основе, которая вообще позволяет осуществлять интеллектуальную спекуляцию. В

терминах структуралистской теории такую пресуппозицию следует обозначить как «означающее», а необходимым свойством для мета-означивания определить «универсализируемость».

Для демонстрации и стилистических, и методологических особенностей спекулятивного реализма и психоанализа мы рассмотрим и проанализируем статью Л. Брайанта «Другое лицо Бога». Эта статья вышла в упомянутом философском журнале «Speculations» в 2012 году, когда её автор ещё не вошёл в число представителей спекулятивного реализма, а работал в области лаканианского психоанализа и континентальной философии. Статья «Другое лицо Бога» интересна тем, что представляет собой границу и переход её автора из лаканианского дискурса в дискурс спекулятивного реализма. Этот пограничный (маргинальный) текст показывает общность между данными дискурсами, она и позволила осуществить переход, средством которого был концепт универсализирующего означающего. Этот концепт дал возможность Л. Брайанту ухватить в мышлении некий семантический абсолют, который позволил осуществить объединение спекулятивного реализма [2], психоаналитической теории [3, с. 100–125] и современной теологии [4].

В своей статье Леви Брайант освещает теолого-логическое измерение лаканианского психоанализа, а в послесловии объясняет свой переход в спекулятивный реализм. Особый интерес эта статья вызывает ввиду переплетения в ней трёх дискурсов – лаканианского, теологического и формализационно-спекулятивного (модельно-логического, объектно-ориентированного). Их отношение друг к другу амбивалентно – это оппоненты, свободно заимствующие друг у друга. В качестве оппонирующей психоаналитической парадигмы стоит выделить именно объектно-ориентированную онтологию Г. Хармана, на которую в поздних исследованиях будет ссылаться Л. Брайант и в конstellляции с которой будет формулироваться его вариация «плоской онтологии».

УНИВЕРСАЛИЗИРУЮЩИЕ ОЗНАЧАЮЩИЕ

Понятие «означающего» следует считать одним из фундаментальных и концептуально продуктивных достижений структурализма. Можно даже утверждать, что и наименьшей ревизии в русле пост-структурализма подверглась именно эта логоцентристская категория. Среди первой волны внесших вклад в «академизацию» структурализма назовем Ф. Соссюра, К.-Л. Стросса и Р. Якобсона. От последних двух Ж. Лакан перенимает идею «означающего» и адаптирует её к потребностям своего проекта обновлённой интерпретации фрейдизма. Главное в переформулировке Лаканом теории означающего – то, что если для Соссюра означающее сохраняет неразрывную связь со своим референтом (означаемым), то для Лакана принципиальным и существенным является именно констатация разрыва между ними. Психоаналитик постулирует, что означающее не связано ни с каким означаемым как таковым вообще, а является лишь потенциально бесконечно смещающимся по череде других таких же означающих, и таким образом понятие означаемого теряет какое-либо теоретическое содержание. Как указывает С. Жижек, «субъект обретает возможность быть представленным в череде других означающих,

в цепи означающих: субъект пытается заполнить свою конститутивную нехватку, идентифицируясь с определенным господским означающим, гарантирующим ему место в символической сети» [3, с. 111]. Так Жижек апеллирует к лаканианской формуле, состоящей в «коперниканском перевороте» доструктуралистской лингвистической парадигмы и объявляющей, что означающее является тем, что представляет субъекта другому означающему. Данное утверждение, по мнению Лакана, полностью описывает положение субъекта как такового и, более того, исчерпывает его возможное представление. Кроме того, означающие имеют различную функциональную диспозицию в зависимости от статуса инстанции, задействованной в символическом пространстве. Как пишет Жижек, «означающее дискурса Господина является “субъективной” характеристикой означивания, которая поддерживает саму “объективную” символическую структуру» [5, с. 213].

Поскольку означающими как таковыми вообще и ограничивается, с точки зрения Лакана, представленная субъекту реальность, то крайне важно подчеркнуть, что совсем не случайно пресловутое лаканианское Реальное – это нечто, лишённое означивания и потому утаенное от субъекта – в случае его прорыва в субъективную реальность происходит аннигиляция субъекта. Особым образом обстоит дело касательно означающих, маркированных специфической инстанцией: «если *objet a* – это Реальное на стороне Символического, то Господское-Означающее – это означающее, попадающее на Реальное» – пишет С. Жижек [6, с. 156]. Этот аспект и представляет собой интерес с точки зрения встречи в нём психоаналитического дискурса и спекулятивного реализма.

Л. Брайант начинает в своей статье с констатации того, что суть психоаналитического подхода состоит в локализации нехватки (разрыва) означивания в символическом порядке, которая всегда обнаруживает себя в нонсенсе. Смысловая компонента, начиная с обращённого к Другому означающего в симптоме, трансформируется в теоретическом поле в собственную изнанку-зияние в синтоме (термин из лаканианского психоанализа, означающий симптом в его преодолении субъектом в определённом акте-процессе психической жизни), который является структурным континуумом (длящейся данностью) как таковым, лишённым означивания.

Брайант также указывает, что Лакан приписывает Реальному предикат «невозможного». Причём данная категория, подчёркивает Брайант, указывается Лаканом как не имеющая ничего общего с какими-либо культурными паттернами и условностями «здорового смысла», а относящаяся исключительно и именно к области формализованных структур, таких как математика и логика. По аналогии с тем, как в теории множеств существует парадокс множества, которое одновременно должно включать и не включать само себя и потому его существование невозможно. Но Брайант тут не воспроизводит мысль Лакана до конца и не воспроизводит его «новую логику», хотя и делает оговорку о слиянии парадокса и «невозможности» в этой лаканианской логике. В пересказе Брайанта, реальность, по Лакану, есть лишь невозможность приближения к Реальному, которая выступает трансцендентальным фреймом в форме фантазматического образования, в то время как Реальное ускользает от формализации. Основной тезис

Лакана связан с теоремой Гёделя о неполноте, но из-за логоцентрированного интереса психоаналитика экстраполирован на область языка в качестве системы означающих. Он состоит в том, что метаязык невозможен, а именно: ни одно означающее не может генерализовать собой всю систему означающих данной системы, то есть «захлопнуть, замкнуть множество» по Брайанту. Под вопрос в данном случае ставится существование «дискурсивного универсума» в терминах Брайанта, а именно универсализирующих категорий или сетов множеств [7, с. 22].

КРИТИКА СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА

Критика позиции «спекулятивного реализма» вообще и Л. Брайант, в частности, осуществлена в известной публичной лекции словенского философа А. Зупанич. В ней она выразила общую для всех психоаналитически ориентированных мыслителей настроенность. Обращаясь к спекулятивным реалистам, Зупанич критикует их трактовку понятия «реальность» как симптом предлагаемой спекулятивным реализмом «фантазии». Её же исследовательская позиция базируется на том, что спекулятивный реализм «простодушно» лелеет некую надежду обрести доступ к Вещи, и тем самым учредить действительную Реальность, а не просто примат трансцендентного Реального [8]. В своём анализе А. Зупанич ссылается на работу К. Мейясу «После конечности» (в более адекватном переводе – «После конечного» в духе терминологии А. Бадью [9, с. 16–17]) и корректно высвечивает некоторые её фантазматические, с точки зрения психоаналитического дискурса, аспекты.

Со времён своего создания З. Фрейдом в начале 20 века психоанализ претерпел фундаментальные перестройки как теория и практическая дисциплина. Эти изменения, прежде всего, связаны с именем французского психоаналитика Ж. Лакана и предполагают собой смещение психоаналитической теории в область структурализма. Как указывает С. Н. Ставцев, «работы Лакана отмечены и наиболее замечательны предпринимаемым в них соотношением между феноменологией и структурализмом. <...> структурализм фиксирует языковой детерминизм. Психоаналитическая теория Лакана отчасти основана на открытиях структурной антропологии и лингвистики. Одной из главных ее идей является утверждение о том, что бессознательное представляет собой скрытую структуру, сходную в своей основе с языком: бессознательное структурировано как язык» [10, с. 62–78].

Философский аспект лакановского психоанализа проявляется в области совпадения нескольких полновесных философских разделов, таких как эпистемология [11], онтология и антропология. По утверждению С. Жижека, это выглядит так, как если бы Лакан усвоил «урок Хайдеггера», но при этом он «Вместо принятия этого согласия (тождественности) Бытия и логоса старается выйти за эти пределы, к измерению реального, явленного невозможным сочленением между субъектом и наслаждением» [12, с. 70].

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Тема универсализирующих означающих представляет собой существенный, но открытый вопрос в поле социальной философии – именно данный вид понятий следует считать фундаментом смыслообразования в языке теории, необходимым для описания социальных процессов. Сам предмет социальной философии образуется вокруг работы с некими означающими, которые можно ухватить, лишь «собрать» их с поверхности дискурсивной общественной практики и подвергнув определению и переозначиванию. Но данный процесс в самой своей основе не может эффективно протекать в русле сугубо научной практики, то есть функционировать в тех же рамках, что и эмпирические и позитивистски ориентированные науки об обществе. Главной проблемой здесь назовём отсутствие реальной и гарантированной внутри самих данных теорий возможности включать в анализ позицию наблюдателя не только как «агента статистической погрешности» системы сбора данных, но и в её базисе, образованном рефлексией результатов и установок социальных исследований. Например, в феноменологическом подходе, который позволяет работать с социальными теориями и в их контексте осмыслять фигуру исследователя: после редукции и последующего анализа его предварительных установок и основоположений. Рассмотрим, как реагирует на подобные запросы сегодня социальная теория.

Для рассмотрения позиции социального теоретика (наблюдателя) российский социолог А. Бикбов, например, предлагает классифицировать всё множество течений и авторских подходов к изучению социального. Для этого он выделяет два главных, исходящих из разных научных предпосылок, класса социальных исследовательских программ: трансцендентную и имманентную социальную философию и социологию. Можно утверждать, что эта дихотомия производится им как по критерию исходного методологического базиса и аксиоматики, так и по стилистическим особенностям: «В целом же, введение несамостоятельного социального объекта можно рассматривать в качестве отличительной черты имманентного социологического теоретизирования... оно постоянно имеет дело с двумя, не сводимыми друг к другу областями: множеством практических схем, представлений, интуитивно постигаемых и предзаданных извне элементов реальности, доступных объяснению из подобия исследователя исследуемому; и “систематически тотализированным”, но предельно узким теоретическим конструктам, результирующим разрыв и сущностное отличие социологического взгляда...» – пишет он [13, с. 8]. Отметим, что в свое время точное описание конфигурации «трансцендентной» социальной философии дал М. К. Мамардашвили: «Во всех точках пространства наблюдения возможен (непрерывный) перенос наблюдения, не нарушаемый ни в одной точке. По отношению к любой из них, в том числе в такой, в какой я сам как наблюдатель не нахожусь, действует возможность рефлексивно в нее переноситься и воспроизводить в ней одно и то же сознание, то есть сделать себя сознательным носителем тех событий, которые в той точке произошли спонтанно и без меня. Я

могу их воссоздать, то есть свести их к некоему одному (трансцендентальному) субъекту как автономному и конечному их источнику» [14, с. 10].

Имманентная же социальная философия и социология характеризуется А. Бикбовым исходя из наиболее существенного для него аспекта – метода, который представляет собой не просто некий внутрисистемный инструментарий социальной теории, но некий источник и ядро формирования всей данной исследовательской парадигмы в целом: «От редукции к манифестирующим социальный мир обыденным смыслам имманентное объяснение застраховано методическим ходом, лежащим в его основании: первоначальное обнаружение трансцендентного основания той или иной серии социальных событий и последующий анализ его социального генезиса... Имманентную теорию отличает систематическая поправка на вводимые в исследование посылки метода» [13, с. 11].

Характеризуя наследие «трансцендентного» (в его терминологии) социального философа и социолога Т. Парсонса, А. Бикбов сосредоточивается непосредственно на коммуникативном аспекте характеристики социального знания. В частности, он рассматривает текстовую специфику означивания социальной реальности американским теоретиком. Более того, утверждает, что в процессе своей академической деятельности Т. Парсонс не только формулирует описательные и объяснительные модели социальных явлений, но и конструирует реальность как таковую: «Текст, претендующий на представление монопольного взгляда, на высшую власть наблюдателя над реальностью, оказывается наиболее полно подчинен ее простым самоманифестациям. Властный интерес теоретика не позволяет обнаружить несамодостаточность... речи – теория Парсонса стремится представить весь социальный мир как самоотжественный и тождественный его теоретическому описанию...», а сам «...текст теории только как комментарий к образам, возникающим перед “всевидящим глазом” наблюдателя» [15, с. 20].

В качестве оппозиции к «трансцендентной» теоретической установке Т. Парсонса А. Бикбов приводит методологический подход М. Фуко и делает в результате сопоставления вывод, что последний «предлагает рассматривать дискурс знания в качестве поливалентного элемента властной стратегии, связывая его использование с характером властного интереса». И завершает такое сравнение указанием на фундаментальное теоретическое преимущество «имманентного» социального теоретизирования: «Мы с самого начала способны говорить о Парсонсе на языке Фуко, но не наоборот» [15, с. 22].

К числу «трансцендентных» социальных философий А. Бикбов относит и социальную теорию Н. Лумана, для нас же подобное отнесение не очевидно. Не исключено, что философия социального Н. Лумана представляет собой редкий пример переходного класса между двумя рассматриваемыми основными подгруппами. К данному предположению подталкивают такие утверждения: «Мне кажется, что теория наблюдения второго порядка, наблюдения наблюдателей, улавливает многие проблемы дискурса об интересубъективности, но придает им своеобразный оттенок, который не был предусмотрен в терминологии субъекта. Во-первых, наблюдение второго порядка является одновременно наблюдением первого порядка. Наблюдение второго порядка – это наблюдение наблюдателя на предмет

того, что он может и что он не может видеть ... если быть более точным, задается вопрос, с какими различиями работает наблюдатель» [16, с. 161]. Описанный подход заставляет вспомнить метод «двойной историзации» П. Бурдьё, которого без сомнений следует относить, в данном контексте, к представителям «имманентной» социальной теории.

В то же время Н. Луман не исключает некоей необходимой связи коммуникации и социального с сознанием, чем в какой-то мере продолжает традицию немецкой философской антропологии: «Сама коммуникация, и это нужно четко осознавать, вообще не может воспринимать. Она в некотором смысле функционирует в темноте и тишине. Нужно обладать сознанием, чтобы через восприятие трансформировать внешний мир в сознание... Все, что входит в коммуникацию, должно пройти фильтр сознания в окружающем мире системы. Коммуникация в этом смысле полностью зависит от сознания и одновременно полностью исключает его. Сознание никогда не является коммуникацией» [16, с. 281]. В то время, как для спекулятивного реализма и сетевой социальной философии (М. де Ланда, Б. Латур), и, возможно даже, и в рамках современного психоанализа, как раз сознание должно быть исключено из рассмотрения в связи с коммуникацией. И именно благодаря данному эпистемологическому допущению станет возможным создание существенно обновлённых разделов философии общества.

Таким образом, по нашему мнению, желание и потребность некоторых современных авторов философских текстов использовать в своих работах смешение различных философских направлений вытекает из их желания и даже необходимости вырваться за рамки тотализированного академического дискурса Университета в область свободного внедисциплинарного письма. Это обстоятельство непосредственно связано как с исследованием универсализирующих означающих в рамках дискурсов, подлежащих такому «смещению», так и с тем фактом, что означающие имманентно «вшиты» в само внутреннее устройство различных теоретических полей. Так смешивающиеся дискурсы оказываются чрезвычайно продуктивными и перспективными ввиду их установки на анализ не только объектов, прямо заявленных внутри их прото-парадигм, но и на мета-анализ их позиции извне, из точки общего смыслового универсума. В то время, как академическая традиция, окончательно сложившаяся в картезианской парадигме, предполагает строгое наличие субъект-объектной диспозиции в своем теоретическом поле. И, как следствие, некоторые современные дискурсы становятся активными «оппозиционерами» университетским интеллектуальным традициям. В связи с чем имеет смысл, на наш взгляд, вести речь о таких вызревающих в поле социальной философии тенденциях:

1. переосмысление и ревизия аксиоматики вполне устоявшихся элементов дискурса социального, а не дальнейшее развитие того, что на данный момент уже является результатом пересмотра прежних положений;

2. необходимость провести типологизацию всех теорий в сфере социальной философии по выработанному в их поле языку и специфическим характеристикам соответствующих моделей описания.

Список литературы

1. Кралечкин Д. Ю. Enter Speculative Realism // Логос. – 2013. – № 2 (92). – С. 39–42.
2. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy / The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism, Australia, 2011, p.1–19.
3. Žižek S. Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture. – The MIT Press, 1992. – 111 p.
4. Суинберн Р. Существование Бога // Пер. с англ. М.О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинберн // Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 464.
5. Žižek S. The Fright of Real Tears: Krzysztof Kieslowski between Theory and Post-theory. – London: British Film Institute Publishing, 2001. – 213 p.
6. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. – London, New York: Verso, 2012. – 1056 p.
7. Bryant L. The other face of God. Speculations III.– Brooklyn, NY: punctum books, 2012. – 510 p.
8. Zupancic A. The Real as Impossible. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bj8WZpYOC2M>"M (Дата обращения: 01.03.2017).
9. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу– М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 196.
10. Ставцев С. Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности // Формы субъективности в философской культуре XX века. – Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 62–78.
11. Морозов А. Четыре позиционные войны Грэма Хармана // Логос. – № 4. – 2014. – С. 249–264.
12. Žižek S. Disparities. – Bloomsbury Publishing Plc, Norfolk, 2016. – 402 p.
13. Бикбов А. Т. Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // Пространство и время в современной социологической теории. – 2000. – С. 25.
14. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили – М.: Лабиринт, 1994. – С. 228.
15. Бикбов А. Т., Гавриленко С. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс\Фуко // Пространство и время в современной социологической теории. – 2000. – С. 33–65.
16. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – С. 360.

Podlesniy O.O. Universalizing Signifiers and Some Trends in Modern Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 26–35.

The article is devoted to the concept of "universalizing signifiers", the question of which is open to the theoretical field of social philosophy. We regard this kind of concepts as the foundation of the formation of meaning in the sphere of the language, that is necessary for describing social processes. The very subject of modern social philosophy revolves around working out and further work with certain signifiers, which are revealed in the study of discursive social practice and subject to both definition and re-meaning. This process can not effectively flow in the mainstream of the positivistic paradigm, as it significantly complicates its features related to the need to take into account the contextual setting of the subject of the study. As demonstrated by L. Bryant's article, the discourse of social philosophy can be considered determined by universalizing signifiers. This thesis is illustrated by the example of several of the most obligate ones, which can be found in the very core of social relations. However, in addition, universalizing signifiers, in the first place, in our opinion, should be found in academic discursive practice as its main conceptual and ideological guarantors. And this circumstance should not be put in dependence on the fact that the psychoanalysis and speculative realism considered in the article contain differences in their interpretation and dispense with universalizing signifiers in various ways.

Key words: universalizing signifiers, Lacanian psychoanalysis, speculative realism, discourse, eclecticism, subject, structuralism.

References

1. Kralachkin D. Y. Enter Speculative Realism // Logos. – 2013. – № 2 (92). – P. 39–42.
2. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism; Australia, 2011, p.1–19.
3. Žižek S. Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture. The MIT Press, 1992, 111 p.
4. Swinburne R. The Existence of God. Clarendon Press, 2004, 363 p.
5. Žižek S. The Fright of Real Tears: Krzysztof Kieslowski between Theory and Post-theory. London, British Film Institute Publishing, 2001, 213 p.
6. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism., London, New York: Verso, 2012, 1056 p.
7. Bryant L. The other face of God. Speculations III. Brooklyn, NY: punctum books, 2012, 510 p.
8. Zupancic A. The Real as Impossible. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bj8WZpYOC2M> (Accessed: 1 March 2017).
9. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency. Bloomsbury Academic, 2008, 160 p.
10. Stavtsev S. N. Yazyk i pozitsiya sub'ekta: Lakanovskaya strukturno-semioticheskaya kontseptsiya sub'ektivnosti [Language and Position of the Subject. Lacanian Structural-semiotic Concept of Subjectness] // Formy sub'ektivnosti v filosofskoi kul'ture XX veka [Forms of Subjectivity in the Philosophical Culture of the Twentieth Century], 2000, p. 62–78.
11. Morozov A. Chetyre pozitsionnye voyny Grema Kharmana [The Four Position Wars of Graham Harman] // Logos. – № 4. – 2014. – P. 249-264.
12. Žižek S. Disparities. Bloomsbury Publishing Plc, Norfolk, 2016, 402 p.
13. Bikbov A. T. Immanentnaya i transtsendentnaya pozitsii sotsiologicheskogo teoretizirovaniya [Immanent and Transcendental Positions of Sociological Theorizing] / Prostranstvo i vremya v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii [Space and Time in Modern Sociological Theory], 2000, 25 p.
14. Mamardashvili M. K. Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti [The Classical and Non-classical Ideals of Rationality]. Labirint [Labyrinth], 1994, 228 p.
15. Bikbov A. T., Gavrilenko S. Prostranstvennaya skhema sotsial'noi teorii kak forma ob'ektivatsii vlastnogo interesa teoretika: Parsons\Fuko [Spatial Diagram of Social Theory as a Form of Objectification of the Power Interest of the Theorist: Parsons\Fuko] / Prostranstvo i vremya v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii [Space and Time in Modern Sociological Theory], 2000, p. 33–65.
16. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Logos, 2007, 360 p.

УДК 130.2:141.319.8

УЧЕННЫЕ-КОСМИСТЫ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Соколова А. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: nastyam_27@mail.ru

В статье рассмотрены основные идеи космизма относительно перспектив развития общества. Автор выявляет социальные импликации в мировоззрении ученых-космистов, в котором заметную роль играет идея солидарности. Реконструируется тезис космизма, согласно которому космическая закономерность в социальных процессах проявляется как тенденция человечества к солидарности. Отмечается неоднозначность идеи солидарности как концепта, основанием которого выступает «страх» и «любовь». Развитие общества как процесс, отражающий закономерность космической динамики, является многомерным, в нем задействованы как социальные, так и природные факторы. Координация этих факторов схватывается в понятии «эволюция», занимающего видное место в теории космизма. Эволюция протекает многопланово, на разных уровнях и во многих измерениях: от молекулярного до макрокосмического. Обобщением данного положения выступает тезис, согласно которому перспективы развития общества согласуются с единым планом макрокосмической эволюции. Дифференцируясь на каждом отдельном уровне, социальные процессы интегрируются в общий процесс эволюционного развития. Космисты, размышляя о перспективах развития общества, тем самым обозначили позицию самоосмысления человека в современном мире, ориентированную на поиски решения таких злободневных проблем, как нехватка природных ресурсов, потенциальные и перманентные угрозы из космоса, социальные болезни и др.

Ключевые слова: космизм, мировоззрение, будущее человечества, любовь.

Прогнозы и размышления о будущем представляются темой весьма актуальной для современной научной и философской мысли. Свое выражение данная тематика находит, в частности, в философии космизма. Футурологические теории, построенные в рамках философии космизма, сегодня выглядят актуальными более чем когда-либо, и вместе с тем они содержат универсальную идею архетипической связи человека и космоса.

Современный ритм жизни соответствует космическим параметрам развития: масштабные социокультурные проекты, темпы и ритмы на всех уровнях бытия, геополитические изменения, скорости распространения информации возрастают буквально на наших глазах. Климатические изменения, процессы ускорения во всех сферах жизнедеятельности, интенсивное информационное насыщение пространства и многие другие неожиданные явления в обозримом будущем будут только нарастать – данное мнение объединяет широкий круг ученых (Бух В. П., Колмогоров А. Н., Ляпунов А. А., Хюбнер Б. и др.) и созвучно точке зрения

философии космизма. Социальная действительность есть отражение космической реальности, и воздействия, исходящие из космоса, оказывают колоссальное влияние на поведение человечества как единого целого.

Цель статьи – в контексте проблемы перспектив развития общества раскрыть специфику мировоззрения космизма.

Понятие «общество» многомерно и подразумевает предметность междисциплинарного исследования. Социум обладает свойствами, присущими всем живым организмам, главным из которых является способность противостоять процессам изменчивости и обладать жизнестойкостью. Общество сохраняет устойчивое развитие, несмотря на эволюционный поток пертурбаций, имеющих в том числе и космическое происхождение. Решающим фактором развития общества один из основоположников космизма Чижевский А. Л. считал разумно действующего человека: «Человека надо сделать уверенным, крепким, молодым, с большой жизнью, медленно стареющим, не болеющим, с твердой верой в свое здоровье, в свое бытие. Уверен, что социальный фактор в деле укрепления жизни и здоровья человека сыграет большую роль» [1, с. 245].

Интегральный вектор эволюции имеет свое мировоззренческое выражение, связанное с идеей «космического мышления». В рамках данной идеи человечество уже на новом витке возвращается к задаче самоосмысления, что, по мнению исследователя современной культуры Ровинского Р. Е., составляет неизменную основу человеческой жизни. Всемирная история полна множества указаний на то, что не только конкретные социальные лидеры, но и целые народы ведут перманентную внутреннюю и внешнюю борьбу за возможность познания и сохранения признаков своего вида и главным образом тех своих свойств, что выделяют их из животного мира. «Малейшее ослабление усилий, или, что еще хуже, сознательное пробуждение в людях низменных начал в ущерб разуму с поразительной быстротой ведет к потере культурных завоеваний, к возрождению дикости и агрессивности даже в условиях технической развитости» [2, с. 163].

Мысль Ровинского Р. Е. можно понять в том смысле, что характер мышления в обществе определяет объективное состояние ментальности данного общества. Идея, отражающая монистический, синкретичный, творчески-космический взгляд на мир, в определенной мере определяет будущее нашей планеты. Со времен господства мифологического мировоззрения, процесс эволюции биосферы и вместе с ней *homo sapiens*, сменил другой метаисторический процесс – культурной эволюции, на подходе новый вид человечества *homospiritus*.

«Культура есть самоорганизующаяся система духа», – считает Шапошникова Л. В., [3], и этот тезис отражает подход философии космизма к оценке перспектив развития общества. В этом смысле космизм выражает идеологию космополитизма и рассматривает общество как идеальный конструкт, вынесенный за пределы конкретики реальных социальных систем.

Шарден П. Т. доступным научным языком объяснял отсутствие в его текстах строгих указаний на конкретное общество. Философ связывал своеобразную «безграничность», метафизичность и «сверх» национальную сущность общества с изменением характера развития кроны «древа жизни» [4]. Он писал о том времени,

в котором сам жил и работал. Шарден отмечал, что впервые за всю историю существования нашей планеты вместо привычного бурного разветвления идет процесс слияния, схождения человеческих ветвей. И предполагал, что со временем все ветви сойдутся в одной точке, что будет означать объединение всех человеческих рас и национальностей – с последующим образованием единого земного человеческого сообщества [4, с. 144].

Шарден предлагает читателям обратиться к самому верному способу познания мира – синтезу, который, по его мнению, является не только простым обобщением фактов, но и умением подняться над действительностью, основанном на абсолютном знании законов биологии. Констатируя при этом «срастание элементов и срастание ветвей. <...> Геометрическая сферичность Земли и психическая изогнутость духа гармонизируют друг с другом, уравнивая в мире индивидуальные и коллективные силы рассеивания и заменяя их объединением, – таковы в конечном счете способ осуществления гоминизации и ее секрет» [4, с. 193].

В терминологии Шардена гоминизация – это есть процесс ассимиляции или адаптации духа в материи. Естественный симбиоз мысли и явления. «Гоминизация, если угодно, прежде всего, индивидуальный мгновенный скачок от инстинкта к мысли. Но гоминизация в более широком смысле – это также прогрессирующее филетическое одухотворение в человеческой цивилизации всех сил, содержащихся в животном мире» [4, с. 147].

Космическое, планетарное мышление Шардена поразительно отражает актуальность его идей в наше время. Его аналогии встречают параллели в идеальных концепциях философов-космистов. Шарден указывает: «Отныне сок эволюции несет и перемещает по стволу жизни не только живые крупинки, но и, как уже сказано, крупинки мысли. Как это отразится на цвете и форме листьев, на цветах и плодах?»

Я не могу, не предвосхищая последующих рассуждений, немедленно детально и по существу ответить на этот вопрос. Но уже сейчас можно указать на три особенности, которые, начиная со ступени мысли, проявляются во всех действиях или творениях вида, каковы бы они ни были. Первая из этих особенностей относится к составу новых ветвей; другая – к общему направлению их роста; наконец, последняя – к их общим соответствиям или различиям с тем, что раньше их выросло на древе жизни» [4, с. 143].

Перспективы развития общества зависят от принятия человечеством абсолютного действия космических законов на Земле, труда на общее благо и всеобщей согласованности, солидарности и кооперации. Осознание обществом себя как целостной системы, состоящей в неразрывном единстве с космосом, является важнейшим условием формирования благоприятного будущего нашей планеты. «Повторяю категорически, – подчеркивал Шарден, – в том смысле, что если отдельный человек еще может представить и допустить свое полное физическое или даже моральное исчезновение, то человечество перед лицом полного уничтожения (или даже просто недостаточного сохранения) плодов своего эволюционного труда начнет отдавать себе отчет в том, что ему остается лишь забастовать, поскольку

усилие продвигать вперед Землю становится слишком трудным, и возникает угроза, что оно слишком затянется, чтобы мы согласились его производить, если мы не трудимся для вечности» [4, с. 233].

Вернадский В. И. также выражал убежденность в том, что дальнейший путь развития человечества непременно обуславливается объединением всех ныне разрозненных групп, рас и национальностей в единое целое на основании единого научного мировоззрения. «Как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть в пределе столько же, учитывая оттенки, сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов. Но наука одна и едина, ибо, хотя количество наук постоянно растет, создаются новые – они все связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой» [5, с. 95].

Вернадский выдвинул тезис о том, что наука едина и необычайно действенна, и ценность её основывается на практической применимости. Научная мысль – это не просто оторванная от жизни теория – она не является изобретением кабинетного ученого, погруженного в свой внутренний мир, совершенно обособленный от окружающей действительности. Не были такими ограниченными учеными: ни древнеегипетский, ни вавилонский жрец, ни средневековый европейский монах, – руководившие наукой своего времени. Все они прожили жизнь обывателей, каких во все времена было, по мнению Вернадского, преимущественное множество. Творцами науки, считал ученый-космист, были лишь единичные эрудиты, которые отличались трепетным, даже личным отношением к объекту своих исследований, именно они занимались поиском точных ответов на проблемные вопросы со всей страстностью и увлеченностью. Эти творцы науки непременно находили верные решения всех поставленных самой жизнью задач.

Перспективы развития общества станут самыми благоприятными, когда в общественном представлении наука осознается и утвердится как целесообразное действие. Согласно Вернадскому: «Наука есть создание жизни. Из окружающей жизни научная мысль берет приводимый ею в форму научной истины материал. Она – гуща жизни – его творит прежде всего. Это есть стихийное отражение жизни человека в окружающей человека среде – в ноосфере. Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли» [6, с. 286].

Ещё Циолковский К. Э. утверждал существование единого общечеловеческого наднационального и сверхрасового мировоззрения под названием «солидарность», основанного на универсальных чувствах: человеколюбии и радости жизни. Данное обстоятельство обусловлено тем, что люди во многом получают схожий опыт и часто реагируют на события одинаковым образом: от крайне негативной до самой положительной реакции. «Какая это радость, знать и быть совершенно уверенным, что смерть сливается с рождением, что новая жизнь прекрасна, что она хотя и неразрушима, но новое разрушение сольется с новым совершенным рождением, что разрушения или “смерти” будут повторяться вечно, бесчисленное число раз, но все эти разрушения не есть исчезновения, а возникновения. Изменяется форма, а сущность остается, потому что сущность есть материя, которая вечна» [7, с. 205].

В целом космистская философия Циолковского представляется позитивной. Эта концепция свидетельствует о том, что ее автор верил в бесконечность миров, видимых и невидимых физическим зрением, в безграничность человеческих возможностей и сам он обладал далеким горизонтом мыслей и творческих планов. «Все прошедшие и будущие смерти суть иллюзия, смертей нет, а есть только рождения. Уничтожения нет, а есть только преобразование. Тяжелая и дурная земная жизнь есть случайность, очень редкая во вселенной. В общем все рождения и жизни прекрасны. И ничего кроме этого нас не ожидает. Смерть есть радость, награда, неизмеримое счастье, хотя и сопровождается на Земле болью. Будущие смерти не будут сопровождаться страданием» [7, с. 205].

Это неизбежно должно привести к новым формам государственной жизни, так как сейчас создались государственные препятствия свободной научной мысли при одновременном чрезвычайном росте значения науки в государстве. В мировоззрении космизма важное место занимает перспектива всеобщей солидарности, которая уже наблюдается в современный период времени и в будущем будет только усиливаться. Обозримое будущее покажет целесообразность взаимопомощи и кооперации во всех формах объединения людей, везде, где проявятся признаки общинного быта. «Как это убеждение должно ободрить живое существо, какие силы оно ему должно дать, сколько здоровья и радости прибавить! Сколько смелости, умеренности, воздержания, правдивости и добрых дел! Чего мы можем бояться, если самое худшее на Земле есть невообразимая радость!» [7, с. 205].

Солидарность в труде явится основой мировоззрения будущего и как образец гармоничного устройства жизни. Для ученого-космиста априори понятно, что в скором будущем национальные культуры, быт, религиозные учения и общественные движения растворятся в едином поле культуры. Он воспринимает себя свидетелем мощной глобальной тенденции к всеобщему объединению людей в единое целое, что понимается как формирование всеобщей кооперации людей, созданной с целью научиться правильно сообщаться и взаимодействовать между собой. Целесообразно решать в общих интересах стоящие перед человечеством проблемы только применяя принцип солидарности, что возможно осуществить лишь при условии открытости коллективного сознания.

Особенностью планеты Земля и представителей уникального органического вида *homo sapiens*, который сегодня обладает значительным преимуществом на ее поверхности, является своеобразное энергоинформационное единство. Химический состав планеты и историческая основа человечества характеризуется как мир живой природы, как перманентно обогащающаяся единая система. Так называемый естественный отбор – в действительности не единственный фактор эволюции, кроме него есть множество более значимых процессов. Так, например, Ровинский Р. Е. отмечает: «Эволюция мозга, его усложнение идет не только и не столько за счет количественного роста нервных клеток, хотя такой рост имеет место, сколько за счет растущей организованности, упорядоченности как отдельных структурных ансамблей, так и центров, объединяющих отдельные функции в сложные поведенческие реакции» [2, с. 162].

Формально основной задачей эволюционной биологии считается поиск действующих причин дифференциальных процессов, которые формируют своеобразную самоочищающуюся систему, и как следствие способствуют ускорению биологических процессов развития. В этом плане важным результатом исследований стало понимание того, что «биологическая эволюция протекает не случайными путями», что ее отличает «направленный характер», что проявляется в ускорении времени эволюционных процессов [2, с. 165].

В необратимом потоке эволюции современное общество находится в переходном состоянии, оно являет собой лишь временную фазу в эволюции планеты. Эта фаза отмечена мощными социальными флуктуациями, каждая из которых способна подтолкнуть общественную систему к необратимым последствиям. В каком направлении уведет нас следующий шаг? Ответ на этот вопрос, с общей позиции, выработанной учеными-космистами, определяется свободной волей и свободным выбором человечества. Эволюция нашей планеты и космоса имеет направленное движение вперед по спирали, это не какой-то хаотический или случайный акт, а проявление коллективной воли. Когда выбор будет сделан, неизбежно произойдет переход общества на новую ступень развития, и возврат назад, к старым формам существования, невозможен – такова парадигма, заданная космистами.

Контуров будущих изменений в обществе видны уже сейчас, и они проявляются в соотносительности материальной и духовной деятельности. Рерих Н. К. рассматривает вопрос об орошении земли в контексте будущих задач духовной жизни человечества: «Ведь без этих духовных орошений не состоится ни лесонасаждение, ни травосеяние, ни открытие подлинных источников. Все эти самонужнейшие обстоятельства состоятся лишь тогда, когда люди их действительно осознают, а главное, полюбят. В любви преобразится и качество труда» [8, с. 71].

Предлагаемая космизмом оценка перспектив развития общества, хотя и содержит определенную долю утопизма, вместе с тем далека от идиллической картины. Современные кризисы, переживаемые планетой, подтверждают возможность осуществления самых неблагоприятных прогнозов будущего человечества. Военные конфликты в условиях нарастающей геополитической конфронтации, бесконтрольное использование природных ресурсов и наращивание темпов мирового производства чреваты самоистреблением человечества в ядерной войне или масштабной экологической катастрофе.

Своевременным и важным представляется вопрос: положение современного общества в точке бифуркации и переходные процессы, происходящие внутри него, корректируются ли хотя бы частично волей человека? Вопрос для нас актуальный, так как ответ на него влияет на гражданскую позицию каждого индивидуума в настоящем времени: нужно ли самосовершенствоваться, бороться за достойное будущее своих детей, или наша активность бессмысленна и исход предрешен? Ученый-космист Ровинский отвечает на этот вопрос следующим образом: «Оказывается, что присутствие в самоорганизующейся системе разума меняет ситуацию. Предотвратить переход, оставить все как было, человек не в силах, но он

в состоянии, приложив для этого необходимые усилия и волю, свести к минимуму или вовсе убрать неблагоприятные флуктуации, подталкивающие систему к нежелательному переходу. Так, запрещение и полное уничтожение ядерного и химического оружия, а, точнее, любого оружия массового уничтожения, устраняет флуктуацию, толкающую систему к её самоуничтожению в конфликте людей» [2, с. 173].

Стоит признать, что продуктивность общей позиции, выработанной в космизме, определяется в избегании крайностей как оптимистического, так и пессимистического взглядов на будущее. В этом смысле актуальным представляется поиск интеллектуальных и материальных ресурсов, позволяющих противостоять угрозам из космоса, а также ядерной и экологической катастрофам. Человечество сегодня не готово отречься от довольно развитого уровня цивилизации. Однако всем известна и другая сторона любого внешнего благополучия и комфорта – это крайне негативные флуктуации в кризисный период развития биосферы.

Экологические проблемы порождают необходимость общими усилиями всего населения отыскивать их разрешение – это крайне позитивный момент в деле развития всеобщей солидарности. Экология мысли сегодня становится не только модным трендом, но действенным ориентиром в разработке глобальных социальных проектов. Коллективное мысленное устремление, пусть поначалу бессознательное, к лучшей жизни может стать мощным фактором переустройства жизни общества. Перспективы будущего во многом определяются именно менталитетом групп и его интенциональностью.

Пространственные флуктуации в конкретные периоды воздействия космических светил (Солнца, Луны и т. д.) вообще мало изучены, кроме ученых-космистов Циолковского, Вернадского, Чижевского этим никто не занимался, что открывает широкие возможности для их исследователей. Космический и пространственный ориентиры порождают определенный контекст. Целесообразность космизма очевидна: снижение шкалы потребностей до пределов необходимого минимума (или предметов первой необходимости), сокращение потребления энергии, организация более целесообразного, экологически чистого образа жизни, разумного и экономного промышленного и сельскохозяйственного производства, сокращение добычи и использования важнейших полезных ископаемых.

Стремление к объединению и солидарности есть суровая необходимость, продиктованная угрозой человеческого самоистребления, и, вместе с тем, естественное состояние сознания человека. Логично осмыслить два различных значения в том плане, в каком солидарность может основываться на страхе и любви. Являются ли любовь и страх равнозначными механизмами эволюции человечества? Приводят ли они к одному и тому же результату? Думается, что нет. Если это так, что мы можем сказать о любви как основании, на котором утверждается идея человеческой солидарности?

В ответе на данный вопрос уместно обратиться к идеям, высказанным Э. Фроммом о различии между любовью и эгоизмом: «Продуктивная любовь всегда предполагает целый комплекс отношений: заботу, ответственность, уважение и

знание» [9, с. 24]. Фромм исходит из мысли, что любовь есть первооснова человеческого бытия и что ее смысл, подобно греческому «агапе», в безграничности. С этой точки зрения эгоизм и жажда обладания противоположны смыслу любви.

Подлинная любовь, согласно Фромму, не заиклена на объекте любви – на любимом, потому что любимо в данном случае оказывается все человечество, все живое, все живущее во всех мирах, и даже сам источник любви – влюбленный человек. Последнее – любовь к самому себе как способному испытывать любовь, в этом смысле противоположна эгоизму, который является патологией или болезнью. Доказательством, что любящий человек – не эгоист, согласно Фромму, служит абсолютная самоотверженность и жертвенность того, кто любит. Здоровая любовь делает человека свободным, сильным, выносливым, красивым и счастливым, потому что благодаря любви и объединению любящего с любимым человеком, мы возвращаемся к нашей архетипической целостности. Об этом же говорил еще Платон в легенде об андрогинах. Ощущая себя в единстве со всем сущим, одним целым с другим человеком, человек по-настоящему счастлив и способен осознавать себя частью всего живущего. В переживании любви содержится смысл жизни, вселенская любовь продуктивна главным образом потому, что она обращает наш взор к высшим сферам, это является основой духовного здоровья общества.

Идея космической, вселенской любви Э. Фромма подтверждается фактом наличия у части людей незаурядных талантов и неординарных качеств (высокая степень выносливости и личной ответственности), а также уникальная способность некоторых из них проживать свою жизнь так, как им велит их сердце. Особенным мировосприятием обладают, как известно, творческие натуры: художники, поэты, музыканты. Тонко чувствующие суть событий и явлений окружающего мира, обладающие развитой интуицией, эти люди испытывают также сильную эмоцию любви ко всему живущему. Последний тезис, в частности подтверждает Соколова Б. Ю. – современный исследователь проблем космизма. Она утверждает, что человечеству дана уникальная возможность приобщиться к космическим вибрациям через конкретные предметы искусства.

Сам процесс творчества как «возделывания», т. е. преобразования тоже несет в себе высокий энергетический потенциал, оказывая направленное космическое воздействие на окружающий мир. «Когда человек любит прекрасным памятником культуры, Красота, или ее высокие вибрации, входит в соприкосновение с внутренним миром этого человека. Высокие вибрации Красоты пробуждают в нашем внутреннем мире созвучные элементы, а потом побуждают их развиваться. Этими созвучными Красоте элементами являются лучшие нравственные качества человека» [10, с. 43].

Вслед за Фроммом, В. Бандин – современный исследователь, доктор славянской филологии из Нормандии утверждает, что направление космизма в живописи активно начало свое развитие в середине 1970-х годов, территориально в городе Москве, и что сегодня заметна положительная динамика развития данного направления. «Оно было в первую очередь связано с творчеством группы московских метафизиков (иногда их называют представителями *visionaryart*),

выставлявших свои работы на квартирных вернисажах и в подвалах на Малой Грузинской улице). С перерывом в полвека искусство вернулось к проблематике раннего русского модернизма, к вечным темам взаимоотношений конечного и вечного, живого и неживого, человека и Мира, души и Бога, к тайнам мироздания» [11, с. 158].

Полотна художников-космистов объединяет стремление выразить трудно представляемые образы, такие как: любовь, космическая беспредельность, спиральность развития Вселенной и т. п. Космизм в живописи – попытка постичь основы Бытия и приблизиться к Высшей Истине – Богу через художественное творчество. Космизм в философии занимается поиском определений тех же базовых понятий, что пытаются изобразить художники-космисты: Бог, космизм, мировоззрение, будущее человечества, любовь.

Выводы.

1. Процессы развития человечества связаны с космическими процессами таким образом, что социальные изменения отражают космическую закономерность.

2. Космическая закономерность в социальных процессах проявляется как тенденция человечества к солидарности.

3. Стремление к солидарности реализуется через механизмы «страха» перед лицом угрожающих катастроф и «любви» как выражение духовной жизни человека в согласии с космосом.

Список литературы

1. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания / А. Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – 715 с.
2. Ровинский Р. Е. Развивающаяся Вселенная. Дополненное издание / Р. Е. Ровинский. – 2007. – 192 с.
3. Шапошникова Л. В. Познание космической реальности / Л. В. Шапошникова // Труды Объединённого Научного Центра проблем космического мышления. Т.1. – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2007. – С. 45–153.
4. Шарден П. Т. Феномен человека / П. Т. Шарден. – М.: «Наука», 1987. – 240 с.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. Редактор Яншин А. Л. – М., «Наука», 1991. – 272 с.
6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Рольф, 2002. – 576 с.
7. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. / Предисловие директора Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского Кузина Е. Н.; послесл. канд. филос. Наук Казютинского В. В. Составление, примечания научных сотрудников музея Беловой Н. Г., Кутузовой Л. А., Чугровой Т. В. – М., ПАИМС, 1992. – 256 с., илл.
8. Рерих Н. К. Человек и природа: [Сб. ст.] / Н. К. Рерих. – 2-е изд., исправ. – М.: Международный Центр Рерихов, 2005. – 140 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 259 с.
10. Соколова Б. Ю. Метаисторическое значение памятников культуры / Б. Ю. Соколова // Культура и время. Общественно-научный и художественный журнал. – 2015. – № 5 (57). – С. 40-44.
11. Бандин В. На берегах иных миров. Постигая беспредельное / В. Бандин // Альфа и Омега художников-метафизиков. Культура и время. Общественно-научный и художественный журнал. – 2016. – № 1/2 (58). – С. 156–167.

Sokolova A.B. Scientists Cosmesty about the Development Prospects of the Company // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 36–45.

The article describes the main ideas of cosmism about the prospects for the development of society. The author reveals the social implications in the worldview of scientists-cosmists, in which a prominent role is played by the idea of solidarity. Rekonstruiuet thesis cosmism, according to which space regularity of social processes appears as the tendency of humanity to solidarity. It is noted the ambiguity of the idea of solidarity as a concept, the basis of which is "fear" and "love." The development of society as a process, reflecting the pattern space dynamics is multidimensional, it involves both social and natural factors. Coordination of these factors is grasped in the concept of "evolution", which occupies a prominent place in the theory of cosmism. Evolution is multifaceted, at different levels and in many dimensions: from the molecular to the macrocosmic. A generalization of this position is the thesis according to which the prospects of development of society are consistent with a single plan of macrocosmic evolution. Differentiated at each level, social processes are integrated into the overall process of evolutionary development. Cosmesti, thinking about the prospects of development of society, thus outlined the position of the self-reflection of man in the modern world, focused on finding solutions to such topical problems as: lack of natural resources, a potential and permanent threat from space, social diseases etc.

Key words: cosmism, philosophy, future of humanity, love.

References

1. Chizhevskiy A. L. Na beregu Vselennoy: Godyi druzhbyi s Tsiolkovskim: Vospominaniya [On the Bank of the Universe: Years of Friendship with Tsiolkovsky: Memories]. Moscow, Myisl, 1995, 715 p.
2. Rovinskiy R. E. Razvivayushchayasya Vselennaya [The Developing Universe]. 2007, 192 p.
3. Shaposhnikova L. V. Poznanie kosmicheskoy realnosti [The Cognition of Space Reality]. M.: Mezhdunarodnyiy Tsentr Rerihov, Master-Bank, 2007, 45–153 pp.
4. Sharden P. T. Fenomen cheloveka [The Phenomenon of the Human]. – Moscow, «Nauka», 1987. – 240 p.
5. Vernadskiy V. I. Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie / Otv. Redaktor Yanshin A. L. [The Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, «Nauka», 1991, 272 p.
6. Vernadskiy V. I. Biosfera and noosfera [Biosphere and Noosphere]. Moscow, Rolf, 2002.
7. Tsiolkovskiy K. E. Ocherki o Vselennoy. [Sketches about the Universe]. Moscow, PAIMS, 1992, 256 p., ill.
8. Rerih N. K. Chelovek i priroda [Human and nature]. Moscow, Mezhdunarodnyiy Tsentr Rerihov, 2005, 140 p.
9. Fromm E. Zdrovooe obschestvo [A Healthy Society]. Moscow: AST: Hranitel, 2006, 259 p.
10. Sokolova B. Y. Metaistoricheskoe znachenie pamyatnikov kulturyi [A Metahistorical Value of Cultural Monuments. Culture and Time]. Moscow, 2015. – N. 5 (57). – 40–44 pp.
11. Bandin V. Na beregah inyyh mirov. Postigaya bespredelnoe // Alfa i Omega hudozhnikov-metafizikov [On the Bank of Other Worlds. Comprehending the Boundless // Alpha and Omega of Artists-Metaphysicists]. – Moscow. –2016. – N. 1/2 (58). – 156–167 pp.

УДК 304.5

СТАНОВЛЕНИЕ «ТЕХНЕЛОГИЙ» SCIENCE И РАЦИОНАЛЬНОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА¹

Шоркин А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

В статье рассмотрены две группы «технелогий», которые три столетия назад заложили новый тренд мирового развития: на их основе стали возможны промышленные революции, последующее соединение науки и техники в единое предприятие, а также процессы становления современного общества потребления и услуг. Обе эти группы инноваций преимущественно формировались в Европе, в условиях разрушения средневековой картины мира. Рубеж XVII–XVIII веков совпадает с пиком евроатлантического доминирования мировой инновационной продуктивности, которое завершается только в настоящее время.

Первая – это «технелогии» science, которые были получены «виртуозами» и «энтузиастами» натуральной философии в ходе разработки темы соотношения разума и природы. Осуществленные научные революции базировались на понятии «всеобщего порядка природы» как ее имманентной разумности. Из двух составляющих разумности – cogitatio (собирать) и mens (определенность как причастность к божественному разуму), последняя после Декарта оттеснена на моральный или духовный план. «Матезис», как аналитический поиск тождеств и различий всеобщего естественного порядка, стимулировал бурную поисковую активность нужных приборов его наблюдения, а также аналитических средств языка описания наблюдаемого порядка. «Технелогии» же science, институционально поддержанные появляющимися техническими школами, научными и архитектурными обществами, провоцируют протоиндустриализацию Запада.

Вторая группа «технелогий» Нового времени была сопряжена с размышлениями о «природе человека», о соотношении индивида и государства. Философия свободы Джона Локка, концепция «естественных прав человека» и трактовка государства как «общественного договора» синхронно опредмечены заметным дистанцированием людей от актов прямого насилия, ростом брезгливости, сокрытием актов телесных отправлений, требованиями возможности уединения и комфорта. Насилие теперь – это прерогатива государства, а естественное право человека – желать независимой, рациональной и комфортной организации своей гражданской повседневной жизни. «Технелогии» рационального индивидуализма, совершенствуемые с той поры, как правило, составляют важную часть ментальности современных людей.

Ключевые слова: наука, всеобщий порядок природы, матезис, рациональность, индивидуализм.

Цель статьи – описать становление двух групп «технелогических» инноваций примерно столетнего периода середины XVII – середины XVIII веков, которые

¹ Понятие «технелогии» ранее (Ученые записки, 2015, № 1) введено автором в качестве обобщения привычного понятия «технологии», применяемого к состояниям техники, на гуманитарную сферу.

заложили новый тренд мирового развития и в дальнейшем повлекли за собой промышленную и научно-техническую революции, формирование современного общества потребления и услуг. Задачи состоят в том, чтобы представить сжатую сводку фактического материала становления «технологий» science и рационального индивидуализма (конкретных эмпирических данных и главных теоретических предпосылок этих инноваций).

Начало столетнего периода 1650–1750 годов традиционно считается временем «научных революций». Схолия как прежний способ организации знания, действительно, быстро вытесняется новым типом знания, методы, нормы и идеалы которого решительно от схолии отличны и теперь этот новый тип именуется «science». А так как методы и инструменты science складывались в странах Западной Европы, то именно этот регион стал очередным мировым лидером инновационной активности, что неизменно и с документальной убедительностью фиксируют авторы энциклопедий открытий, историки науки и хроникёры технологий [1; 2; 3; 4; 5]. Львиная доля всех мировых достижений данного периода, следует признать этот факт, – продукт европейцев.

Костяк техногенной цивилизации Европы, как показал Макс Вебер, исторически складывался тремя рациональными структурами: экономикой, правом и схолией. На этом долгом пути конкурентом, врагом и преемницей схолии стала science. Её представителями была предложена более совершенная модель научной рациональности, которая позже и составила нужную основу развития современной техники. Льюис Мэмфорд и Х. Ортега-и-Гассет являются авторами известных оригинальных концепций философии техники. В обеих этих концепциях изящные умозрительные построения и пафос морального свойства заметно доминируют над фактическим (эмпирическим и статистическим) материалом, во всём остальном же они решительно несхожи. Но оба автора проникательно и единодушно датируют начало современного этапа техники серединой XVIII века. Именно к этому времени выросшее и окрепшее «дерево науки» созрело для того, чтобы его плодами смогла воспользоваться экономическая промышленность с хорошо известным последующим мощным эффектом.

Классическая наука, как аргументированно показал Мишель Фуко [6], имела целью проникнуть во «всеобщий порядок природы» (*totus ordo naturae*). В нём любые вещи и события, стихии, звёзды и звери встроены в некую целостность – не столько сакральную, но, главное, строго упорядоченную. В этот универсально-рациональный порядок и проникает человек со своими потребностями и со своей техникой, встраиваясь в него и его используя. В XVII веке «всеобщий порядок природы» полагается натуральными философами её имманентной разумностью; «естество» и одновременно – это не ведающая греха целостность, несущая незамутнённый промысел Творца.

Всеобщность мерок разума несколько раньше постулировал Н. Кузанский. Тогда в «разуме» различали две способности: *mens* (причастность божественному разуму) и *cogitatio* (процедуры соединения разрозненных элементов памяти). Для кардинала Римской церкви Кузанского главное в разуме, конечно, – *mens*, но и в нём доминирует словарный коннотат латинского «*mensurare*», что значит «измерять»,

«определять». В мензурках алхимиков творится не только священное действие, но и осуществляются рациональные процедуры количественных наблюдений, «определить» – это не только найти существенные признаки, но и «очертить предел», постичь гармонию, установить меру. Следующий шаг делает Декарт, недвусмысленно отдавая приоритет иной способности разума своим знаменитым постулатом *cogito ergo sum*. Латинские «*cogitare*» и «*cogendo*» означают «думать» и «собирать». Когда разумная способность *cogitatio* в операциональном отношении окончательно оттеснила *mens* на второй (только моральный или духовный) план, и стал возможен ключевой концепт классической науки – «всеобщий порядок природы».

«Матезис» как аналитический поиск тождеств и различий этого всеобщего естественного порядка стимулировал бурную поисковую активность нужных приборов его наблюдения, а также аналитических средств языка его описания. Краткую их сводку мы приведём ниже, а здесь важно подчеркнуть, что именно они – способы наблюдения и описания «порядка природы» – и составили основную часть тех новаторских «технологий», которые отличали европейскую культуру данного периода и которые внесли весомый вклад в развитие мировой культуры.

Пик евроатлантического доминирования инновационной мировой продуктивности приходится на рубеж XVII–XVIII веков. Он, однако, вовсе не является свидетельством какой-либо исключительности или превосходства европейцев над остальными народами. Снобизм, с которым конквистадоры и колонисты относились к аборигенам (с которым, кстати, и сегодня идеологи Запада объявляют свои страны «развитыми»), имеет одним из своих корней просто невежество. В долгой истории человечества именно те регионы, обитателей которых снисходительно считали (и нынче считают, только вежливее) туземцами, варварами или дикарями, были центрами культуры и лидерами инновационной активности. Крупнейшие нововведения, определившие весь ход мировой культуры, были достигнуты в самых разных регионах планеты – в Африке и в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Средиземноморье. Регионы лидировали попеременно, на временном графике кривые их доминирования, как известно, своей формой напоминают колокола: сначала доля достижений какого-то региона в мире растёт, затем, достигая максимальных значений, падает. Такие процессы регионального доминирования длятся сотни лет, тогда как история человечества исчисляется многими десятками тысяч лет. Евроатлантический «колокол», кстати, в настоящее время находится, согласно патентной статистике WIPO, в стадии завершения спада: более половины всех мировых изобретений уже делаются в странах дальнего Востока.

Подъём инновационного уровня Европы вовсе не означал также более высокого уровня жизни. Её жители были столь же далеки от благоденствия, как и обитатели любого другого региона планеты. В первой половине XVII века страны Европы вели перманентные церковные и национальные войны, решая, какие из социальных структур совершеннее: прежние империи, королевства, или же зарождающиеся национальные государства. Чему лучше следовать: обычному праву, праву короля или законам и избирательному праву? Огромные армии разоряли казну и

уничтожали ландшафты, они же поглощали работников (что было некстати) и всяких смутьянов – воров и инакомыслящих (что было на руку властям).

Площади пашен и пастбищ на протяжении пятидесяти военных лет сокращались, а производительность труда в сельском хозяйстве, по оценке Рондо Камерона [7, с. 136], не достигала даже уровня XIII века. Сеялка и механическая молотилка применялись лишь спорадически, передовые сельскохозяйственные технологии почти не распространялись за пределы Голландии, зерновые культуры продолжают жать серпами. Темпы инфляции и роста давления населения на продовольственные ресурсы превышали динамику объёмов сельскохозяйственного производства. Из-за слабого развития сельскохозяйственных технологий в Европе прекратился демографический рост. В середине XVII века, заметим, нашествие саранчи приводит к голоду в Китае, что, учитывая ситуацию в Европе, сдерживало темпы роста всего мирового населения. Подвёл и климат, который исследователи часто называют «малым ледниковым периодом». Эпоха Людовика XIV приходится, по выражению Броделя, на «ужасные годы», самые холодные за последние семь столетий [8, с. 20].

Способствовала сокращению европейского населения, и не менее успешно, чем войны, климат или застой в продовольственных технологиях, так называемая «революция цен» XVII века. Цены возросли за столетие не менее чем втрое, чего отнюдь нельзя сказать о доходах населения. Просто заметно дешевле стали золото и серебро, объёмы которых в Европе также примерно втрое увеличились за счёт ограбленных инков и ацтеков. Демографические спады обнищавшего населения привели к распространению практик насильственного прикрепления крестьян к земле. Лондон и Бристоль являются невольничьими портами Британии, экономика рабовладельческой Америки основана на экспорте сахара, табака и хлопка. Плантаторы и помещики способствуют архаике натурального хозяйства и определяют устройство государств, но любят заморские товары и ценят хороших купцов. Наиболее динамичным сектором экономики остаётся, как в XV или XVI веках, торговля.

Реальность голодных и одичавших армий – характерная черта Европы не только первой половины XVII века, но и второй половины XVIII, когда державы либо сошлись в схватке за испанский престол (за «испанское наследство»), или же просто созрели для борьбы за независимость. Собственно, выделенный нами столетний период является временем относительного затишья, краткой передышки. С дистанции прошедших веков мы только теперь можем адекватно оценить, насколько неожиданно продуктивно эта передышка была использована! Именно тогда были продуцированы две группы новаций, которые впоследствии привели к возникновению техногенной цивилизации и оказали основополагающее влияние на весь ход мирового развития.

Обе эти группы новшеств формировались в условиях разрушения средневековой картины мира и первой информационной революции, связанной с распространением технологий книгопечатания. Личность Нового времени стала отличаться большей рациональностью, более решительно и резко выраженной индивидуальностью. Мишенями систематических атак скептического

самостоятельного мышления таких новых личностей стали, прежде всего, две главные темы.

О первой из них, посвящённой соотношению разума и природы, мы говорили выше. Разработка этой темы вскоре привела «виртуозов» к научным революциям. Результатом размышлений и апробаций решений по второй из них – о «природе человека», о соотношении индивида и государства – явился быстрый рост рационального индивидуализма. Эти новые идеи и преодолевали прошлое, и вырастали из него. Наука не возникла бы без предшествующих практик отточенной логичности схолии. Рациональный индивидуализм, который впоследствии послужил одной из предпосылок создания социальности нового типа – западного общества, восходит к установкам гуманизма. Homo faber стал закономерным следствием представлений о человеке как «микрокосме», как хозяине тварного мира, обладающего эксклюзивным, дарованным Творцом высшим правом на сотворчество.

Ни последующая промышленная революция, ни грядущая научно-техническая революция, ни современное общество потребления без этих результатов были бы просто невозможны. Инновационные «технологии» данного периода, без преувеличения, заложили новый тренд мирового развития.

Представим теперь вкратце ранее обещанную фактическую сторону инновационных «технологий» science. Общую методологическую основу матезиса естественного порядка составили отказ от целевых причин (так называемое «усекновение причины», начатое Гоббсом) и, понятно, ориентация исследователей на поиск универсальных законов всеобщего порядка. Общим математическим аппаратом стало дифференциальное исчисление, разработанное Лейбницем, Декартом и Ньютоном. Общую теоретическую платформу исследований составили классическая механика, уравнения динамики и теория тяготения. Имевшие место предубеждения по отношению к экспериментальным технологиям как к чему-то второстепенному всё же не мешали их быстрому развитию: привычная антитеза «рук и языка» хотя и сохранялась, но теперь не составляла жёсткой альтернативы.

Отто Герике строит вакуумный насос, манометр, проводит опыты по получению электричества. Грей конструирует лейденскую банку, испытывает эффективность диэлектриков и проводников. Левенгук изготавливает и применяет удобные линзовые приборы. Гюйгенс конструирует маятниковые часы, наблюдает и объясняет феномен поляризации света. Ремёр даже пробует измерить его скорость. Изучение природы атмосферного давления Паскалем и Бойлем сопряжено с попытками использования его силы в двигателях нового типа. Паскаль также закладывает основы гидростатики, конструирует вычислительный «сумматор». Лейбницу мы обязаны первым арифмометром. Без новой техники вычислений невозможны сложные расчёты теории сводов, а, значит, и наиболее грандиозные строения, осуществлённые в этот период. Гидродинамику (и в том числе идею гидротурбины) разрабатывают Бернулли и Эйлер, основы аналитической химии – Бойль и Брандт. Гук создаёт теорию твёрдых тел, Ньютон и Гримальди изучают такие свойства света, как дисперсия, дифракция и интерференция.

Инновации science были институционально поддержаны многочисленными научными и архитектурными обществами, которые создаются в Италии, в Англии, во Франции, в России и Германии. Открываются технические школы: путейские, морские, военные. В 1683 году в Париже организована одна из первых выставок технических изделий, а в первой половине XVIII века «для публики и образования» там было издано восемь томов, посвящённых достижениям техники. Подобные инициативы сейчас привычны и даже для многих скучны, но три столетия назад они были беспрецедентными для всей истории человечества дерзкими новациями.

Достижения классической науки, однако, ещё не могли эффективно содействовать техническому поиску во всех его разнообразных областях. Фундаментальные результаты только начали «обрастать» прикладными исследованиями, а непростой путь к практическим приложениям от фундаментальной науки (как показал ещё Г. С. Альтшуллер) к тому же всегда пролегает через тысячи изобретений. Показательно, например, что попытки применения советов натуральных философов в сельском хозяйстве тогда могли привести только к отрицательным результатам. Но разработки science уже с ранних её этапов начали проникать в некоторые области техники, реально поддерживать и направлять их развитие.

На основе принципа действия центробежного насоса была изготовлена «машина Папена». Соммерсет создаёт паровой насос. Последующие за ними так называемые «пароатмосферные машины» Ньюкомена и Поттера откачивают воду из шахт. В связи с нехваткой древесины обитатели Англии переходят на новый вид топлива, на уголь. Из угля научаются делать смолы и дёготь, для плавки чугуна применяется кокс. В Англии и Швеции начала XVIII века работают первые металлургические заводы. Начинается производство чугунных рельсов, пружинных рессор, совершенствуются и распространяются технологии карданного сцепления и поршневых машин. Новые технологии позволяют изготовить и безобидную косилку на водяном двигателе, и скорострельную батарею мортир. С XVIII века, справедливо обобщают многие авторы, происходит «протоиндустриализация» Запада.

В связи с распространением моды на изделия из хлопка обеспечивается их машинное производство на новых ткацких станках, прядильных и чесальных машинах. Совершенный ткацкий станок Эдмунда Картрайта (1743) – знаковый для Ортеги-и-Гассета результат этой тенденции, коим даже открывается современная «машинная техника». Булавки научились быстро прессовать, что резко снизило цены на них, многократно ускорились технологические процессы производства бумаги. Появляются пишущие машинки, стальные перья и почтовые марки. В обиход входят настольные весы, ватерпас. На дорогах появляются omnibus, ландверы (коляски с закрывающимся и складывающимся кузовом) и даже редкие велосипеды. Открываются технологии производства рубинового стекла, саксонского фарфора и огранки хрусталя. Быт становится красивее и комфортабельнее. В домах Франции появляются первые лифты, в особняках Лондона и Санкт-Петербурга – центральное отопление. Распространение получают твёрдое мыло и туалеты со смывным устройством.

Приведенный пёстрый перечень инноваций (нисходящий чуть ли не до деталей физиологического свойства), оказывается в прямой и сильной корреляции с заметным на этом этапе ростом индивидуализма и рационализма. Технические достижения и гуманитарные установки, технологии и «технологии», конечно, развиваются отнюдь не синхронно и часто оказываются в конфликте. Но всё же их противопоставление, как верно заметил Адорно, «принадлежит ложному сознанию» [9, с. 367-368].

Философия свободы Джона Локка, концепция «естественных прав человека» или трактовка государства как «общественного договора» синхронно опредмечены, например, заметным дистанцированием людей от актов прямого насилия, ростом брезгливости, сокрытием актов телесных отпавлений, требованиями возможности уединения и комфорта. Или появлением на исходе XVII века общественных институтов социального страхования, призванных защитить комфорт индивида (опять-таки, дистанцированного от государства) – сохранить хоть какой-то его частный достаток в случае пожара или кораблекрушения. Шокирующий общество бунт маркиза де Сада против «предрассудков» предполагает освободить индивида «сразу и от скипетра, и от кадила» [10, с. 19]. Словом, если в начале века поэт Джон Донн выражал общепринятую сентенцию, говоря, что «нет человека, который был бы как остров, сам по себе», то к концу века многие, напротив, как раз к этому сознательно стремились.

Насилие теперь – это прерогатива государства, а естественное право человека – желать независимой рациональной организации своей гражданской текущей жизни и тем самым стремиться к комфорту. Одним из символов «технологий» рационального индивидуализма Нового времени поэтому, без преувеличения и гротеска, можно считать (наряду с чистыми и запирающимися уборными) коридоры, – те самые коридоры, которые теперь есть в каждой квартире. Именно в это время их стали строить в домах знати, дабы изолировать комнаты друг от друга, где прежде традиционно и безмятежно хозяева спали рядом со слугами и рабами.

Таким образом, научные революции Нового времени и рост рационального индивидуализма не просто синхронны, их становление детерминировано глубинными общими основаниями. Концепция *totus ordo naturae* решительно противостоит средневековой картине мира. Матезис этого естественного порядка открывался натуральному философу созданием новых инструментов наблюдения и средств языка описания. Из всеобщего порядка природы складываются и представления о естественных правах человека. *Nomofaber*, который торжествует в XX веке, наследует установки гуманистов, но уже не схоластов. Соединение интенций *science* и рационального индивидуализма составило мощный фактор последующей истории человечества.

Список литературы

1. Banch B., Hellemans A. The History of Science and Technology [Text] / Bryan Banch, Alexander Hellemans. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2004. – 776 p.
2. Даймонд Дж. Ружья, микробы, сталь. История человеческих сообществ [Текст] / Джаред Даймонд; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 604, [4] с.

3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира [Текст] / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 764, [4] с.
4. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации [Текст] / Фелипе Фернандес-Арместо; пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 764, [4] с.
5. Ханников А. А. Техника: от древности до наших дней [Электронный ресурс] / А. А. Ханников. – Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Teknika-ot-drevnosti-do-nashih-dney
6. Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., А-сэд, 1994. – 405 с.
7. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней [Текст] / Рондо Камерон; пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 544 с.
8. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII веков [Текст] / Фернан Бродель; Том 2, Игры обмена; пер. с франц. Л. Е. Куббеля; ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
9. Адорно Теодор В. О технике и гуманизме / Философия техники в ФРГ [Текст] / пер. с нем. и англ.; составл. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна и В. Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 364–371.
10. Маркиз де Сад Француз, ещё одно усилие, если вы хотите быть гражданами республики! / Жюстина, или несчастная судьба добродетели. // Пер. с фр. А. В. Царькова и С. С. Прохоренко – М.: Издательство СП «Интербук», 1991. – С. 15–59.

Shorkin A.D. The Formation of "Technology" Science and Rational Individualism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 46–54.

The article considers two groups of "technology", which three centuries ago laid the new trend of the world development: they made the industrial revolution possible, the subsequent connection of science and technology in a single undertaking as well as the formation of the modern society of consumption and services. Both groups of innovations were mainly formed in Europe, in condition of the medieval world picture destruction. The frontier of the XVII–XVIII centuries coincides with the peak of the Euro-Atlantic domination of the global innovation efficiency which has been completed only now.

The first is "tehnologii" science invented by the "Virtuosos" and the "enthusiasts" of natural philosophy during the development of the theme of the relation between reason and nature. The executed scientific revolution was based on the notion of a "universal order of nature" as its immanent intelligence. Two components of intelligence – cogitatio (collect) and mens (the certainty of complicity with the divine mind), the last after Descartes were pushed back to moral or spiritual plane. "Mathesis" as an analytical search of the identities and differences of a universal natural order stimulated the rapid search activity of the desired devices of his observations as well as analytical tools of description of the observed order. "Tehnologiy" science which was institutionally supported by the emerging technical schools, scientific and architectural societies, provoked protoindustrialization of the West.

The second group of the New time "technology" was associated with reflections on "human nature", the relationship between the individual and the state. The John Locke's philosophy of freedom, the concept of "natural rights" interpretation of the state as a "social contract" are synchronously materialized with noticeable distancing of people from acts of direct violence, disgust, concealment of acts, bodily functions, requirements, privacy and comfort. Violence now is the prerogative of the state, and a natural right of man is to want an independent, efficient and comfortable organization of its civilian daily life. "Tehnologii" of rational individualism constitute an important part of the mentality of modern people.

Key words: science, the universal order of nature, mathesis, rationality, individualism.

References

1. Banch B., Hellemans A. The History of Science and Technology [Text] / Bryan Banch, Alexander Hellemans. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2004, 776 p.
2. Dajmond Dzh. Ruzh'ja, mikroby, stal'. Istorija chelovecheskih soobshhestv [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow, AST, 2009, 604, [4] p.
3. Osborn R. Civilizacija. Novaja istorija Zapadnogo mira [Civilization A New History of the Western World]. Moscow, AST, 2008, 764 p.
4. Fernandes-Armesto F. Civilizacii [Civilizations]. Moscow, AST, 2009, 764, [4] p.
5. Hannikov A.A. Tehnika: ot drevnosti do nashih dnei [Technique: from Antiquity to the Present Day]. URL: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Teknika-ot-drevnosti-do-nashih-dnei (Accessed: 20 July 2017).
6. Mishel' Fuko. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Order of Things]. SPb., 1994, 405 p.
7. Kameron R. Kratkaja ekonomicheskaja istorija mira. Ot paleolita do nashih dnei [A Concise Economic History of the World from Paleolithic Time of the Present]. Moscow, 2001, 544 p.
8. Brodel' F. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm XV–XVIII vekov [Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism]. Moscow, Progress, 1988, 632 p.
9. Adorno Teodor V. O tehnike i gumanizme / Filosofija tehniki v FRG [About Technology and Humanism]. Moscow, Progress, 1989, P. 364–371.
10. Markiz de Sad. Francuzy, eshho odno usilie, esli vy hotite byt' grazhdanami respublik! [French, Another Effort if You Want to Be Citizens of the Republic]. Moscow, Interbook, 1991, P. 15–59.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 2. С. 55–64.

УДК 329.73

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДЖЛИСА КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА ПО СОЗДАНИЮ В КРЫМУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР (2017 год)¹

Гросфельд Е. В., Харабуга В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alegros@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции деятельности Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год). В рамках реализации данной стратегии в рассматриваемый период была развернута деятельность по правовому обеспечению изменений политико-правового статуса Автономной Республики Крым с целью превращения ее в крымско-татарскую национально-территориальную автономию. При этом отмечается рост международной активности Меджлиса, выраженной в последовательной и системной работе по юридическому признанию на международном уровне права крымско-татарского народа на самоопределение и создание национально-территориальной государственности. В последнее время обозначилась четкая линия по поддержке этих усилий и со стороны украинского руководства. Также можно отметить значительную активизацию пропагандистской работы Меджлиса на внутривнутриполитической арене. Если указанные тенденции, связанные напрямую с Меджлисом, проявляются за пределами Республики Крым, то на самом полуострове все более стабильным становится взаимодействие российского руководства с пророссийскими организациями крымских татар. Прежде всего с теми, которые пользуются наибольшим влиянием в своей национальной среде. В 2017 году продолжается интенсивная политическая и пропагандистская кампания по обвинению

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 28.4501.2017 РНЦ «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования общероссийской гражданской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Южного федерального округа (Республика Крым, город федерального значения Севастополь)»

Российской Федерации в грубом нарушении политических, экономических, культурных и языковых прав крымских татар и украинцев в Крыму.

Ключевые слова: крымские татары, Меджлис, крымско-татарская государственность, крымско-татарская автономия.

Актуальность данной проблематики обусловлена конфликтным потенциалом ситуации, поскольку ключевой в деятельности Меджлиса крымско-татарского народа (в Российской Федерации в 2016 году отнесен к числу экстремистских организаций – прим.) на протяжении 2017 года стала активизация работы по продвижению идеи создания в Крыму крымско-татарской государственности в форме автономной республики в составе Украины.

Объектом данной статьи является Меджлис крымско-татарского народа.

Предметом – деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 г.).

Цель данной статьи заключается в рассмотрении основных тенденций деятельности Меджлиса крымско-татарского народа (далее – Меджлис) по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар на протяжении 2017 года.

Активизация работы по продвижению идеи создания в Крыму крымско-татарской государственности в форме автономной республики в составе Украины в 2017 году началась с выступления 20 января председателя Меджлиса и депутата Верховной Рады от фракции «Блок Петра Порошенко» Рефата Чубарова в украинском парламенте. В очередной раз он призвал президента и правительство Украины созвать конституционную комиссию для подготовки изменений в Конституцию в части преобразования Крыма в Крымско-татарскую автономную республику. Он также напомнил, как 26 лет назад, именно 20 января состоялся крымский референдум по восстановлению автономии Крыма, ликвидированной в 1945 году в связи с депортацией крымско-татарского народа [1].

Не менее ярко идея создания в Крыму крымско-татарской государственности проявилась в проекте Конституции Крымско-татарской автономной республики Украины, предложенном общественной организацией «Майдан иностранных дел». 1 февраля 2017 года в Киеве организация «Майдан иностранных дел» и Институт стратегических черноморских исследований провели закрытую презентацию своего проекта Конституции Крымско-татарской автономной республики Украины [2]. Участники мероприятия – украинские эксперты, госслужащие и члены Меджлиса – обсудили ключевые проблемы создания крымско-татарской автономии и возможное политико-административное устройство Крыма. Представитель Меджлиса Эскендер Бариев назвал презентацию хорошим шагом к началу экспертного и общественного обсуждения, но отметил, что «до того, как дойти до самой Конституции, важно учесть ряд законодательных актов, в которые нужно внести изменения. В частности, это Закон об Автономной Республике Крым, нужно также продумать изменения в Конституцию Украины. Но в первую очередь нужно принять закон о коренных народах». По его мнению, главный упор необходимо сделать на «гарантии развития крымско-татарского народа», чего нет в представленном проекте. «Мы должны четко прописать, каким образом будут гарантированы права крымских татар и

других народов. На мой взгляд, именно этого в данном тексте недостаточно. Но понятно, что команда “Майдана иностранных дел” сделала первый шаг и подняла вопрос. Первое впечатление – это текст, который не особо отличается от текста действующей Конституции, за исключением того, что появляется понятие Крымско-татарской автономной республики», – добавил член Меджлиса [3].

Представляется, что предложенный проект конституции, несмотря на общепринятые нормы построения демократического общества в новой республике, последовательно проводит принцип преимущества этнического представительства коренного народа в органах власти создаваемой республики. Уже предлагаемое название государственного образования – Крымско-татарская автономная республика Украины, и наименование его представительного органа – «Курултай», свидетельствуют о том, что на территории Крымского полуострова самоопределяется коренной крымско-татарский народ. Кроме того, в проекте четко выражен квотный принцип формирования представительного органа и других органов власти. Так, из 100 депутатов, избираемых в Курултай, 49 депутатских мест закрепляется за представителями крымско-татарского народа как коренного народа Крыма. Эти места закрепляются за Меджлисом, называемым в проекте конституции добровольным объединением граждан Украины, преимущественно крымско-татарской национальности, созданным для реализации и защиты интересов крымско-татарского народа как коренного народа Украины. Еще по одному месту закрепляется за представителями этноконфессиональных групп караимов и крымчаков по представлению их национальных общин. Соответственно, остальные 49 депутатских мест закрепляются за представителями других национальностей Крыма. Но в предлагаемом проекте конституции не оговаривается принцип избрания депутатов. То ли это будет мажоритарная избирательная система с выдвижением в одномандатных округах. То ли это будет пропорциональная система или же смешанная система. Также неясно, кто будет пользоваться правом выдвижения депутатов, смогут ли местные отделения украинских политических партий выдвигать своих представителей в Курултай, или это будет осуществляться каким-то другим образом. Во многом именно нормы избирательной системы будут определять демократичность прихода в представительные органы власти крымских депутатов.

В проекте конституции сказано, что у формирования руководящих органов Крымско-татарской автономной республики Украины есть ряд особенностей, которые должны сформировать баланс распределения властных полномочий. В случае, если по итогам выборов Председателем Курултая Крымско-татарской автономной республики Украины избран представитель крымско-татарского народа, то Председателем Совета Министров Крымско-татарской автономной республики Украины назначается представитель других национальностей Крыма. Заместители главы Курултая Крымско-татарской автономной республики Украины – представители других национальностей Крыма. Первый заместитель Председателя Совета Министров Крымско-татарской автономной республики Украины – представитель крымско-татарского народа. Еще один заместитель Председателя Совета Министров Крымско-татарской автономной республики

Украины – представитель крымско-татарского народа. Всего у Председателя Совета министров Крымско-татарской автономной республики Украины три заместителя. Соответственно, если по итогам выборов Председателем Курултая Крымско-татарской автономной республики Украины избран представитель других национальностей Крыма (не представитель крымско-татарского народа), то Председателем Совета Министров Крымско-татарской автономной республики Украины назначается представитель крымско-татарского народа. Соответственно, заместители главы Курултая Крымско-татарской автономной республики Украины – представители крымско-татарского народа. Первый заместитель Председателя Совета Министров – представитель других национальностей Крыма. Еще один заместитель Председателя Совета Министров – представитель других национальностей Крыма. При этом для «восстановления на территории Крымско-татарской автономной республики Украины правового поля Украины с момента деокупации территории в Крыму вводится Переходный период. Во время Переходного периода власть на территории Крымско-татарской автономной республики Украины осуществляют временные органы управления военно-гражданской администрации. Выборы в Курултай Крымско-татарской автономной республики Украины проводятся не ранее, чем по истечении трех лет после факта деокупации Крыма и возвращения его территории в правовое поле Украины [4].

Тема изменения Конституции Украины получила продолжение 11 мая 2017 года. В этот день состоялось заседание Конституционной комиссии Украины, на котором было принято решение создать рабочую группу по разработке поправок и дополнений в Конституцию Украины в части Автономной Республики Крым. Возглавил рабочую группу заместитель председателя Конституционной комиссии, украинский юрист, профессор Владимир Буткевич. «На нашем сегодняшнем заседании мы должны дать старт этой кропотливой работе, завершение которой обозначится вынесением Конституционной комиссией на рассмотрение Верховной Рады Украины изменений и дополнений в Конституцию Украины относительно Автономной Республики Крым и города Севастополя. Честно говоря, я представляю, с какими трудностями мы можем столкнуться в этой работе, но нет никаких причин, чтобы мы их не преодолели» [5], – заявил в своем выступлении на заседании глава Меджлиса Рефат Чубаров. Он также обратил внимание на предлагаемые изменения в Конституцию Украины. Среди них Рефат Чубаров назвал реализацию крымско-татарским народом права на самоопределение в составе украинского государства, сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности Украины, включая Крым и Севастополь, а также обеспечение равных прав всех граждан Украины, проживающих на полуострове.

14 мая 2017 года на пресс-конференции в Киеве Президент Украины Петр Порошенко заявил, что готов внести изменения в Конституцию Украины в части создания крымско-татарской автономии в Крыму. Он также выразил надежду на то, что этот вопрос решится в ближайшее время [6].

19 мая 2017 года в Киеве на встрече «1944/2014: борьба крымских татар за Родину» Мустафа Джемилев пояснил цели создания крымско-татарской автономии. По его словам, название автономии не имеет принципиального значения, главное –

ее содержание, а основными элементами этой автономной республики должно являться функционирование крымско-татарского языка наряду с государственным в качестве рабочего, официального языка на территории Крыма, а также обеспечение представительства во всех структурах, ветвях власти, чтобы оно давало возможность защищать права граждан этого народа на сохранение и развитие.

Глава Меджлиса Рефат Чубаров добавил, что, по его мнению, в процессе принятия вопроса об автономии в скором времени проявятся настроения и истинные намерения украинских политиков. «Уже сейчас мы видим некоторых политиков, которые, возможно, не желая приводить свои истинные причины или мотивации, почему они не хотели бы автономии на основе права крымско-татарского народа на самоопределение, стараются приводить более как бы пристойные мотивации, скажем: “не вовремя”, “действительно ли нужны в составе Украины автономии”» – отметил Рефат Чубаров [7].

Следует отметить, что крымские татары, признающие Крым законной и неотъемлемой частью Российской Федерации, выступили с критикой этих заявлений и инициатив. Так, 13 мая 2017 депутат Государственной Думы Руслан Бальбек подчеркнул бессмысленность таких изменений. Он предложил украинским коллегам внести поправки в Конституцию Украины, исключив из нее десятый раздел «Автономная Республика Крым». Он также призвал украинских политиков «не пребывать в несбыточных иллюзиях» и «не обманывать свой народ относительно претензий на Крым». «Все попытки спекуляций вокруг статуса Крыма на Украине не будут иметь никаких правовых последствий», – подчеркнул Руслан Бальбек [8].

7 апреля 2017 года в Верховную Раду Украины поступил проект закона № 315, который должен определить статус крымско-татарского народа. Инициаторами законопроекта закона выступают более 20-ти народных депутатов Украины, в том числе Рефат Чубаров, Георгий Логвинский, Дмитрий Белоцерковец и другие. Как пояснил народный депутат Украины Мустафа Джемилев, такая инициатива должна способствовать сохранению национальной идентичности крымско-татарского народа. «Речь идет о переформатировании Автономной Республики Крым в национально-территориальную автономию. Прямо указывается – Автономная Республика как форма реализации коренного народа Крыма на свое право на самоопределение в рамках украинского государства. Присутствуют доводы о том, что крымские татары являются коренным народом, прописаны меры по сохранению национальной идентичности крымско-татарского народа» [9], – пояснил Мустафа Джемилев.

Нужно подчеркнуть, что вопросы о статусе крымско-татарского народа и его самоопределении неразрывно связаны. Более того, вопрос о статусе должен предшествовать всем остальным изменениям. Именно поэтому главная цель Меджлиса – это самоопределение крымских татар и построение национальной государственности. Достижение этой цели позволит решить основные задачи, стоящие перед крымско-татарскими националистами. Вся остальная деятельность Меджлиса: защита якобы ущемленных прав коренного крымско-татарского народа в условиях «российской оккупации», возвращение Крыма в состав украинского

государства, организация широкой международной поддержки курултаю-меджлису – носят вспомогательный характер. Это – производная главной идеи о том, что создание собственной республики в составе Украины будет означать признание суверенитета коренного крымско-татарского народа. В будущем, в случае внесения данной нормы в конституцию Украины, это может привести к негативным для российской государственности политико-правовым последствиям. Такое решение позволит США и другим странам НАТО, опираясь на международные правовые нормы, активно вмешиваться во внутреннюю политику Российской Федерации по крымскому вопросу.

Исходя из того, что Украина как суверенное государство признает территорию Автономной Республики Крым как территорию, на которой самоопределяется коренной крымско-татарский народ, то в случае политических катаклизмов возможно объявление Крыма суверенным крымско-татарским государством. Таким образом, крымско-татарские политики реализуют право на полное самоопределение. В этом случае возможно их обращение к мировому сообществу для защиты новообразованного государства, возникает повод для военного вмешательства США и других стран НАТО в ситуацию в этом ключевом геостратегическом регионе.

Незаконная организация Меджлис в своей деятельности в текущем году уделяла особое внимание внешнеполитическим инструментам для достижения своих главных политических целей – правового обеспечения будущей национальной государственности и юридического закрепления за крымскими татарами статуса коренного народа и его права на самоопределение. Для этого использовались разнообразные методы воздействия на международные политические институты и международное общественное мнение. Основным лоббистами интересов Меджлиса традиционно выступали США и страны, входящие в НАТО. В частности, использовались структуры ООН и ряд европейских организаций. При этом власти Украины фактически выполняли функции ретрансляторов и усилителей политических установок Меджлиса.

Одним из механизмов реализации идеи крымско-татарской государственности в Крыму является борьба крымско-татарских националистов и украинского государства с якобы существующими здесь дискриминацией и насилием против крымских татар и украинцев. По мнению руководства Украины, в этом виновато правительство РФ, которое установило на полуострове оккупационный режим. С этой целью 16 января Украина подала иск в Международный суд ООН о нарушении Россией международных конвенций по противодействию финансированию терроризма и расовой дискриминации. Одним из пунктов иска является утверждение о том, что Россия нарушает «Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации» 1965 года. «Начиная с незаконного “референдума”, проведенного в атмосфере запугивания, российская оккупационная власть проводит политику культурного уничтожения этих общин. Эта дискриминационная политика проявилась в запрете деятельности Меджлиса крымско-татарского народа; волне исчезновений, убийств, самовольных обысков, задержаний; попытках прекратить вещание СМИ, а также в ограничении на преподавание украинского и крымско-

татарского языков», – отмечается в сообщении МИД Украины [10]. При этом Украина попросила суд принять временные меры по предотвращению нарушения прав человека со стороны России в ходе рассмотрения дела по существу.

По мнению председателя Меджлиса Рефата Чубарова, принятие временных мер уменьшит так называемые репрессии на территории Крыма. «Это могло бы минимизировать репрессии по отношению к гражданам Украины и, в первую очередь, крымским татарам. Речь идет об обеспечении работы Меджлиса крымско-татарского народа, о свободе слова, речь идет об элементарных правах человека, как возможности выражать свою волю, право на мирные собрания. Все это – то, без чего нормальное общество не может существовать, но Крым сейчас живет как раз без этих очевидных вещей» [11], – пояснил свою позицию Рефат Чубаров в комментарии интернет-ресурсу «Крым.Реалии». Он высоко оценил шансы Украины при рассмотрении данного иска и добавил, что процесс будет долгим, но это следует делать. Факт данного обращения свидетельствует о том, что уже в начале года стартовала политическая кампания по обоснованию «незаконности и преступности» действий РФ в отношении двух этнических групп в Крыму, которые, по замыслу авторов обращения, в случае положительного судебного решения становятся жертвами, требующими реабилитации.

Для обоснования заявлений о том, что в Крыму установлен режим «российской оккупации» и имеют место вопиющие нарушения прав человека и коренного народа, Меджлисом и его зарубежными партнерами была создана организация Крымская правозащитная группа. Целью работы правозащитной группы является оказание влияния на органы власти, международные организации, неправительственные структуры и организации, СМИ для формирования выгодного для себя общественного мнения о политике РФ в Крыму. За последние три года эта группа выпустила большое количество мониторинговых обзоров ситуации с правами человека в Крыму.

Авторы мониторингов декларируют свою объективность и непредвзятость в изучаемом вопросе, однако анализ самих мониторингов показывает, что это далеко не так. Их содержание позволяет утверждать, что данная работа ведется в соответствии с жесткими установками украинского и западного руководства. Ежемесячные мониторинговые обзоры строятся по определенной схеме. В них представлены такие постоянные рубрики: право на свободу и личную неприкосновенность (аресты и обыски), политически мотивированное уголовное преследование, свобода слова и выражение мнений, препятствование журналистской деятельности, свобода мирных собраний, свобода передвижения и вопросы перемещения через пропускные пункты, нарушения норм международного гуманитарного права и насильственное перемещение населения. Перечисленные рубрики взяты из документов ООН и других организаций, защищающих права перемещенных лиц. Это придает видимость объективности деятельности Крымской правозащитной группы. Однако анализ содержания мониторинга позволяет сделать вывод об их предвзятости и пропагандистской направленности. К примеру, задержание 19 активистов «Хизб ут-Тахрир» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) рассматривается как нарушение прав человека. Но на самом деле,

целью этой организации является создание всемирного халифата, и ее сторонники в Крыму активно действовали в этом направлении. Таким образом, любое уголовное дело, особенно в отношении крымских татар и украинских радикалов, трактуется как политическое преследование граждан с целью ограничения их свободы.

Результаты исследования, изложенные в рамках данной статьи, позволяют сделать следующие выводы. Как видно из проекта конституции, ее авторы пытаются реализовать этнократический принцип в формировании представительных и исполнительных органов власти, обеспечивая право вето на любое решение для представителей крымских татар. Такой подход нельзя назвать демократическим, а попытка обосновать это необходимостью реабилитации крымских татар как жертв депортации не выдерживает критики. Фактически, указанные политические преимущества будут предоставлены людям, которые никогда не подвергались мерам депортации и не потерпели от нее никакого ущерба. Понятно, что данный проект (при его принятии) блокирует любое волеизъявление нетатарского большинства населения Крыма, а также позволяет как зарубежным политикам, так и международным организациям обосновывать свое вмешательство в крымский вопрос защитой особых прав коренного народа.

Естественно, что в условиях нахождения Крыма в составе Российской Федерации такие нормы не могут быть реализованы. Авторы проекта в полной мере осознают это и рассчитывают на то, что принятие этих изменений в конституцию Украины и других законов, связанных с ними, создадут в будущем, в случае благоприятных политических изменений, возможности для их реализации. Кроме того, активисты Меджлиса вполне оправданно для себя считают необходимым принятие комплекса законов, в том числе о коренных народах и о признании депортации геноцидом.

Следует отметить, что на протяжении 2017 года продолжается интенсивная политическая и пропагандистская кампания по обвинению Российской Федерации в грубом нарушении политических, экономических, культурных и языковых прав крымских татар и украинцев в Крыму. Однако данные обвинения не являются объективными. Их авторы не приводят конкретные факты, которые доказывают эти обвинения. В частности, в Крыму созданы благоприятные условия для существования и развития крымско-татарского и украинского языков, для реализации языковых прав граждан на основе принципа добровольности, что соответствует самым высоким международным стандартам. В целом в обвинениях, выдвинутых против Российской Федерации, отсутствуют конкретные факты нарушений прав человека и национальных меньшинств.

Список литературы

1. Чубаров призывает ускорить превращение Крыма в Крымско-татарскую республику. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28246453.html> (Дата обращения 13.08.2017).
2. Презентация-обсуждение проекта Конституции Крымско-татарской Автономной Республики Украины. URL: <https://www.mfa.ua.org/ru/events/prezentatsiya-obsuzhdenye-proekta-konstytutsyyu-krymskotatarskoi-avtonomnoi-respublyku-ukraynu> (Дата обращения 15.08.2017).
3. Для Конституции Крымско-татарской автономии нужны изменения законов Украины – Бариев. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28275706.html> (Дата обращения 15.08.2017).

*Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа
по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар
(2017 год)*

4. Конституция Крымско-татарской Автономной Республики Украины. URL: <https://www.mfa.ua.org/ru/publications/konstytutsiya-krymskotatarskoi-avtonomnoi-respublyky-ukrainy> (Дата обращения 22.08.2017).
5. <https://www.facebook.com/dogrujol/posts/1280885502006601> (Дата обращения 13.08.2017).
6. Порошенко: готов внести изменения в Конституцию по крымско-татарской автономии. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28487434.html> (Дата обращения 12.08.2017).
7. Джемилев: «Мы не настаиваем, чтобы автономия называлась «крымско-татарской» . URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28497543.html> (Дата обращения 17.08.2017).
8. В Госдуме предложили Киеву убрать из конституции раздел о Крыме. URL: <http://crimea.gia.ru/politics/20170513/1110366132.html> (Дата обращения 3.08.2017).
9. В Верховную Раду Украины направили законопроект о статусе крымско-татарского народа. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28416223.html> (Дата обращения 13.08.2017).
10. Сайт МИД Украины . URL: <http://mfa.gov.ua/ua/news-feeds/foreign-offices-news/53822-vistup-postijnogo-predstavnika-ukrajini-na-1275-u-zasidanni-komitetu-ministriv-radi-jevropi-18-sichnya-2017-r> (Дата обращения 15.08.2017).
11. Международный суд ООН может вынудить Кремль уменьшить репрессии в Крыму – Чубаров. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28241830.html> (Дата обращения 16.08.2017).
12. На Межпарламентском совете Украина-НАТО обсудили нарушения прав человека в Крыму – Ирина Герашенко. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28412541.html> (Дата обращения 15.08.2017).
13. Джемилев: решение суда в Гааге по Меджлису – моральная поддержка для крымских татар. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28439298.html> (Дата обращения 13.08.2017).
14. Чубаров: вряд ли Россия будет выполнять решение Международного суда в отношении крымских татар. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28440684.html> (Дата обращения 25.08.2017).

Grosfeld E. V., Kharabuga V. V. Activity of the Medjlis of the Crimean-Tatar People to Create the National Stateholders of the Crimean-Tatar in the Crimea (2017) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 55–64

The article examines the main trends of the activity of the Mejlis of the Crimean Tatar people on the creation of the Crimean Tatars national statehood in Crimea (2017). As part of the implementation of this strategy, during the period under review, activities were launched to provide legal support for changes in the political and legal status of the Autonomous Republic of Crimea with the aim of turning it into a Crimean-Tatar national-territorial autonomy. At the same time, the international activity of the Mejlis is expressed in consistent and systematic work on the legal recognition of the right of the Crimean Tatar people to self-determination and the creation of national-territorial statehood at the international level. Recently, there has been a clear line of support for these efforts by the Ukrainian leadership. Also, we can note a significant increase in the propaganda work of the Mejlis in the domestic political arena. If these tendencies, connected directly with the Mejlis, are manifested outside the Republic of Crimea, then on the peninsula the interaction of the Russian leadership with the pro-Russian organizations of the Crimean Tatars becomes more stable. First of all, with those who enjoy the greatest influence in their national environment. In 2017, an intensive political and propaganda campaign is continuing to accuse the Russian Federation of a flagrant violation of the political, economic, cultural and linguistic rights of the Crimean Tatars and Ukrainians in the Crimea.

Key words: Crimean Tatars, Mejlis, Crimean-Tatar statehood, Crimean-Tatar autonomy.

References

1. Chubarov prizyvaet uskorit' prevrashchenie Kryma v Krymskotatarskuyu respubliku. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28246453.html> (Accessed: 13 August 2017).
2. Prezentatsiya-obsuzhdenie proekta Konstitutsii Krymskotatarskoi Avtonomnoi Respubliki Ukrainy. URL: <https://www.mfa.ua.org/ru/events/prezentatsiya-obsuzhdenye-proekta-konstytutsyy-krymskotatarskoi-avtonomnoi-respublyky-ukrainy> (Accessed: 15 August 2017).
3. Dlya Konstitutsii Krymskotatarskoi avtonomii nuzhny izmeneniya zakonov Ukrainy – Bariev. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28275706.html> (Accessed: 15 August 2017).
4. Konstitutsiya Krymskotatarskoi Avtonomnoi Respubliki Ukrainy. URL: <https://www.mfa.ua.org/ru/publications/konstytutsiya-krymskotatarskoi-avtonomnoi-respublyky-ukrainy> (Accessed: 22 August 2017).
5. <https://www.facebook.com/dogrujol/posts/1280885502006601> (Accessed: 13 August 2017)..
6. Poroshenko: gotov vnesti izmeneniya v Konstitutsiyu po krymskotatarskoi avtonomii. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28487434.html> (Accessed: 12 August 2017).
7. Dzhemilev: «my ne nastaiваем, chtoby avtonomiya nazyvalas' «krymskotatarskoi». URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28497543.html> (Accessed: 17 August 2017).
8. V Gosdume predlozhili Kievu ubrat' iz konstitutsii razdel o Kryme. URL: <http://crimea.ria.ru/politics/20170513/1110366132.html> (Accessed: 3 August 2017).
9. V Verkhovnyu Radu Ukrainy napravili zakonoproekt o statuse krymskotatarskogo naroda. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28416223.html> (Accessed: 13 August 2017).
10. Sait MID Ukrainy. URL: <http://mfa.gov.ua/ua/news-feeds/foreign-offices-news/53822-vistup-postijnogo-predstavnika-ukrajini-na-1275-u-zasidanni-komitetu-ministriv-radi-jevropi-18-sichnya-2017-r> (Accessed: 15 August 2017).
11. Mezhdunarodnyi sud OON mozhet vynudit' Kreml' umen'shit' repressii v Krymu – Chubarov. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28241830.html> (Accessed: 16 August 2017).
12. Na Mezhpaparlamentskom sovete Ukraina-NATO obsudili narusheniya prav cheloveka v Krymu – Irina Gerashchenko. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28412541.html> (Accessed: 15 August 2017).
13. Dzhemilev: reshenie suda v Gaage po Medzhlisu – moral'naya podderzhka dlya krymskikh tatar. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28439298.html> (Accessed: 13 August 2017).
14. Chubarov: vryad li Rossiya budet vpolnyat' reshenie Mezhdunarodnogo suda v otnoshenii krymskikh tatar. URL: <https://ru.krymr.com/a/news/28440684.html> (Accessed: 25 August 2017).

УДК 327.5

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ

Ислямова Э. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: defi77@yandex.ru

В статье рассматривается освещенность концепта «Черноморский регион» в диссертационных работах, защищенных в Российской Федерации в период 1991–2017 гг. Помимо исследовательской актуальности, такая цель обусловливается трансформационными процессами последних лет, непосредственно затронувшими Черноморский регион и повлиявшими на его интеграционную структуру и региональную значимость. В соответствии с поставленной целью в рамках статьи решаются такие задачи, как проведение контент-анализа диссертационных работ России, посвященных проблеме Черноморского региона; осуществление количественно-качественного анализа тематик работ, посвященных черноморской тематике в рамках специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных систем и глобального развития»; дополнение сформированного представления кратким анализом аналогичных работ в рамках других специальностей российской политической науки. Стоит отметить, что в рамках данного исследования работы, посвященные странам Черноморского региона, а не всему региону в целом, рассматриваться не будут, так как выходят за рамки поставленных цели, задач и предмета исследования. В работе делается вывод об ограниченности числа имеющихся работ и актуальности дальнейшего изучения проблемы Черноморского региона.

Ключевые слова: регион, анализ, интеграция, Черноморский регион, диссертации.

В современном мире процесс региональной интеграции является одним из главных направлений глобальных и международных процессов. Отдельные регионы, которые длительное время находились вне зоны внимания ведущих мировых держав, становятся центрами важных, а иногда и основополагающих для современного мира событий. В таких условиях начинает изменяться их статус и значение в силу того, что, с одной стороны, они становятся влиятельными международными игроками, а с другой – все чаще начинают ощущать давление со стороны влиятельных мировых акторов, определяющих конфигурацию международной системы и глобальных взаимодействий в целом. Именно к такой категории относится и Черноморский регион, что делает его изучение особенно актуальным в рамках как российской, так и мировой политической науки, уделяющих ему концептуальный и прикладной аспекты своего исследовательского интереса.

Целью исследования является анализ концепта «Черноморский регион» в российских диссертациях по политическим наукам.

Объектом исследования являются теоретические аспекты анализа Черноморского региона. **Предметом** является рассмотрение Черноморского региона в диссертациях по политическим наукам России. Основным методом исследования является количественно-качественный контент-анализ, позволивший максимально широко и объективно оценить представление в современном научном дискурсе политической науки России концепта «Черноморский регион» и дать характеристику специфики его рассмотрения.

В зарубежной науке длительный период международная региональная интеграция рассматривалась как базовый концепт, играющий особенную роль в современном общественно-политическом развитии мировых процессов. На протяжении многих десятилетий представителями политической, экономической, социологической и других наук разрабатывались концепции, определяющие закономерности протекания интеграционных процессов и устанавливающие связи между отдельными составляющими и субпроцессами. Наиболее известными среди них являются: концепция «политического реализма» Г. Моргентхау и Р. Остуда, «теория стадий» У. Ростоу (интеграция – закономерность развития общественно-экономической формации), теория интеграции К. Дойча (интеграция рассматривается как исторический процесс общего характера), «теория систем» М. Каплана и Ч. Роузкранца (интеграция как органическая система, содержащая множество степеней и моментов, и поэтому многокритериальная), теории «индустриального» и «постиндустриального» общества Дж. Гелбрейта, теория Д. Белла (интеграция – это следствие экономического развития на основе изменений, вызванных достижениями НТП), футурологическая теория Г. Канна (интеграция является прогрессивным процессом, ведущим к развитию), теория «конвергенции» П. Сорокина, теория К. Кленса (интеграция как закономерность развития, обусловленная сглаживанием отличий общественно-экономических систем) и др. [1, с. 104, 125–140; 2; 3].

Многочисленные труды ведущих отечественных ученых, работавших на постсоветском пространстве, также во многом были посвящены проблемам региональной интеграции. Среди них можно назвать: В. Будкина, И. Гладия, Б. Губского, В. Денисюка, В. Захарову, Ю. Макогона, А. Никифорова, С. Пирожкова, С. Юрченко и многих других [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Каждая из работ названных авторов внесла свой вклад в рассмотрение вопроса региональной интеграции в целом и интеграции Черноморского региона в частности.

Однако для того, чтобы составить наиболее полную картину исследованности концепта Черноморского региона, нам следует обратиться непосредственно к диссертационным работам. С этой целью нами были рассмотрены заголовки 1250 диссертационных работ специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития», защищенных в период 1991–2017 годов и представленных в библиотеке диссертаций dslib.net [13]. Количественно-качественный контент-анализ позволил выявить, что, в целом, проблеме Черноморского региона было посвящено пятьдесят работ. В сочетании с

пятидесятью двумя работами, обнаруженными в ходе мониторинга в других специальностях политической науки (23.00.01, 23.00.02 и 23.00.03), находящихся в этой же библиотеке, общая численность диссертаций интересующей нас тематики составила сто две работы.

Таблица 1.
Диссертационные работы РФ, посвященные теме Черноморского региона и странам в него входящим

Специальность	Число работ
23.00.01	9
23.00.02	42
23.00.03	1
23.00.04	50
Всего	102

Простой количественный анализ позволяет убедиться в том, что в рамках специальности 23.00.04 тема Черноморского региона была наиболее востребована. Этот вывод не является удивительным, более неожиданным здесь можно назвать тот факт, что на втором месте таблицы с отставанием всего в восемь работ оказалась специальность 23.00.02, работы которой направлены на рассмотрение политических институтов, процессов и технологий. Объяснение этого показателя требует более детального рассмотрения тематик работ данной специальности и будет приведено ниже.

Обращаясь к рассмотрению работ основной для нас специальности 23.00.04, посмотрим на соотношение исследований. Интересным фактом здесь является то, что из пятидесяти найденных работ только три содержали в своих названиях слово «черноморский» и только две были посвящены именно Черноморскому региону:

«Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных» (2001 г.) [16];

«Новое геополитическое пространство черноморского региона в контексте российской национальной безопасности: политологический анализ» (2009 г.) [15];

«Роль и место черноморского региона во внешней политике турецкой республики на современном этапе» (2015 г.) [14].

Таким образом, самая ранняя работа, 2001-го года, посвящена не региону, а проливам Черного моря как геополитической проблеме, что, конечно, имеет отношение к рассматриваемой тематике. Однако учитывая, что в содержании отражен исторический контекст рассмотрения роли проливов (начиная с XVIII века), нам представляется, что в процессе современной оценки Черноморского региона это отношение является опосредованным. Две оставшиеся работы являются более близкими нам по времени выполнения (2009 и 2015 гг.) и, действительно, посвящены вопросам Черноморского региона. По контексту работы 2009-го года очевидно, что в ней регион рассматривается в целом и в связи с проблемой российской национальной безопасности, что делает ее особо актуальной для России на сегодняшний момент. Однако работа, защищенная в 2015 году, рассматривает

Черноморский регион в связи с внешней политикой Турции, что может говорить об изучении части региона, находящейся в границах Турецкой Республики. Однако краткий анализ содержания работы позволяет убедиться, что и здесь под Черноморским регионом понимается именно международное пространство, включающее множество государств.

Факт наличия этих работ свидетельствует об актуальности и интересе к данному концепту, однако столь незначительное их количество и полное отсутствие в 2016–2017 гг. показывают, насколько важны дальнейшие исследования этой проблематики. Для того, чтобы убедиться в справедливости этого замечания приведем некоторые сравнительные показатели.

Чтобы оценить общий интерес к региональной тематике, были рассмотрены работы, посвященные другому важному в российской политике региону – Каспийскому. Оказалось, что в этой же библиотеке имеется восемь работ по специальности 23.00.04, посвященных данному региону. Защищены эти работы были в интервале 2004–2015 гг. и, что важно, каждая из них рассматривает именно концепт «Каспийский регион», а не другие, смежные с ним понятия [17]. Это позволяет сделать вывод если не о большей популярности, то о большей изученности Каспийского региона по сравнению с Черноморским, которому в российской политической науке за последние пятнадцать лет было посвящено на пять работ меньше.

Еще одним аспектом сравнения может быть наличие рассматриваемой темы в диссертационных работах по политологии другого «черноморского» государства – Украины. Сразу отметим, что сравнение является не вполне корректным, так как из-за ограниченности доступа к украинским информационным базам удалось найти названия работ, защищенных в этом государстве только до 2009 года [18].

Как показал мониторинг, в период с 1998 по 2009 год на Украине было защищено четыре работы, в названии которых использовался термин «черноморский»:

«Чорноморське регіональне співробітництво як геополітичний чинник міжнародних інтеграційних процесів (1990–1998 рр.)» (1998, 23.00.04) [19];

«Становлення системи безпеки і співробітництва в чорноморському регіоні та роль України у цьому процесі (1990-і роки)» (2002, 23.00.04) [20];

«Інституалізація безпеки у Чорноморському регіоні (1992–2005 роки)» (2006, 23.00.02) [21];

«Концепції чорноморської орієнтації України у вітчизняній політичній думці першої половини ХХ століття» (2009, 23.00.01) [22].

Еще одну работу мы можем привести на основании того, что это работа автора: «Политика Украины в отношении интеграционных процессов в Черноморском Регионе» [23]. Она была защищена в 2010 году по специальности 23.00.04 и войти в используемую информационную базу не могла.

Очевидно, что из пяти приведенных работ, четыре посвящены проблематике Черноморского региона, и только одна, относящаяся к специальности 23.00.01, направлена на рассмотрение концепций черноморской ориентации, что более чем характерно для работ этой специальности.

В рамках специальности 23.00.04 были найдены три работы, подготовленные в 1998, 2002 и 2010 годах, что позволяет, с одной стороны, делать выводы о сопоставимости изучения Черноморского региона в России и Украине, но с другой – оговаривать, что наличие таких работ среди украинских диссертаций после 2009 года (исключая авторскую) мы охарактеризовать в полной мере не можем.

Обобщающий вывод, который можно предложить, это констатация того, что и в российских, и в украинских диссертационных работах проблема Черноморского региона изучается достаточно долго, однако говорить о широте и многоплановости здесь сложно.

Последний вопрос, важный для формирования общего представления – это выявление наличия или отсутствия работ, посвященных Черноморскому региону в других специальностях российской политической науки. При всей неоднозначности, этот вопрос может быть поставлен в контексте сопоставления с украинскими работами, среди которых было найдено целых три специальности, включавшие исследования, связанные с черноморской тематикой.

Рассмотрение российских работ позволяет говорить о том, что интерес, проявленный к теме «черноморских исследований», является несколько более ограниченным в отношении специальности и сосредотачивается в одной из них – специальности, посвященной политическим процессам, институтам и технологиям (23.00.02). Однако общее число работ, выходящих за рамки специальности 23.00.04, превышает украинские и составляет пять наименований:

«Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (Историко-политологический анализ)» (2003) [24];

«Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России» (2007) [25];

«Политическое реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации: на примере городов Черноморского побережья России» (2009) [26];

«Политика Европейского союза в отношении многосторонних структур сотрудничества в Причерноморье» (2009) [27];

«Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: политический аспект: по материалам Черноморского макрорегиона» (2011) [28].

Как и в случае специальности 23.00.04, можно говорить о том, что наличие этих работ, даже превышающее число исследований в профильном для темы международного региона направлении, демонстрирует достаточно широкий интерес к черноморской тематике. Однако качественный анализ найденных работ позволяет прийти к выводу, что в большинстве своем эта тема рассматривается в контексте несколько иного регионализма. Как можно видеть из приведенных заголовков, только в одной работе используется понятие регионализма, в формулировке «Черноморский макрорегион» [28]. В остальных дважды применяется понятие Причерноморья, а также рассматриваются такие объекты исследования, как Черноморский флот и города Черноморского побережья [24; 25; 26; 27].

Содержательный анализ работ приводит к следующему результату. Оказалось, что в обеих работах, в которых использовано понятие «Причерноморье», рассматривается интересующий нас Черноморский регион. В первом случае (работа 2007 г.) он изучается в контексте национальной безопасности России (выше упоминалось исследование по специальности 23.00.04 похожего содержания). Во втором примере (2009 г.) – это достаточно подробный анализ политики Европейского союза в отношении Черноморского региона. Таким образом, две приведенные работы выходят за рамки своей специальности и позволяют нам расширить список работ интересующей нас проблематики.

Оставшиеся три работы имеют к теме Черноморского региона опосредованное отношение. Так, первая из приведенных диссертаций, посвященная теме Черноморского флота, и в теме, и в содержании содержит значительный исторический аспект, за рамки политико-правовых вопросов флота не выходит. Две оставшиеся работы посвящены различным аспектам внутренней политики России. А под Черноморским макрорегионом в одной из них имеется в виду Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея, рассматриваемые, также как и в работе с международной проблематикой, в контексте национальной безопасности России [28].

Проведенный анализ позволяет подвести итог в форме дополненной и конкретизированной таблицы, приведенной нами в начале статьи.

Таблица 2.
Диссертационные работы РФ, посвященные теме Черноморского региона
(количественно-качественный анализ)

Специальность	Число работ «черноморской тематики» со странами, входящими в регион	Число работ «черноморской тематики»	Число работ, непосредственно посвященных концепту «Черноморский регион»
23.00.01	9	-	-
23.00.02	42	5	2
23.00.03	1	-	-
23.00.04	50	3	2
Всего	102	8	4

Очевидно, что из общего числа найденных нами работ, имеющих самое широкое отношение к черноморской тематике, только восемь, представленные в двух специальностях, имели в своем названии слово «черноморский» или слова однокоренные. Более того, из них только четыре (две в «профильной» специальности 23.00.04 и две в «институциональной» 23.00.02) были непосредственно посвящены концепту «Черноморского региона» в контексте национальной безопасности России, политики ЕС и Турции. Все остальные работы имели к этому региону опосредованное отношение. Являются эти показатели

значительными или нет, судить сложно, однако, как показал небольшой сравнительный анализ, подобной теме Каспийского региона только в специальности 23.00.04 было посвящено восемь работ, что, конечно, превышает выявленную нами цифру «два» – для региона Черноморского. Как минимум, это означает актуальность и необходимость дальнейшего исследования этого региона в рамках российской политической науки.

Говоря же о более широком межстрановом сопоставлении, аналогичную статистику украинских диссертационных работ в таблице мы не приводим, так как их анализ нельзя считать полным, и в рамки предмета исследования они не входили. Однако отметим, что из известных нам пяти работ по черноморской тематике, четыре были посвящены проблеме Черноморского региона: три были подготовлены в рамках специальности 23.00.04 и одна была защищена по специальности 23.00.02. Это может свидетельствовать о сопоставимой степени исследовательского интереса к теме Черноморского региона российских и украинских политологов и необходимости продолжения таких исследований.

В целом, концепт «Черноморского региона» является важным как для российского исследовательского дискурса, так и для современных политических реалий Российской Федерации и мира, в рамках которых вопросы трансформации взаимоотношений между государствами региона приобретают особую значимость. Это делает важным рассмотрение вопроса освещенности в российских научных работах не только самого концепта «Черноморский регион», но и стран, в него входящих и определяющих взаимоотношения в его рамках. Такой анализ может стать темой следующих исследований, направленных на более детальное рассмотрение концептуальных основ «черноморских исследований», и логически продолжить начатый в этой статье анализ.

Список литературы

1. Гречихин В. Г. Методологические проблемы международной социалистической интеграции / В. Г. Гречихин. – М.: Издательство Московского университета, 1985. – 161 с.
2. Ігнатів Н. І. Деякі аспекти зовнішньоекономічних зв'язків України контексті глобалізації / Н. І. Ігнатів // Теоретичні та прикладні питання економіки. – 2004. – Вип. 4. – С. 129–133.
3. Мурадян А. А. Буржуазные теории международной политики: критический анализ / А. А. Мурадян. – М.: «Наука», 1988. – 144 с.
4. Будкин В. Проблемы и перспективы сотрудничества между Европейским Союзом и Украиной / В. Будкин // Экономика Украины. – 2000. – № 9. – С. 82–89.
5. Губский Б., Лукьяненко Д., Сиденко В. Интернационализация украинской экономики / Б. Губский, Д. Лукьяненко, В. Сиденко // Экономика Украины. – 2000. – № 9. – С. 16–25.
6. Денисюк В. Вызовы региональной интеграции Украины в контексте европейского выбора // Економічний часопис. – 2002. – № 9. – С. 30–35.
7. Захарова Н. В. Экономическая интеграция в условиях двух систем: критика буржуазных трактовок / Н. В. Захарова. – М.: Высшая школа, 1988. – 95 с.
8. Макогон Ю. В. Черноморские ориентиры европейской интеграции Украины в мировое хозяйство / Ю. В. Макогон // Проблемы и перспективы развития сотрудничества между странами Юго-Восточной Европы в рамках Черноморского экономического сотрудничества и ГУУАМ: Сборник научных трудов. – Свиштов–Донецк: СА «Д. А. Ценов», ДонНУ. – 2004. – С. 22–38.
9. Никифоров А. Р. Геополитический смысл Украины (к постановке проблемы) / А. Р. Никифоров // Русский геополитический сборник. – 2000. – № 4. – С. 75–90.

10. Новицкий В. Национальные интересы Украины в контексте цивилизационных детерминант и экономической глобализации / В. Новицкий // Экономика Украины. – 2003. – № 7. – С. 12–18.
11. Пирожков С. І. ГУУАМ: проблеми та перспективи розвитку транспортно-комунікаційних коридорів / С. І. Пирожков // Стратегічна панорама. – 2000. – № 3–4. – С. 198–202.
12. Юрченко С. В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств / С. В. Юрченко // Черноморська безпека. – № 4 (10). – 2008. – С. 3–5.
13. Библиотека диссертаций dslib.net. URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie.html> (Дата обращения: 15.07.2017).
14. Белякова Н. С. Роль и место черноморского региона во внешней политике турецкой республики на современном этапе: дис ... канд. полит. наук / Белякова Нина Сергеевна. – М., 2015. – 142 с.
15. Романенко В. И. Новое геополитическое пространство черноморского региона в контексте актуализации национальной безопасности: политологический анализ: дис ... канд. полит. наук / Романенко Владимир Иванович. – Москва, 2009. – 275 с.
16. Лаврова Т. В. Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений: дис ... докт. полит. наук / Лаврова Татьяна Владимировна. – М., 2001. – 291 с.
17. Политические проблемы международных отношений и глобального развития. URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie--p-23.html> (Дата обращения: 15.07.2017)
18. Веда. Электронная библиотека. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/disser/ua/code-23.00.04.html> (Дата обращения: 15.07.2017)
19. Мхитарян Н. І. Чорноморське регіональне співробітництво як геополітичний чинник міжнародних інтеграційних процесів (1990–1998 рр.): дис ... канд. полит. наук / Мхитарян Наталія Ігорівна. – К., 1998. – 213 с.
20. Глебов С. В. Становлення системи безпеки і співробітництва в чорноморському регіоні та роль України у цьому процесі (1990-і роки): дис... канд. полит. наук / Глебов Сергій Володимирович. – К., 2002. – 178 с.
21. Афанасьев В. О. Институализация безопасности у Черноморському регіоні (1992–2005 роки): Дис... канд. полит. наук / Афанасьев Виктор Александрович. – Симферополь, 2006.
22. Домашенко Л. М. Концепції чорноморської орієнтації України у вітчизняній політичній думці першої половини ХХ століття. : дис... канд. полит. наук / Домашенко Леся Миколаївна. – К., 2009. – 205 с.
23. Ислямова Э. Э. Политика Украины в отношении интеграционных процессов в Черноморском Регионе: дис... канд. полит. наук / Ислямова Эльвида Эрфановна. – Симферополь, 2010. – 195 с.
24. Усов С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (Историко-политологический анализ): дис... докт. полит. наук / Усов Сергей Андреевич. – М., 2003. – 445 с.
25. Ротов А. С. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России: дис... канд. полит. наук / Ротов Александр Сергеевич. – Ростов н/Д, 2007. – 138 с.
26. Рудаков Л. В. Политическое реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации: на примере городов Черноморского побережья России: дис... канд. полит. наук / Рудаков Леонид Владимирович. – Краснодар, 2009. – 273 с.
27. Краснов Д. В. Политика Европейского союза в отношении многосторонних структур сотрудничества в Причерноморье: дис... канд. полит. наук / Краснов Денис Владимирович. – Нижний Новгород, 2009. – 163 с.
28. Кутилин С. А. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: политический аспект: по материалам Черноморского макрорегиона: дис... канд. полит. наук / Кутилин Сергей Анатольевич. – Краснодар, 2011. – 233 с.

Islyamova E.E. Conceptual Analysis of the Black Sea Region in Russian Political Scientific Dissertations
// Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology.
– 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 65–74.

The article deals with the illumination of the concept "Black Sea region" in dissertational works protected in the Russian Federation. With a view to accomplishing this goal, the following tasks were identified: to

conduct a content analysis of Russia's dissertational works on the problem of the Black Sea region and its countries; To carry out quantitative and qualitative analysis of the themes of the works devoted to the Black Sea theme within the specialty 23.00.04 - political problems of international systems and global development; Supplement the generated presentation with a brief analysis of the works devoted to the problem of the Black Sea region within the framework of other specialties of Russian political science. The theoretical aspects of the analysis of the Black Sea region can be considered as an object of research. The subject is the consideration of the Black Sea region in theses of political science in Russia. The main method is quantitative and qualitative content analysis, which allowed to assess the concept of the "Black Sea region" in the modern scientific discourse of Russia as broadly and objectively as possible and to characterize the specifics of its consideration. In order to accomplish the tasks we have discussed the headings of 1250 dissertations of the specialty 23.00.04 - "Political problems of international relations and global development". The conclusion is made about the limited number of available works and the urgency of further study of the problem of the Black Sea region.

Key words: region, analysis, integration, Black Sea region, dissertations.

References

1. Grechikhin V. G. Metodologicheskie problemy mezhdunarodnoi sotsialisticheskoi integratsii [Methodological Problems of International Socialist Integration]. – Moscow, Izd. Mosk. universiteta, 1985. – 161 p.
2. Ignatovich N. I. Deyaki aspekti zovnishn'oekonomichnikh zv'yazkiv Ukraïni konteksti globalizatsii [Acts of the Aspect of the Call of Duty of Ukraine, Context of Globalization]. Teoretichni ta prikladni pitannya ekonomiki. – 2004. – Vol. 4. – P. 129–133.
3. Muradyan A. A. Burzhuaznye teorii mezhdunarodnoi politiki: kriticheskii analiz [Bourgeois Theories of International Politics: Critical Analysis]. – Moscow, Nauka, 1988. – 144 p.
4. Budkin V. Problemy i perspektivy sotrudnichestva mezhdru Evropeiskim Soyuzom i Ukrainoi [Problems and Prospects of Cooperation between the European Union and Ukraine] // Ekonomika Ukrainy. – 2000. – Vol. 9. – P. 82-89.
5. Gubskii B., Luk'yanenko D., Sidenko V. Internatsionalizatsiya ukrainskoi ekonomiki [Internationalization of the Ukrainian Economy] // Ekonomika Ukrainy. – 2000. – № 9. – P. 16-25.
6. Denisyuk V. Vyzovy regional'noi integratsii Ukrainy v kontekste evropeiskogo vybora [Challenges of Regional Integration of Ukraine in the Context of the European Choice] // Ekonomichnii chasopis. – 2002. – № 9. – P. 30-35.
7. Zakharova N. V. Ekonomicheskaya integratsiya v usloviyakh dvukh sistem: kritika burzhuaznykh traktovok [Economic Integration in Conditions of Two Systems: Criticism of Bourgeois Interpretations]. – Moscow, Vysshaya shkola, 1988. – 95 p.
8. Makogon Yu.V. Chernomorskie orientiry evropeiskoi integratsii Ukrainy v mirovye khozyaistvo [Black Sea Landmarks of European Integration of Ukraine into the World Economy] // Problemy i perspektivy razvitiya sotrudnichestva mezhdru stranami Yugo-Vostochnoi Evropy v ramkakh Chernomorskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva i GUUAM, 2004, p. 22-38.
9. Nikiforov A. R. Geopoliticheskii smysl Ukrainy (k postanovke problemy) [The Geopolitical Meaning of Ukraine (to the Formulation of the Problem)] // Russkii geopoliticheskii sbornik. – 2000. – № 4. – P. 75-90.
10. Novitskii V. Natsional'nye interesy Ukrainy v kontekste tsvivilizatsionnykh determinant i ekonomicheskoi globalizatsii [National Interests of Ukraine in the Context of Civilizational Determinants and Economic Globalization] // Ekonomika Ukrainy. – 2003. – № 7. – P. 12-18.
11. Pirozhkov C.I. GUUAM: problemi ta perspektivi rozvitku transportno-komunikatsiinykh koridoriv [GUUAM: Problems and Prospects for the Development of Transport-Communication Corridors] // Strategichna panorama. – 2000. – Vol. 3-4. – P. 198-202.
12. Yurchenko S. V. Osnovnye tendentsii razvitiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii i problema aktualizatsii obshchestvennogo vozdeistviya na vneshnyuyu politiku gosudarstv [The Main Trends in the Development of the System of International Relations and the Problem of Actualizing the Social Impact on the Foreign Policy of States] // Chornomors'ka bezpeka. – Vol. 4 (10). – 2008. – P. 3-5.

13. Biblioteka dissertatsii dslib.net. [Library of dissertation dslib.net.] URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie.html> (Accessed: 15.07.2017).
14. Belyakova N. S. Rol' i mesto chernomorskogo regiona vo vneshnei politike turetskoi respubliki na sovremennom etape [Role and Place of the Black Sea Region in the Foreign Policy of the Turkish Republic at the Present Stage]. Candidate's thesis, Moscow, 142 p.
15. Romanenko V. I. Novoe geopoliticheskoe prostranstvo chernomorskogo regiona v kontekste rossiiskoi natsional'noi bezopasnosti: politologicheskii analiz [New Geopolitical Space of the Black Sea Region in the Context of Russian National Security: Political Analysis]. Candidate's thesis, Moscow, 275 p.
16. Lavrova T. V. Chernomorskie proliivy kak geopoliticheskaya problema sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii [Black Sea Straits as a Geopolitical Problem of Modern International Relations]. Doctorate's thesis, Moscow, 291 p.
17. Politicheskie problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i global'nogo razvitiya [Political Problems of International Relations and Global Development] URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie--p-23.html> (Accessed: 15.07.2017).
18. Veda. Elektronnyaya biblioteka [Veda. Library of dissertation] URL: <http://www.lib.ua-ru.net/disser/ua/code-23.00.04.html> (Accessed: 15.07.2017).
19. Mkhitarian N. I. Chornomors'ke regional'ne spivrobitnitstvo yak geopolitichnii chinnik mizhnarodnikh integratsiynikh protsesiv (1990–1998 rr.) [Black Sea Regional Cooperation as a Geopolitical Factor in International Integration Processes (1990–1998)]. Candidate's thesis, Kiev, 213 p.
20. Glebov S. V. Stanovlennya sistemi bezpeki i spivrobitnitstva v chornomors'komu regioni ta rol' Ukraïni u ts'omu protsesi (1990-i roki) [Formation of the System of Safety and Security in the Black Sea Region, the Role of Ukraine in the Process of (1990)] Candidate's thesis, Kiev, 178 p.
21. Afanas'ev V. O. Instiutalizatsiya bezpeki u Chornomors'komu regioni (1992–2005 roki) [Institutionalization of Security Services in the Black Sea Region (1992–2005)]. Candidate's thesis, Simferopol.
22. Domashchenko L. M. Kontseptsii chornomors'koï orientatsii Ukraïni u vitchiznyanii politichnii dumtsi pershoï polovini KhKh stolittya. [Concepts of the Black Sea Region of Ukraine at the Meeting of the Half-Minded Duma Member of the 20th Half of the Table] Candidate's thesis, Kiev, 205 p.
23. Islyamova E.vE. Politika Ukrainy v otnoshenii integratsionnykh protsesov v Chernomorskom Regione [The policy of Ukraine in Relation to Integration Processes in the Black Sea Region]. Candidate's thesis, Simferopol, 195 p.
24. Usov S. A. Politiko-pravovye problemy Chernomorskogo flota i Sevastopolya v kontekste raspada Rossiiskoi imperii i SSSR (Istoriko-politologicheskii analiz) [Politico-Legal Problems of the Black Sea Fleet and Sevastopol in the Context of the Collapse of the Russian Empire and the USSR (Historical and Political Analysis)] Doctorate's thesis, Moscow, 445 p.
25. Rotov A. S. Geopoliticheskii segment Prichernomor'ya i ego znachenie v formirovanii politiki natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii [Geopolitical Segment of the Black Sea Area and its Importance in the Formation of the National Security Policy of Modern Russia]. Candidate's thesis, Rostov-na-Donu, 138 p.
26. Rudakov L. V. Politicheskoe reformirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: na primere gorodov Chernomorskogo poberezh'ya Rossii [Political Reforming of System of Local Government in the Russian Federation: on an Example of Cities of the Black Sea Coast of Russia]. Candidate's thesis, Krasnodar, 273 p.
27. Krasnov D. V. Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii mnogostoronnikh struktur sotrudnichestva v Prichernomor'e [The Policy of the European Union in Relation to Multilateral Structures of Cooperation in the Black Sea Region] Candidate's thesis, Nizhnii Novgorod, 163 p.
28. Kutilin S. A. Obespechenie natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: politicheskii aspekt: po materialam Chernomorskogo makroregiona [Maintenance of National Safety of the Russian Federation: Political Aspect: on Materials of the Black Sea Macroregion]. Candidate's thesis, Krasnodar, 233 p.

УДК 323.27

**«PILLARS OF SUPPORT»:
ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА «СТОЛПЫ ПОДДЕРЖКИ» ВЛАСТИ
ВО ВРЕМЯ «ЕВРОМАЙДАНА» НА УКРАИНЕ**

Нагорняк К. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: kirnagorniyak@gmail.com

Настоящая статья посвящена исследованию «цветных революций» как технологий государственного переворота. Автор разделяет процесс революции на две составляющие – скрытую силовую и показательную ненасильственную. Особое внимание уделяется разбору второго элемента, в основе которого лежит метод «политического неповиновения». Автор обращает внимание на концепцию «столпов поддержки» (pillars of support) политического режима государства, согласно данным американского исследователя Р. Л. Хелви, специалистов американо-сербской НКО «Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий» (CANVAS), а также украинской организации «Агентство журналистики данных». Последняя структура финансировалась иностранными фондами и подготовила, а затем распространяла среди украинских пользователей сети Интернет методические рекомендации по «ненасильственному свержению» политического режима украинского президента В. Ф. Януковича и «Партии Регионов» во время «Евромайдана» 2013–2014 гг. Модели «столпов поддержки» представлены в виде таблицы. Автор отметил силовые методы воздействия на «столпы», а также выдвинул собственную модель, которая могла использоваться во время украинской «цветной революции».

Ключевые слова: pillars of support, столпы поддержки, «Евромайдан», «цветная революция», Р. Л. Хелви, Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий, CANVAS, Агентство журналистики данных.

Постсоветское, или евразийское пространство становится основной ареной применения разных технологий. Цель конкуренции великих держав – получить наиболее выгодное пространственное положение, которое достигается с помощью военных и невоенных средств. По большому счету, речь идет о конкуренции различных интеграционных проектов противоборствующих держав с применением по общепринятой классификации методов «мягкой» и «жесткой силы» [1; 2]. Примером сочетания этих методов для достижения задач в противостоянии великих держав могут служить «цветные революции».

Цель исследования: выявить особенности использования технологий воздействия на «столпы поддержки» политического режима во время «Евромайдана» на Украине 2013–2014 гг.

Исходя из этого, нами были поставлены следующие задачи:

– рассмотреть потенциальные возможности применения технологий воздействия на «столпы поддержки» политического режима во время «цветных революций»;

– выделить и сопоставить модели указанных технологий, согласно разработкам американского исследователя Р. Л. Хелви, американско-сербского НКО «Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий» (CANVAS), а также украинской общественной организации «Агентство журналистики данных»;

– показать особенности применения технологии воздействия на «столпы поддержки» во время «цветной революции» на Украине 2013–2014 гг.

Научная новизна исследования. Впервые рассмотрены технологии воздействия на «столпы поддержки» (pillars of support) политического режима во время «Евромайдана» на Украине 2013–2014 гг.

«Цветная революция» как технология государственного переворота подразумевает две составляющие – скрытую силовую и показательную ненасильственную. Первый вариант подразумевает использование специалистов для решения узконаправленных задач переворота: боевиков, «невидимых снайперов», специалистов по захвату зданий и др. Эта методология не нова, в своей работе «Техника государственного переворота» итальянский исследователь Курт Эрих Зуккерт (1898–1957 г.) отметил, что революции совершаются не массами, а специалистами, «обученными тактике восстания, умеющими быстро и сокрушительно поражать жизненно важные центры технической структуры государства» [3, с. 146]. Работу профессионалов во время революций можно проследить на примере «неизвестных снайперов», которые вели прицельный огонь по гражданам в ходе штурма здания Верховного Совета Российской Федерации в 1993 г., а также во время «цветных революций» в Иране 2009 г., Киргизии 2010 г., Тунисе 2011 г., Египте 2011 г., Сирии 2011 г., Ливии 2012 г., Украине 2014 г. и Армении 2016 г.

В основе ненасильственной составляющей «цветной революции» лежит концепция «политического неповиновения» (термин, введенный американским исследователем Р. Л. Хелви), представляющая собой ненасильственную борьбу (протест, отказ от выполнения каких-либо действий и др.), которая активно применяется в политических целях. Это понятие используется для обозначения действия населения в целях высвобождения правительственных учреждений из-под контроля государства путем постоянных атак на источники силы официальной власти, а также использования в этих целях стратегического планирования и акций [4, с. 9].

Американский исследователь Дж. Шарп указал семь характеристик политического неповиновения: 1) не признает для борьбы средства, используемые государством; 2) официальной власти трудно бороться с такой методикой; 3) может значительно усугубить слабости государства и перекрыть его источники силы; 4) может концентрироваться на одной цели либо широко распространяться; 5) может эффективно вовлекать население или отдельные группы и институты для борьбы с властью отдельных лиц; 6) приводит к ошибкам в суждениях и действиях государственных управленцев; 7) помогает распределить реальную власть в

социуме, что способствует расширению возможности создания и развития демократического общества [4, с. 28].

Дж. Шарп выделил «источники силы» государства. К ним относится авторитет страны – чем он выше, тем надежнее послушание и сотрудничество граждан с государством. Это человеческие ресурсы – группы граждан, которые подчиняются, сотрудничают и помогают государственному аппарату. Среди них имеются группы, обеспечивающие специальные услуги и знания – выход таких людей из влияния правительства существенно ослабляет государство [4, с. 55].

Обратим внимание на то, что технология ненасильственной борьбы опирается на принцип плюралистического характера власти и ее источников, а также на то, как эта власть выражается в учреждениях и организациях, называемых «столпами поддержки» политического режима (pillars of support) [5, с. 136].

По определению Дж. Шарпа, «столпы поддержки» политического режима – это институты и социальные группы, которые обеспечивают существующий режим источниками власти, необходимыми для поддержания и расширения ее потенциала [6, с. 50].

Роберт Хелви выделил следующие «столпы»: полицию, армию, чиновничий аппарат, СМИ, деловые сообщества, молодежь, рабочих, религиозные организации и неправительственные организации. Ученый отметил, что выявление и анализ «столпов» является основой для формирования стратегии ненасильственного государственного переворота [5, с. 9].

Каждый из «столпов» имеет собственную специфику. Например, сотрудники полиции живут и служат в пределах одного города или даже микрорайона. А это значит, что члены их семей, родственники, знакомые и друзья составляют сеть отношений [5, с. 10], поэтому полицейские более сдержанны в применении оружия против протестующих. С другой стороны, воинские части часто отделены от гражданского общества с их собственным жильем, торговыми зонами, больницами и школами. Это, как правило, препятствует развитию личных отношений между военными и их семьями. Поэтому, когда правительство решает применить армию в условиях открытого политического конфликта, у военных подразделений появляется меньше стимулов проявлять сдержанность в применении насилия [5, с. 34].

Американский политолог Вильям Квандт выделил четыре «столпа поддержки» авторитарного режима: идеология, репрессии, взятки и солидарность элиты [7, с. 67]. Однако такая схема скорее похожа на стремление упростить модель неугодного (авторитарного) государства и вряд ли годится для практического применения в планировании «цветной революции».

Российский исследователь В. Э. Багдасарян выделил собственную модель основных «опорных столпов», на которое опирается государство, а именно: 1) идеология; 2) государственное регулирование экономики; 3) опора на национальную валюту; 4) минимизация внешнего долга; 5) государственная монополизация внешней торговли; 6) наличие социального лифтинга; 7) удовлетворенность жизнью большинства населения; 8) институты рекрутинга политической элиты; 9) контроль за информационным пространством; 10)

цивилизационная надэтническая идентичность; 11) наличие карательных политических институтов; 12) цивилизационно-идентичная культура; 13) минимизация социальных противоречий, институты поддержания социальной справедливости; 14) минимизация региональных противоречий, связность регионов; 15) прочность национальных традиций; 16) патриотическая версия истории; 17) цивилизационно-ценностное воспроизводство социума через систему образования; 18) национальная теория государственного управления; 19) некоррупционность (неподкупность) элиты; 20) наличие институтов политической мобилизации; 21) приоритетность ценности национального суверенитета, неприятие космополитизма; 22) мировоззренческое разграничение добра и зла, «своих» и «чужих»; 23) приоритетность национальных интересов и ценностей над международными нормами и принципами права; 24) приоритет в обществе идеального над материальным; 25) политическая цельность власти, отсутствие клановых противоречий. Как отметил исследователь, крушение данных «столпов» может привести к низвержению политического режима [8].

В свою очередь специалисты американо-сербской НКО «Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий» (CANVAS) считают, что «столпы поддержки» политического режима – это учреждения, которые создают и выполняют социальные функции. Согласно их концепции, чтобы влиять на общество, нужно определить и сосредоточить свои усилия на учреждениях и организациях, которые поддерживают существующую структуру власти и социальные функции. Когда ненасильственное движение успешно влияет на конкретный «столп», его члены найдут способы саботировать работу государства [9, с. 34].

Воздействие может происходить как от центра точки опоры режима к его границам, например, когда протестующие уговаривали солдат перейти на сторону оппозиции, так и наоборот – когда насильственные действия протестующих укрепляют военных к лояльному режиму (влияние направлено к центру опоры режима). Поэтому часто во время массовых протестов представители государства пытаются спровоцировать насильственные действия со стороны протестующих, так как это с большей вероятностью заставит солдат подчиняться приказам.

Рассмотрим работу по воздействию на «столпы поддержки» власти Украины при президенте В. Ф. Януковиче во время «Евромайдана» 2013 г. на примере работы общественной организации «Агентство журналистики данных». В первую очередь, проследим ее финансирование. В годовом отчете международного фонда «Возрождение» за 2014 г. отмечено, что на проекты общественной организации было выделено 259 тыс. 754 грн. [10, с. 73]. Согласно отчетной документации агентства, в январе-феврале 2014 г. его сотрудники освещали события «Евромайдана», анализировали механизмы его жизнеобеспечения и публиковали статьи на тему украинской «цветной революции» [11, с. 3]. В 2014 году финансовыми донорами организации были «Национальный фонд в поддержку Демократии» («National Endowment for Democracy») – 225 956 грн., американский частный некоммерческий венчурный инвестиционный фонд «Сеть Омидьяра» («Omidyar Network») – 239 787 грн., международный фонд «Возрождение» – 156 554

+ 101 150 грн., Инициативный центр содействия активности и развития общественных начинаний «Єднання» – 16 460 грн. [11, с. 7]. Таким образом, указанные данные иллюстрируют нам, что финансирование указанного сайта осуществлялось иностранными структурами.

Важным достижением команды было создание методических рекомендаций по ненасильственному свержению Президента Украины В. Ф. Януковича. 13 декабря 2013 г. сотрудники сайта подготовили рекомендации по воздействию на «столпы поддержки» украинского политического режима в виде инфографики (подача информации с помощью иллюстрации) под названием «Шесть столпов, на которых держится Янукович. Как их расшатать?». Специалисты разделили действующую власть на шесть составляющих «столпов»: 1) традиция слепой покорности начальнику; 2) силовые структуры: МВД, СБУ, прокуратура; 3) зависимые/продажные судьи; 4) олигархи; 5) материальные ресурсы (государственный бюджет, коррупционные деньги, кредит России); 6) чиновничий аппарат. В рекомендации указано, что власть не является монолитом, а состоит из институтов и людей, следовательно, покоится на общественных правилах. Когда правила меняются, а представители власти не хотят или не могут защищать политический режим, то он слабеет. Поэтому не стоит захватывать здания, а нужно расшатать столпы, на которых держится власть, и тогда «она посыплется, как карточный домик» [12].

По мнению создателей методических рекомендаций, инструментами давления на «столп» «Традиция слепой покорности начальнику» были: стоячие забастовки, создание местных майданов, любые действия, направленные на защиту прав, пикеты правительственных помещений, помощь и защита репрессированных, распространение и демонстрация символики протеста, распространение музыки протеста, помощь бизнесу, на который осуществляют давление, борьба за достойные условия труда на предприятиях олигархов.

Для давления на «Силовые структуры: МВД, СБУ, прокуратура» требовалось использовать следующие методики: пикетирование государственных учреждений, помощь и защита репрессированных, публикация фамилий служащих, которые принимают участие в репрессиях, мониторинг репрессий и их обнародование, публикация фактов коррупции среди руководителей «Беркута», распространение фото правоохранителей, причастных к репрессиям, информирование родственников, соседей, знакомых правоохранителей, причастных к репрессиям, пикеты возле домов тех, кто проводит репрессии, пикеты заведений, которые организуют репрессии, отделение рядовых от сержантов и офицеров, «чаепитие» с рядовыми на улицах, обнародование состояния и официальных доходов правоохранителей, причастных к репрессиям и др.

Изоляция третьего «столпа» («Зависимые/продажные судьи») достигалась через пикетирование правительственных учреждений, помощь и защиту репрессированных, публикацию фамилий правоохранителей, которые участвуют в репрессиях, мониторинг репрессий и их обнародование, распространение фото правоохранителей, причастных к репрессиям, информирование родственников, соседей, знакомых правоохранителей, причастных к репрессиям, пикеты возле

домов тех, кто проводит репрессии, пикеты заведений, которые организуют репрессии, обнародование состояния и официальных доходов правоохранителей, причастных к репрессиям.

Давление на олигархов осуществлялось через снятие их вкладов в банках, бойкот товаров и услуг олигархов, пикеты офисов олигархов на Украине и за границей, пикеты домов олигархов и чиновников за границей, информирование западных партнеров олигархов про роль последних в украинских событиях, лоббистские кампании среди западных политиков с целью заблокировать счета олигархов, борьба за достойные условия труда на предприятиях олигархов, лежачие, сидячие и другие протесты, которые физически блокируют центральные офисы олигархов.

Инструментами воздействия на сегмент «Материальные ресурсы» были: помощь бизнесу, на который оказывают давление, не давать взятки, депутаты должны писать запросы относительно деятельности Украинского Нефтегаза, возвращение налога на добавленную стоимость государственных закупок, расследование возможных незаконных сделок в Нефтегазе при возвращении налога на добавленную стоимость в сфере государственных закупок.

Расшатывание «столпа» «Чиновничий аппарат» осуществлялось через пикетирование правительственных учреждений, помощь бизнесу, на который оказывают давление, публикацию фамилий чиновников, которые участвуют в репрессиях, распространение фото причастных к репрессиям, информирование родственников, соседей и знакомых чиновников, причастных к репрессиям, пикеты возле домов тех, кто проводит репрессии, обнародование состояния и официальных доходов служащих, причастных к репрессиям, не давать взятки, выполнять приказы очень медленно, работать точно в соответствии с инструкцией. Инфографика значительно разошлась по социальным сетям, только на сайте www.texty.org.ua ее просмотрело около 10 тыс. человек [12].

В декабре 2013 г. сотрудники общественной организации разработали и запустили акцию экономического бойкота «Партии Регионов». Для этого была опубликована статья с алгоритмом действий по экономическому давлению, предоставлен детальный список товаров и услуг с данными их владельцев и альтернативой. Кроме этого для акции была зарегистрирована страничка в социальной сети Facebook «Бойкот Партии регионов» [13] и даже разработана программа для телефона с операционной системой «андроид». 23 декабря 2013 г. страничку в указанной социальной сети поддержало 28 тыс. человек. С началом гражданской войны на Украине группу переименовали в «Бойкот оккупантам», где выступали против российских товаров и услуг, а список ее участников по состоянию на январь 2016 года составил более 90 тыс. человек [14]. В статье от 27 декабря 2013 г. сотрудники общественной организации подготовили полный список саботируемых брендов, их логотипы, а также обозначили цель бойкота [15].

Мы можем сравнить концепции «столпов поддержки» политического режима по методологии Р. Л. Хелви, американско-сербской «CANVAS» и украинских специалистов «Агентства журналистики данных». Представим материал в виде таблицы.

СТОЛПЫ ВЛАСТИ	Методология по данным Р. Хелви	Методология по данным «CANVAS»	Методология по данным «Агентства журналистики данных»
			Традиция слепой покорности начальнику
	Полиция	Полиция	Силовые структуры: МВД, СБУ, прокуратура
	Военные	Военные	
	Государственные служащие	Государственные служащие	Чиновничий аппарат
			Зависимые/продажные судьи
		Система образования	
	СМИ	СМИ	
	Деловые сообщества	Бизнес сообщества	Олигархи
	Молодежь		
	Рабочие		
	Религиозные организации	Традиционная религия	
	Неправительственные организации		
			Материальные ресурсы (гос. бюджет, коррупционные деньги, кредит России)

На основании данных, приведенных в таблице, мы можем сделать следующие **выводы**:

Во-первых, в основу украинской модели «столпов поддержки» политического режима, представленной «Агентством журналистики данных», положены

разработки исследователей Р. Хелви, Дж. Шарпа, а также американско-сербской НКО «Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий» (CANVAS). Данная схема построена на региональной специфике с акцентом на ненасильственную борьбу.

Во-вторых, в украинской модели не рассматривались такие «столпы», как: «молодежь», «рабочие», «религия», «СМИ», «неправительственные организации» и «военные». Мы можем предположить, что такие опорные точки как «молодежь», «система образования», «СМИ», «неправительственные организации» были уже расшатаны и частично контролировались акторами «Евромайдана» на Украине. Например, эталоном украинского образования является болонская система, которая прививает европейские ценности, а самые деятельные украинские НКО спонсируются из-за границы и координируют действия многих украинских СМИ, блогерских платформ, молодежных НКО и образовательных проектов. Из этого следует, что организаторы «Евромайдана» выделили исключительно те «столпы», на которых держалась власть В. Ф. Януковича и «Партии Регионов».

В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что украинские специалисты не рассматривали военных как «столп» поддержки власти В. Ф. Януковича на Украине. Наиболее правдоподобным объяснением этого момента может быть то, что организаторы «цветной революции» знали, что до вмешательства военных дело не дойдет и сфокусировали свою деструктивную деятельность на дестабилизацию силовых структур.

В-четвертых, отдельным пунктом выделена «традиция слепой покорности начальнику». Этот «столп» также можно назвать как «авторитет власти». В методичке «Агентства журналистики данных» предлагались методы, направленные на снятие первичного страха перед возможными репрессиями представителей государства за протест. В других моделях он не присутствует, но предполагается. Так в Египте протестующих приучали не бояться репрессий государства и выходить на улицы с помощью методики «немного стояния» [16, с. 97], тем самым в стране постепенно была разрушена традиция покорности начальнику и авторитет власти.

В-пятых, в указанном методе не рассмотрены силовые акции, так как это является скрытой стороной государственного переворота. Например, для воздействия на «столп» «СМИ» существуют силовые методы, а именно устранение журналистов и захват изданий. 22 февраля 2014 г. боевиками «Евромайдана» был захвачен телеканал «Интер». Дестабилизация чиновничьего аппарата происходила через захват правительственных зданий, физического воздействия на чиновников и их семьи. Воздействие на олигархов происходило через внешнее давление, международные санкции, рейдерские захваты предприятий и т. п.

Таким образом, на основе рассмотренной модели «столпов власти» на Украине в период правления В. Ф. Януковича, мы можем представить собственную: «авторитет власти», «силовые структуры», «чиновничий аппарат», «продажные/зависимые судьи», «система образования», «СМИ», «олигархи и коммерческие структуры», «молодежь», «религия» и «общественные организации». Изучение воздействия на указанные «столпы» во время «Евромайдана» позволит

использовать полученный опыт для противодействия разрушительным технологиям «цветных революций» в России и постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. Государственная система России программирует «цветную революцию» / В. Э. Багдасарян / Центр Сулакшина. URL: <http://rusrand.ru/docconf/gosudarstvennaja-sistema-rossii-programmiruet-tsvetnuju-revoljutsiju>. – Дата доступа: 28.08.2016.
2. Бойкот Партии регионов / Facebook. URL: <https://www.facebook.com/BoycotteInUkraine/>. – Дата доступа: 10.09.2016.
3. Бойкот Партії Регіонів. Це може зробити кожний! / Тексти.org.ua URL: http://texty.org.ua/pg/news/devrand/read/50595/Bojkot_Partiji_Regioniv_Ce_mozhe_zrobyty_kozh_nuj. – Дата доступа: 19.09.2016.
4. Бойкот фірмам регіоналів: «Жодної копійки в обшак» (ФОТО) / Тексти.org.ua. URL: http://texty.org.ua/pg/news/textynewseditor/read/50743/Bojkot_firmam_regionaliv_Zhodnoji_kopijku_v_obshhak/. – Дата доступа: 19.09.2016.
5. Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман / В. Гоним; пер. с англ. Т. Даниловой. – СПб.: Лениздат, 2012. – 352 с.
6. Ирхин А. А. Интеграционные проекты Запада в отношении постсоветского пространства: основные подходы и историческая эволюция / А. А. Ирхин // Політологічний вісник. зб. наук. праць. – К.: «ІНТАС», 2010. – Вип. 49. – С. 392–399.
7. Ирхин А. А. Реинтеграция постсоветского пространства: модели, условия, прогнозы / А. А. Ирхин // Гілея (науковий вісник): зб. наук. Праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. – 2010. – Вип. 40 (10). – С. 484–491.
8. Малапарте К. Техника государственного переворота / К. Малапарте; пер. с итал. Н. Кулиш. – М.: Аграф, 1998. – 224 с.
9. Річний звіт 2013 / Міжнародний фонд Відродження: International Renaissance Foundation. – 98 с. URL: http://www.irf.ua/content/files/annual_report_2013_ua_r.pdf. – Дата доступа: 12.08.2016.
10. Річний звіт 2014: Агенція Журналістики Даних. – 8 с. URL: http://texty.org.ua/pdf/Zvit_2014.pdf. – Дата доступа: 12.08.2016.
11. Шість стовпів на яких тримається Янукович. Як їх розхитати? (ІНФОГРАФІКА) / Тексти.org.ua. URL: http://texty.org.ua/pg/news/editorial/read/50993/Shist_stovpiv_na_jakuh_trymajetsa_Janukovych_Jak. – Дата доступа: 19.09.2016.
12. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения / Дж. Шарп. – 72 с. – URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. – Дата доступа: 12.07.2016.
13. Dodge T. After the Arab Spring: power shift in the Middle East?: conclusion: the Middle East after the Arab Spring / T. Dodge / LSE Research Online. – 64–68 p. URL: http://eprints.lse.ac.uk/43469/1/After%20the%20Arab%20Spring_conclusion%28lsero%29.pdf. – Дата доступа: 28.08.2016.
14. Helvey R. L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking about the Founfaments / R. L. Helvey. – Boston: USIP, 2002. – 189 p.
15. Popovic S., Djinovic S. Guade to Effective Nonviolent struggle: students book / S. Popovic, S. Djinovic, A. Milojevic, H. Merriman, I. Marovic; CANVAS. – Beograd: CANVAS, 2007. – 289 с.
16. Sharp G. Raqib J. Self-Liberation: A Guide to Strategic Planning for Action to End a Dictatorship or Other Oppression / J. Raqib, G. Sharp. – 57 p. URL: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/09/SelfLiberation.pdf>. – Дата доступа: 28.08.2016.

Nagornyak K. I. Technology of Influence on the "Pillars of Support" of the Political Regime in Ukraine during the EuroMaidan // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 75–85.

This article is devoted to the study of "color revolutions" as a technology of coup d'état. The author shares the process of the revolution into two components: a hidden power and an indicative non-violent one. Particular attention is paid to the analysis of the second component, which is based on the method of "political disobedience." Particular attention is paid to the analysis of the second component, which is based on the method of "political disobedience." The author draws attention to the concept of pillars of support of the political regime of the state, according to the US researcher R. L. Helvey, specialists of the American-Serbian NGO "Center for Applied Nonviolent Action and Strategies" (CANVAS), as well as the Ukrainian organization "Data Journalism Agency". The latter structure was funded by foreign foundations and prepared and then disseminated to Ukrainian Internet users a methodological recommendation on the "nonviolent overthrow" of the political regime of Ukrainian President Viktor Yanukovich and the Party of Regions during the "EuroMaidan" 2013-2014. Models of "pillars of support" are presented in the form of a table. The author noted the violence methods of influencing the "pillars, and also put forward his own model, which could be used during the Ukrainian "color revolution".

Keywords: pillars of support, pillars of support, "Evromaidan", "color revolution", R. L. Helvey, Center for Applied Nonviolent Actions and Strategies, CANVAS, Data Journalism Agency.

References

1. Bagdasaryan V. E. Gosudarstvennaya Sistema Rossii Programmiruet «Tsvetnuyu Revolyutsiyu [Russia's State System is Programing "Color Revolution"]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/gosudarstvennaja-sistema-rossii-programmiruet-tsvetnuju-revoljutsiju>, (Accessed: 28 August 2016).
2. Boikot Partii Regionov [The Boycott of the Party of Regions]. URL: <https://www.facebook.com/BoycotteInUkraine>, (Accessed: 10 September 2016).
3. Boikot Partii Regioniv. Tse Mozhe Zrobiti Kozhnyi! [Boycott of the Party of Regions. This can be Done by Everyone!]. URL: http://texty.org.ua/pg/news/devrand/read/50595/Boikot_Partiji_Regioniv_Ce_mozhe_zrobyty_kozhyj. (Accessed: 19 September 2016).
4. Boikot Firmam Regionaliv: "Zhodnoi Kopyiki v Obshchak" (Foto) [Boycott Firms of Regions: no Money in Criminal Community Common Property]. URL: http://texty.org.ua/pg/news/textynewseditor/read/50743/Boikot_firmam_regionaliv_Zhodnoji_kopijky_v_obshhak. (Accessed: 19 September 2016).
5. Dodge T. After the Arab Spring: Power Shift in the Middle East? Conclusion: the Middle East after the Arab Spring. URL: http://eprints.lse.ac.uk/43469/1/After%20the%20Arab%20Spring_conclusion%28lsero%29.pdf. (Accessed: 28 August 2016).
6. Ghonim W. Revolyutsiya 2.0: Dokumental'nyi Roman [Revolution 2.0: Documentary Novel]. St. Petersburg, Lenizdat, 2012., 352 p.
7. Helvey R. L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking about the Founfaments. Boston, USIP, 2002, 189 p.
8. Irkhin A. A. Integratsionnye Proekty Zapada v Otnoshenii Postsovetskogo Prostranstva: Osnovnye Podkhody i Istoricheskaya Evolyutsiya [Integration Projects of the West in the Post-Soviet Space: Basic Approaches and Historical Evolution] // Politologichnii Visnik.: zb. nauk. prats. Kiyv, INTAS, 2010, Vol. 49, Pp. 392–399.
9. Irkhin A. A. Reintegratsiya Postsovetskogo Prostranstva: Modeli, Usloviya, Prognozy [Reintegration of the Post-Soviet Space: Models, Conditions, Forecasts] // Ileya (naukovii visnik): zb. nauk. Prats, 2010, Vol. 40 (10). – Pp. 484-491.
10. Malaparte K. Tekhnika Gosudarstvennogo Perevorota [Technology of Coup D'état]. – M.: Agraf, 1998. – 224 p.
11. Popovic S., Djinovic S. Guade to Effective Nonviolent Struggle: Students Book CANVAS. Beograd, CANVAS, 2007, 289 p.

12. Richnii Zzvit 2013 [Annual Reports 2013] Mizhnarodnii Fond Vidrozhennya: International Renaissance Foundation. URL: http://www.irf.ua/content/files/annual_report_2013_ua_r.pdf. (Accessed: 12 August 2016).
13. Richnii Zvit 2014: Agentsiya Zhurnalistiki Danikh [Annual Reports 2014: Data Journalism Agency]. URL: http://texty.org.ua/pdf/Zvit_2014.pdf. (Accessed: 12 August 2016).
14. Sharp G. Ot Diktatury k Demokratii: Kontseptual'nye Osnovy Osvobozhdeniya [From Dictatorship to Democracy: a Conceptual Framework for Liberation]. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. (Accessed: 12 July 2016).
15. Sharp G. Raqib J. Self-Liberation: a Guide to Strategic Planning for Action to End a Dictatorship or Other Oppression. URL: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/09/SelfLiberation.pdf>. (Accessed: 28 August 2016).
16. Shist' Stovpiv na Yakikh Trimaet'sya Yanukovich. Yak ikh Rozkhitati? (Infografika) [The Six Pillars on which Yanukovich is Holding. How to Break them? (Infographic)]. URL: http://texty.org.ua/pg/news/editorial/read/50993/Shist_stovpiv_na_jakyh_trymajetsa_Janukovyh_Jak. (Accessed: 19 September 2016).

УДК 327

УЧЕНЫЙ-МЕЖДУНАРОДНИК А. И. УТКИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Пашковский П. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: petr.pash@yandex.ru

Рассмотрены основные вехи биографии выдающегося российского ученого-международника, специалиста в области внешней политики США, политологии и истории международных отношений, геополитики, истории нового и новейшего времени, автора более 70 монографий и нескольких сотен статей в отечественных и зарубежных изданиях, доктора исторических наук, профессора А. И. Уткина. Представлены наиболее значимые сюжеты из жизни исследователя. Обосновано, что его научное наследие характеризуется значительным вкладом в изучение следующих проблем: генезис и эволюция внешней политики США; особенности функционирования американского внешнеполитического механизма; геостратегия США в XVIII–XXI веках; роль политических партий в американском внешнеполитическом процессе; биографии выдающихся политических деятелей США, Великобритании и Франции; геополитика великих держав в XX–XXI веках; дилеммы взаимоотношений России и Запада; история Первой и Второй мировых войн; международные отношения в межвоенный период; истоки и специфика «холодной войны»; происхождение и сущность «атлантизма»; международные отношения в биполярном мире; причины дезинтеграции СССР и трансформации Ялтинско-Потсдамской международной системы; циклы имперского могущества в истории России и Запада; международные отношения в XXI веке; проблемы формирования нового мирового порядка; истоки, значение и последствия современного мирового финансово-экономического кризиса; ресурсный потенциал и факторы развития России в XXI веке.

Ключевые слова: А. И. Уткин, ученый-международник, политология, международные отношения, международные исследования, американистика.

Отечественная наука о международных отношениях богата именами выдающихся исследователей, актуальность изучения жизненного пути и наследия которых определяется возможностью комплексного понимания, выделения основных тенденций и этапов развития данной отрасли знания. К числу подобных ученых, безусловно, относится Анатолий Иванович Уткин (1944–2010) – доктор исторических наук, профессор, признанный специалист в области политологии и истории международных отношений, геополитики, внешней политики США, всемирной истории нового и новейшего времени, автор более 70 монографий и нескольких сотен статей в российских и зарубежных изданиях [1–4]. Его называли «ученым и мыслителем масштаба Шпенглера и Тойнби» [5–9] и одним из последних энциклопедистов современности, чей уровень знаний значительно

превышал сферу изначальной специализации, а многие труды, едва появившись, признавались классикой исторической и политической наук [3; 10; 11]. Практическое отсутствие исследований, посвященных А. Уткину, свидетельствует о научной новизне данной статьи, целью которой является обзорная характеристика его биографии и научного наследия.

Анатолий Иванович Уткин родился 4 февраля 1944 г. в городе Балаково Саратовской области в семье фронтовиков – ветеранов Сталинградской битвы [7]. Это обстоятельство во многом определило его дальнейший исследовательский интерес к событиям Второй мировой войны. Спустя годы, размышляя о сражении под Сталинградом в одной из своих последних книг, он напишет слова, указывающие на особое отношение к этому событию: «Представь, читатель, что наша с тобой судьба оказалась бы в руках этих хладнокровных убийц (немецких национал-социалистов. – П. П.). А ведь от такой участи спасла нас в жаркое лето 1942 г. всего лишь горстка потемневших от горя, злой доли, унижения отступления, многодневной жизни впроголодь, не знавших ни сна, ни отдыха солдат Красной армии. Они отступали, но не сдавались. Они, может быть, уже даже не надеялись. Но они любили свою страну, и им не страшно было умереть. И доколе будет течь тихий Дон, и не забудут нас украинские и другие братья, которые защищали нашу общую, свою страну, финал нашей истории будет отодвинут, мы соберемся с силами. Ведь была же искра надежды даже в то страшное лето?» [12, с. 194].

Послевоенное детство А. Уткина характеризовалось бедностью, необходимостью на многом экономить, ощущением недостатка в еде и одежде [7]. Интерес к будущему призванию проявился у него рано: шестилетним ребёнком он просит бабашку читать ему книги по истории. А в школе, где ему в целом все дисциплины давались легко, любимому предмету, естественно, уделялось приоритетное значение [6].

Фундаментом научной подготовки А. Уткина стало обучение на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в 1963–1968 гг. [10]. В этот период он сталкивается с рядом трудностей в личной жизни, связанных с потерей отца и потребностью заботы о матери, учительствовавшей в школе, и сестре, помогая им средствами своей студенческой стипендии [7].

Окончив с отличием университет, в 1968 г. А. Уткин поступает в аспирантуру Института США и Канады АН СССР [3]. Примерно тогда же происходит еще одно знаковое для его жизни событие – знакомство с будущей супругой, вместе с которой они проживут 43 счастливых года. Позже Валентина Гавриловна Федотова – доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (Российская Академия естественных наук), заведующая сектором социальной философии Института философии РАН (Российская Академия наук) – так вспоминала момент их первой встречи: «Как мы познакомились? Он подошел ко мне в общежитии МГУ, спросил, кто я, откуда. А я была уже аспиранткой философского факультета, он заканчивал истфак. “Ну, историки собирают факты, не имея цельного представления о картине мира, – сказала ему в пику. – Вот если бы мне кто-нибудь из историков рассказал,

что в мире происходило в 1211 году, тогда...». И он тут же начал рассказывать. «А в 1256-м?» И опять – развернутый рассказ. Это меня и сразило на всю жизнь»[6].

Обучаясь в аспирантуре Института США и Канада АН СССР, он работает над написанием кандидатской диссертации по историческим наукам «Американо-французские отношения в 1960-е годы», защита которой состоялась в 1972 г. [10]. Период обучения в аспирантуре – годы молодости, оптимистического взгляда на жизнь, бессонных ночей в неустанных научных поисках – такими были эти времена и для А. Уткина. «Он любил жизнь во всех ее проявлениях, –вспоминает о тех годах один из его коллег, –застолье, красивые женщины, разгоряченный ход долгих ночных бесед, песни под гитару». Любимой его песней тогда была «Есть только миг» на стихи Л. Дербенёва. Именно ее он с видимым удовольствием пел «хорошо, чисто, высоким тенором». «И еще он любил тишину библиотечных залов, которым отдавались годы...» [6].

Его первым серьезным международным успехом стала написанная в соавторстве с академиком Г. Севостьяновым монография «Томас Джефферсон. Биография» (1976), которая была признана в США лучшей биографией этого политического деятеля на иностранном языке [5]. В дальнейшем подобной премии, но уже в Великобритании, была удостоена книга А. Уткина «Черчилль. Биография» (1997). Разнообразные международные награды присуждались многим трудам ученого, среди которых «Дипломатия Вудро Вильсона» (1989) и «Франклин Рузвельт. Биография» (2000) [10].

В 1982 г. А. Уткин защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Атлантизм против европеизма», став одним из ведущих специалистов в мире по внешней политике США и международным отношениям новейшего времени [2]. Период плодотворного труда 1970 – начало 1990-х гг. характеризуется выходом десятков его статей и монографий, многочисленными выступлениями на разнообразных научных конференциях. В числе наиболее значимых работ ученого в эти годы выделяются книги: «Центры соперничества» (1972), «США и Франция в годы войны» (1974), «США и европейские центры силы» (1978), «Доктрина атлантизма и европейская интеграция» (1979), «Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве» (в соавторстве) (1983), «США и Западная Европа: торговля оружием» (1984), «Стратегия глобальной экспансии» (1986), «Дипломатия и оружие» (в соавторстве) (1987), «Тихоокеанская ось» (1988), «Теодор Рузвельт. Политический портрет» (1988), «Американская футурология международных отношений в XX веке» (1990), «США – Япония: вчера, сегодня, завтра» (1990), «Дипломатия Франклина Рузвельта» (1990) [3; 4].

Разрушение СССР А. Уткин переживал тяжело. Много лет спустя, давая оценку событиям конца 1991 г., он не будет скрывать ощущения личной трагедии: «25 декабря 1991 г. Горбачев покинул пост президента СССР и передал средства ядерного контроля Ельцину. На следующий день верховный совет СССР собрался в последний раз и распустил сам себя. Флаг с серпом и молотом был спущен с Кремля, вместо него взвился российский триколор.

Ельцин начал крушить последние инструменты и символы государственного единства. Теперь этот партиец со строительным уклоном даже не размышлял над судьбой остервенело кромсаемого им государства. Вокруг стояли ошалевшие от карьерных возможностей соратники, щебетом о демократии прикрывавшие свою общественно-политическую пустоту. Бурбулисы и шахраи русской истории смотрели на государственную арену только с точки зрения козырных поворотов своей судьбы» [13, с. 212].

Но, оставаясь подлинно преданным делу науки, в 1990-е гг. А. Уткин трудится с еще большим усердием и плодотворностью, кроме того, активно занимаясь преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях РФ, США и стран Европы: в 1991–1993 гг. – читает курс лекций в Босфорском университете (Стамбул, Турция); в 1993–1994 гг. – работает в Эколь Нормаль Супериор (Париж, Франция); в 1998 г. – визитирующий профессор в Колумбийском и Южнокалифорнийском университетах, а также в университете Беркли (США); в 2001–2002 гг. – преподает в Рижском университете (Латвия); в 2002 г. – в университете Обераммергау (Германия); в 2003 г. – в университете Тампере и Энсю (Финляндия). С 1994 г. он являлся профессором ИППК (Институт переподготовки и повышения квалификации) при МГУ имени М. В. Ломоносова. А в последние годы жизни был и профессором кафедры мировой политики ГУ–ВШЭ (Государственный университет – Высшая школа экономики) (Москва) [3; 6].

Где бы ни преподавал А. Уткин, ему всегда удавалось завоевывать особое уважение студентов. «Он был из той когорты профессоров, – отмечают сотрудники ГУ–ВШЭ, – которые не просто читают интересные лекции и “дают знания”, но встретить которых – большая удача для любого студента и аспиранта: он учил сопоставлять, анализировать, думать» [9].

На рубеже веков деятельность ученого получает действительное международное признание, что выражалось, в частности, в избрании его членом Ассоциации политических исследований (США) [10]. Продвижение по карьерной лестнице происходило и на Родине. С 1997 г. он работает директором Центра международных исследований Института США и Канады РАН. Ему присуждаются звания академика Академии гуманитарных наук и Российской Академии естественных наук. Он является экспертом-консультантом Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [5; 8].

С началом XXI века исследования А. Уткина как блестящего американиста становятся еще более востребованными в России. Шеф-редактор «Русского Журнала – Тема недели» Б. Межуев так объясняет это явление: «Дело в том, что в начале первого десятилетия XXI века профессиональная американистика в России привлекала два типа людей: американофилов прагматического толка и ярких профессиональных ненавистников Соединённых Штатов, которые на проверку также оказывались скрытыми американофилами. Философы-прагматики, говорящие о США как страшной стране, готовой ради того, чтобы стать мировым гегемоном, взрывать собственные небоскребы и Пентагон, но призывающие дружить с США как с самой могущественной страной на Земле, преобладали. Ещё в 2003 году, когда

началась Иракская война, складывалось впечатление, что вся российская американистика состоит из таких вот американофилов. В Анатолии Ивановиче я увидел человека высокообразованного, но главное – отличающегося от людей двух вышеописанных категорий.

В тот момент я работал в журнале “Космополис” и мы публиковали поистине пионерские работы Анатолия Ивановича, открывающие “внутреннюю кухню” администрации США. Уткин очень подробно описывал, как и почему принимались и принимаются те или иные решения, каков расклад сил, каковы структуры принятия решения. Например, Анатолий Иванович был одним из первых, кто познакомил отечественного читателя с американскими неоконсерваторами. И это только часть его теоретических заслуг.<...> Он знакомил Россию с США. Он был воплощением патриотического знания об Америке и любви к ней. Не будучи сторонником сближения с Соединенными Штатами, он, несомненно, был человеком, который любил США и признавал заслуги этой страны в интеллектуальной и культурной сферах» [11].

Особую аналитическую ценность и сегодня представляют такие посвященные проблемам внешней политики США и актуальным вопросам мировой политики и международных отношений его книги, как «Американская стратегия для XXI века» (2000), «США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков» (2000), «Мировой порядок XXI века» (2001), «Глобализация: процесс и осмысление» (2001), «Мир после сентября 2001 года» (2002), «США в мире после сентября 2001 года» (2002), «Единственная сверхдержава» (2003), «Американская империя» (2004), «Мировая холодная война» (2005), «Гнев американских богов» (2006), «Новый мировой порядок» (2006), «Правда об Ираке, или Битва в Месопотамии» (2007), «Битва за Багдад» (2009), «Как пережить экономический кризис. Уроки Великой депрессии» (2009) [2; 3; 4].

Помимо глубоких аналитических работ по американистике и международной политике, в этот период он пишет ряд фундаментальных исследований, затрагивающих ключевые проблемы истории, ресурсов и факторов развития России, выявляя не только их социально-экономическое и военно-политическое, но и культурно-психологическое, ментальное измерение [1; 6; 8; 14]. К таковым относятся следующие монографии: «Так пришла война» (1992), «Модернизация: от равенства к свободе» (в соавторстве) (1995), «Россия и Запад: проблемы взаимного восприятия и перспективы строительства отношений» (1995), «Россия и Запад: на следующий день» (1995), «Россия и Запад: общность или отчуждение?» (в соавторстве) (1995), «Вызов Запада и ответ России» (1997), «На перепутье. Новые вехи» (1999), «Черчилль. Победитель двух войн» (1999), «Забытая трагедия России в Первой мировой войне», (2000), «Россия и Запад: история цивилизаций» (2000), «Россия над бездной» (2000), «Первая мировая война» (2001), «Вторая мировая война» (2002), «Сорок второй год» (2002), «Дорога к победе» (2004), «Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен» (2004), «В начале всех несчастий. Русско-японская война 1904–1905» (2005), «Месть за победу – новая война» (2005), «Большая восьмерка: цена вхождения» (2006), «Русские во Второй мировой войне»

(2007), «Подъем и падение Запада» (2008), «Русские войны. Век XX-й» (2008), «Измена генсека. Бегство из Европы» (2009) [3; 4; 5; 10].

Среди многочисленных стран, которые ему довелось посетить, участвуя в научных конференциях и семинарах, только в последние несколько лет значатся США, Германия, Норвегия, Великобритания, Латвия, Греция, Китай, Египет, Вьетнам, Узбекистан и т. д. [6]. Бывал А. Уткин и в Крыму, выступая с докладами на традиционных международных научных конференциях, проходивших в Ливадийском дворце-музее. «Весьма характерно, – вспоминал бывший заместитель директора Ливадийского дворца-музея по научной работе, ныне – проректор по международной деятельности и информационной политике, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, доктор политических наук, профессор С. Юрченко, – что Анатолий Иванович всегда охотно шел на контакт, будучи абсолютно открытым для дискуссии и приятным в общении человеком. Он всегда щедро делился идеями, развернуто отвечая на все поставленные вопросы; беспристрастно комментировал актуальные проблемы современности, подробно разъяснял сущность и механизмы течения конкретных процессов. Общение с ним – дорогого стоило, несомненно обогащая в плане более углубленного и расширенного понимания научных проблем. Кстати, он был приглашен и на проходившую на базе нашего дворца-музея 17–21 февраля 2010 года международную научную конференцию “Ялтинская система” и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности”, посвященную 65-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. Но, увы, к огромному сожалению, ему не довелось участвовать в ней. Внезапная кончина Анатолия Ивановича стала настоящим потрясением для всех нас» [2, с. 56].

Будучи всемирно известным и общепризнанным специалистом, по утверждению коллег, он оставался при этом простым в общении, доброжелательным и открытым человеком. Сотрудники Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН (ИНЭС) вспоминают: «Анатолий Иванович был абсолютно, без каких-либо двойных стандартов, добрым, открытым, просто распахнутым всем окружающим людям, теплым и абсолютно светлым Человеком. Этот талант человечности и привлекал к нему всех, кто соприкасался с ним хотя бы раз» [8].

Не смогли его сломить ни болезнь, ни перенесенная тяжелая операция [9]. А. Уткин продолжал быть таким же легким в общении и отзывчивым и, конечно, не переставал неустанно трудиться, с головой погружаясь в любимое дело, которому посвятил жизнь, которое и стало его жизнью. В последние годы он был как никогда плодотворен: десятки важнейших аналитических статей и монографий, обзоров и заметок, частые интервью, участия в многочисленных конференциях, семинарах и телепрограммах [10]. Он словно чувствовал, что времени остается мало и нужно спешить, дабы успеть хотя бы часть задуманного. «По-иному сын сталинградских ветеранов просто не мог поступить, – отмечает знавший его много лет главный редактор газеты «Слово» В. Линник. – Смерть вырвала Анатолия Ивановича из

жизни на взлете. Он не готовился к уходу – и в больничной палате работал с ноутбуком, готовил новые материалы» [6].

А. Уткин скончался в ночь на 19 января 2010 г. Последними его трудами были статьи «Дальше отступать некуда» [15] о начале контрнаступления советских войск под Москвой 5 декабря 1941 г., а также опубликованные посмертно: «Когда страну не жалко» [16], в которой анализировались «непреодоленные причины и неусвоенные уроки Гражданской войны» в России, и «Энергетические ресурсы и геополитика» [17], где содержится глубокий анализ влияния фактора энергоресурсов на исторический процесс в целом и современный мировой порядок в частности, рассматриваются возможные сценарии развития будущего человечества. Своего рода «лебединой песней» ученого стала монография «СССР в осаде» [18], вышедшая в апреле 2010 г. В этой книге, на базе значительного количества иностранных, в том числе эксклюзивных, источников, подробно описывается беспрецедентная в истории политика военного, экономического и дипломатического давления Запада, направленная против советского и российского государства во второй половине XX века. Впоследствии его научное наследие дополнили подготовленные к изданию незадолго до кончины монографии «Вудро Вильсон» (2010) [19] и «Неизвестный Черчилль: “Я легко довольствуюсь самым лучшим”» (2011) [20].

Продолжительность жизни ученого измеряется не количеством прожитых лет, а масштабом и качеством сделанного в отпущенный срок. А. Уткину удалось прожить множество жизней, уместенных в одну. И он, безусловно, не остановился бы на достигнутом. Показательно, что в своем последнем интервью на вопрос «ваша любимая притча, анекдот или случай из жизни, который вспоминается именно сейчас?» он ответил: «Слова Франклина Делано Рузвельта о том, что ничего не надо бояться, кроме страха» [21].

В настоящее время А. Уткин продолжает оставаться одним из самых авторитетных и цитируемых российских исследователей в мире. Актуальность и теоретическая ценность его трудов с годами только возрастает. Его научное наследие характеризуется значительным вкладом в изучение следующих проблем: генезис и эволюция внешней политики США; особенности функционирования американского внешнеполитического механизма; геостратегия США в XVIII–XXI веках; роль политических партий в американском внешнеполитическом процессе; биографии выдающихся политических деятелей США, Великобритании и Франции; геополитика великих держав в XX–XXI веках; дилеммы взаимоотношений России и Запада; история Первой и Второй мировых войн; международные отношения в межвоенный период; истоки и специфика «холодной войны»; происхождение и сущность «атлантизма»; международные отношения в биполярном мире; причины дезинтеграции СССР и трансформации Ялтинско-Потсдамской международной системы; циклы имперского могущества в истории России и Запада; международные отношения в XXI веке; проблемы формирования нового мирового порядка; истоки, значение и последствия современного мирового финансово-экономического кризиса; ресурсный потенциал и факторы развития России в XXI веке.

Список литературы

1. Пашковский П. И. Ресурсный потенциал и факторы развития России в исследованиях А. И. Уткина / П. И. Пашковский // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – № 2–1 (10). – С. 4–7.
2. Пашковский П. И. Светлой памяти Анатолия Ивановича Уткина / П. И. Пашковский // Интеллектуал. – 2011. – № 12. – С. 54–56.
3. Персональный профиль автора: «Анатолий Иванович Уткин». – URL: <http://socionet.ru/publication.xml?h=перес:rus:хсаjpr:13&type=person> (Дата обращения: 19.08.2017).
4. Anatoly Utkin. URL: https://web.archive.org/web/20051229230341/http://russiahouse.org/wrf/Anatoly_Utkin.htm (Дата обращения: 19.08.2017).
5. «В этот день, когда трясёт державу». Памяти известного историка Анатолия Ивановича Уткина. – URL: <http://litprop.ru/prensa-o-nas/prensa-o-nas-v-etot-den-kogda-tryaset-derzhavu-pamyati-izvestnogo-istorika-anatoliya-ivanovicha-utkina.html> (Дата обращения: 19.08.2017).
6. Линник В. Об Анатолии Ивановиче Уткине / В. Линник // Международная жизнь. – 2010. – № 2. – URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=196#> (Дата обращения: 19.08.2017).
7. Памяти Анатолия Уткина. – URL: <http://www.whd.ru/in-memory-of-anatolii-utkin/> (Дата обращения: 19.08.2017).
8. Памяти Анатолия Ивановича Уткина. – URL: <http://www.inesnet.ru/2010/01/5555/> (Дата обращения: 19.08.2017).
9. Скончался Анатолий Иванович Уткин. – URL: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/14038348.html> (Дата обращения: 19.08.2017).
10. Анатолий Иванович Уткин. – URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/305/> (Дата обращения: 19.08.2017).
11. Межуев Б. Феномен Уткина / Б. Межуев, Н. Куркин. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Fenomen-Utkina> (Дата обращения: 19.08.2017).
12. Уткин А. И. Русские войны: Век XX-й / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 528 с.
13. Уткин А. И. Измена генсека. Бегство из Европы / А. И. Уткин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 256 с.
14. Пашковский П. И. Причины дезинтеграции СССР в исследованиях российского ученого Анатолия Уткина / П. И. Пашковский // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. – 2012. – Вип. 126. Серія: Політологія. – С. 22–26.
15. Уткин А. И. Дальше отступать некуда / А. И. Уткин // Золотой лев. – 2010. – № 227–228. – URL: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=32&article=1807> (Дата обращения: 19.08.2017).
16. Уткин А. И. Когда страну не жалко / А. И. Уткин // Литературная газета. – 2010. – № 2–3 (6258). – URL: <http://old.lgz.ru/article/11506/> (Дата обращения: 19.08.2017).
17. Уткин А. И. Энергетические ресурсы и геополитика / А. И. Уткин // Полис. – 2010. – № 3 (117). – С. 9–25.
18. Уткин А. И. СССР в осаде / А. И. Уткин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 288 с.
19. Уткин А. И. Вудро Вильсон / А. И. Уткин. – М.: Культурная революция, 2010. – 552 с.
20. Уткин А. И. Неизвестный Черчилль. «Я легко довольствуюсь самым лучшим» / А. И. Уткин. – М.: Эксмо, 2011. – 608 с.
21. Уткин А. И. Мир, расколотый на острова / А. И. Уткин, В. Г. Федотова // Экономические стратегии. – 2009. – № 9. – URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_08/utkin.htm (Дата обращения: 19.08.2017).

Pashkovsky P. I. The Researcher of International Relations A. I. Utkin: Strokes to the Portrait // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 86–95.

The main stages of biography of the outstanding Russian scientist, theresearcher of international relations, the recognized specialist in the field of the US foreign policy, political science and history of international relations, geopolitics, modern and contemporary history, the author of more than 70 monographs and several hundred articles in domestic and foreign editions, the doctor of historical sciences, professor A. I. Utkin have

been considered. The most significant stories from the life of the researcher have been presented. It is substantiated that his scientific heritage is characterized by a significant contribution to the study of the following problems: the genesis and evolution of the US foreign policy; the peculiarities of the functioning of the American foreign policy mechanism; the geostrategy of the USA in the XVIII–XXI centuries; the role of political parties in the American foreign policy process; biographies of prominent politicians of the United States, Great Britain and France; the geopolitics of the great powers in the XX–XXI centuries; the dilemmas of the relationship between Russia and the West; the history of the First and Second World Wars; international relations in the interwar period; the origins and specifics of the «cold war»; the genesis and essence of the «Atlanticism»; international relations in the bipolar world; the reasons for the disintegration of the USSR and the transformation of the Yalta-Potsdam international system; the cycles of imperial power in the history of Russia and the West; international relations in the XXI century; the problems of the formation of a new world order; the origins, significance and consequences of the current global financial-economic crisis; the resource potential and factors of development of Russia in the XXI century. The views of experts in the history and theory of international relations have been highlighted. It is proved that currently A.I. Utkin continues to remain one of the most authoritative Russian researchers in the world. Relevance and scientific value of his works will only grow over the years.

Keywords: A.I. Utkin, researcher of international relations, political science, international relations, international studies, American studies.

References

1. Pashkovsky P. I. Resursnyj potencial i faktory razvitiya Rossii v issledovanijah A.I. Utkina [Resource Potential and Factors of Russia's Development in the Studies of A. I. Utkin] // Nacional'najabezopasnost' istrategicheskoeplanirovanie [National Security and Strategic Planning], 2015, № 2–1 (10), p. 4–7.
2. Pashkovsky P. I. Svetloj pamjati Anatolija Ivanovicha Utkina [To the Bright Memory of Anatoly Ivanovich Utkin] // Intellektual, 2011, № 12, p. 54–56.
3. Personal'nyj profil' avtora: «Anatolij Ivanovich Utkin» [Personal Profile of the Author: «Anatoly Ivanovich Utkin»]. URL: <http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:xcajrp:13&type=person> (Accessed: 19 August 2017).
4. Anatoly Utkin. URL: https://web.archive.org/web/20051229230341/http://russiahouse.org/wrf/Anatoly_Utkin.htm (Accessed: 19 August 2017).
5. «V jetot den', kogda trjasjot derzhavu». Pamjati izvestnogo istorika Anatolija Ivanovicha Utkina [«On this Day, when the Power is Shaking». In Memory of the Famous Historian Anatoly Ivanovich Utkin]. URL: <http://litprop.ru/prensa-o-nas/prensa-o-nas-v-etot-den-kogda-tryaset-derzhavu-pamyati-izvestnogo-istorika-anatoliya-ivanovicha-utkina.html> (Accessed: 19 August 2017).
6. Linnik V. Ob Anatolii Ivanoviche Utkine [About Anatoly Ivanovich Utkin] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]. 2010, № 2. URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=196#> (Accessed: 19 August 2017).
7. Pamjati Anatolija Utkina [In Memory of Anatoly Utkin]. URL: <http://www.whd.ru/in-memory-of-anatolii-utkin/> (Accessed: 19 August 2017).
8. Pamjati Anatolija Ivanovicha Utkina [In Memory of Anatoly Ivanovich Utkin]. – URL: <http://www.inesnet.ru/2010/01/5555/> (Accessed: 19 August 2017).
9. Skonchalsja Anatoly Ivanovich Utkin [Anatoly Ivanovich Utkin Passed Away]. URL: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/14038348.html> (Accessed: 19 August 2017).
10. Anatoly Ivanovich Utkin. URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/305/> (Accessed: 19 August 2017).
11. Mezhuev B., Kurkin N. Fenomen Utkina [The Phenomenon of Utkin]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Fenomen-Utkina> (Accessed: 19 August 2017).
12. Utkin A. I. Russkie vojny: Vek XX-j [Russian Wars: Century 20th]. Moscow: Algoritm; Jeksmo, 2008, 528 p.
13. Utkin A. I. Izmena genseka. Begstvo iz Evropy [Betrayal of the Secretary General. Escape from Europe]. Moscow: Jeksmo; Algoritm, 2009, 256 p.

14. Pashkovsky P. I. Prichiny dezintegracii SSSR v issledovanijah rossijskogo uchjonogo Anatolija Utkina [The Reasons for the Disintegration of the USSR in the Studies of the Russian Scientist Anatoly Utkin] // VisnikSevNTU: zb. nauk. pr. [Bulletin of SevNTU: Collection of Scientific Works], 2012, Issue 126, Serija: Politologija, p. 22–26.
15. Utkin A. I. Dal'she otstupat' nekuda [Next Nowhere to Retreat] // Zolotoj lev [The Golden Lion], 2010, № 227–228. URL: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=32&article=1807> (Accessed: 19 August 2017).
16. Utkin A. I. Kogda stranu ne zhalko [When Don't Feel Sorry for the Country] // Literurnaja gazeta [Literary Newspaper], 2010, № 2–3 (6258). URL: <http://old.lgz.ru/article/11506/> (Accessed: 19 August 2017).
17. Utkin A. I. Jenergeticheskie resursy i geopolitika [Energy Resources and Geopolitics] // Polis [Policy], 2010, № 3 (117), p. 9–25.
18. Utkin A. I. SSSR v osade [The USSR under Siege]. Moscow: Jeksmo; Algoritm, 2010, 288 p.
19. Utkin A. I. Vudro Vil'son [Woodrow Wilson]. Moscow: The Cultural Revolution, 2010, 552 p.
20. Utkin A. I. Neizvestnyj Cherrill'. «Ja legkodovol'stvujus' samym luchshim» [Unknown Churchill. «I am Easily Satisfied with the Best»]. Moscow: Jeksmo, 2011, 608 p.
21. Utkin A. I., Fedotova V. G. Mir, raskolotyj na ostrova [A World that is Split into Islands] // Jekonomicheskie strategii [Economic Strategies], 2009, № 9. URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_08/utkin.htm (Accessed: 19 August 2017).

УДК 323.21

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Старостин В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: vitaly199@mail.ru

В статье предпринята попытка сформулировать новые подходы к определению сущности политической, правовой и экономической природы рабочего времени. На основе норм Конституции Российской Федерации, раздела IV Трудового кодекса Российской Федерации и зарубежного опыта исследуются вопросы понятия, содержания и видов рабочего времени. При исследовании политического, правового и экономического содержания рабочего времени акцентируется внимание на его политической стороне. Правовое понятие рабочего времени важно для определения его границы, когда работник обязан трудиться, а работодатель – организовать работу и обеспечить ею работника. Экономическое понятие рабочего времени указывает на количество изготовленной продукции в определенные периоды времени. Политический подход к изучению рабочего времени может рассматриваться исходя из установленного Конституцией Российской Федерации права на труд граждан. Поэтому сложность понимания рабочего времени заключается в его многоаспектности и многогранности, так как политическая сторона рабочего времени тесно соприкасается с его правовым и экономическим содержанием. Целью статьи является рассмотрение подходов к изучению рабочего времени.

Ключевые слова: понятие, содержание и виды рабочего времени, совершенствование раздела трудового кодекса, рабочее время как мера труда, институт трудового права и элемент трудового правоотношения.

Рабочее время – многоаспектный политико-правовой институт, характеризующий трудовые, экономические и социальные-политические отношения. Является одним из важнейших факторов обеспечения права на труд. От политического содержания и способов регулирования рабочего времени зависит уровень производительности, степень охраны труда, экономическая эффективность на каждом предприятии и благосостояние работников.

Политико-правовое исследование проблемы подходов к пониманию содержания рабочего времени и особенностей труда в условиях рыночной экономики имеет ключевое значение для развития трудовых и социально-политических отношений. Оно особенно актуально в настоящее время, когда происходит активное развитие рыночных отношений и переустройство многих отраслей отечественной экономики. В связи с этим перед политической элитой стоят очень значительные по масштабам задачи: создать правовую базу, способную обеспечить всестороннее развитие социально-трудовой сферы и защитить интересы

наемного работника. Многообразие видов трудовой деятельности, возникающие при реализации гражданами своего права на труд и их специфика, указывают на большое значение для дальнейшего развития политико-правового регламентирования отдельных видов рабочего времени. Поэтому сложность понимания рабочего времени заключается в его политическом, правовом и экономическом содержании.

Правовое понятие рабочего времени важно для определения его границы, когда работник обязан трудиться, а работодатель – организовать работу и обеспечить ею работника. Экономическое понятие рабочего времени указывает на количество изготовленной продукции в определенные периоды времени. Политический подход к изучению рабочего времени может рассматриваться исходя из установленного Конституцией Российской Федерации права на труд граждан. Поэтому сложность понимания рабочего времени заключается в его многоаспектности и многогранности. Целью статьи является рассмотрение политического содержания рабочего времени и других подходов к его изучению.

В статье 91 Трудового кодекса Российской Федерации указано: «Рабочее время – время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени» [1, с. 109].

Указанное определение является юридической нормой и выражает правовую сторону рабочего времени. Оно юридически закрепляет понятие рабочего времени. Поэтому урегулированные законом трудовые отношения приобретают правовую форму. Нормы права являются обязательными для выполнения работниками. Установленная государством норма рабочего времени является обобщенной мерой общественно необходимого труда, которую каждый работник должен выполнять, а работодатель, в свою очередь, обязан предоставлять соответствующую для этого возможность.

Также правовая регламентация рабочего времени является одной из гарантий реализации права на труд и охраны труда, поскольку она устанавливает пределы продолжительности работы и определяет порядок чередования рабочего времени и времени отдыха в пределах соответствующего количества рабочих часов. Трудовые правоотношения, как и любые общественные отношения, имеют срок действия. Временной промежуток существует в виде минут, часов, дней, недель и т. д. Трудовая деятельность каждого человека протекает в этих промежутках времени. С момента заключения трудового договора возникают трудовые отношения, которые выступают в форме правовых отношений между работником и работодателем. Трудовые правоотношения существуют до момента их прекращения. После них наступает перерыв в трудовой деятельности. В этом случае время идет, а трудовая деятельность нет. Периоды трудовой деятельности суммируются, отражаются не только в стаже, который влияет на трудовые правоотношения, но и в страховом стаже.

От продолжительности рабочего времени зависит количество свободного времени для отдыха, удовлетворения культурных и других потребностей человека. Неурегулированное и, как правило, увеличенное количество часов рабочего времени приводит к переутомлению, ухудшению здоровья, преждевременному старению и смерти. Поэтому правовая сторона рабочего времени является основным регулятором в трудовых правоотношениях между работником и работодателем.

Экономическая сторона рабочего времени выражает его количественные показатели. Например, Л. Я. Гинцбург указывал, что при отождествлении рабочего времени с мерой труда, которая измеряется в единицах времени и подлежит обязательному выполнению, выявляется экономическая составляющая рабочего времени [2, с. 113]. В связи с этим под «мерой труда» ученые-экономисты чаще всего понимали «количество произведенного продукта», нежели «количество часов рабочего времени». Поэтому данное определение выражает экономическую сторону рабочего времени.

Л. Я. Островский по этому поводу отмечал, что необходимо прежде всего отличать экономическую и правовую категории рабочего времени. Рабочее время воплощено в любой труд независимо от его конкретно исторической формы. Но подобно тому, как политико-экономической категорией является не труд, а отношение между людьми по участию их в общественном труде, также экономической категорией является не рабочее время как живое бытие конкретного труда, а общественное отношение по поводу затрат рабочего времени[3].

Поэтому в экономических науках рабочее время изучается в качестве единиц изготовленной продукции за определенный промежуток времени. К. Маркс указывал, что общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Величина данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления [4, с. 132]. В данном определении рабочее время отождествляется со стоимостью произведенного продукта.

Политическая сторона рабочего времени тесно соприкасается с его правовым и экономическим содержанием. При ее рассмотрении возникает вопрос: если для изготовления одной единицы продукции необходимо потратить десять, четырнадцать, шестнадцать часов или сутки, то работник вообще не должен покидать рабочего места? Ответ очевиден: необходима политическая воля государства для регулирования границ рабочего времени с использованием законодательства.

Также основное место в продолжительности рабочего времени занимают физические возможности организма человека, наличие физиологических, духовных и культурных потребностей. Например, с зарождением рабовладельческого строя и до начала XX века продолжительность рабочего времени не была урегулирована и зависела от воли собственников предприятий. Поэтому вопрос о политическом, а на

основании его – правовом регулировании рабочего времени всегда относился к ключевым требованиям работников.

Необходимость политической составляющей в продолжительности рабочего времени возникла в начале XIX века, когда требование об ограничении законом рабочего времени стало носить острый, политический характер со стороны работников и регулярно перерастало в забастовки, митинги и восстания. Например, в 1832 году во Франции работники выступили с требованием права на труд и восьмичасового рабочего дня [5]. В России рабочее время до конца XIX столетия законом не ограничивалось и составляло четырнадцать–шестнадцать часов в сутки. После Морозовской стачки в 1897 году был принят закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», который ограничивал рабочий день одиннадцатью с половиной часами, а для женщин и детей – десятью часами [6]. Однако следующее десятилетие в России было ознаменовано целым рядом забастовок на предприятиях. Одним из главных требований было введение восьмичасового рабочего дня. И только после Октябрьской революции 1917 года впервые в мире был законодательно введен восьмичасовой рабочий день, что соответствовало также требованиям международного рабочего движения [7].

В связи с этим можно сделать вывод, что вышеуказанное уменьшение рабочего времени было обусловлено не экономической целесообразностью, а политическими требованиями рабочих, которые затем переросли в открытую политическую борьбу между рабочим классом с одной стороны, и властью имущими, а также собственниками предприятий с другой стороны, что привело к свержению монархии и установлению Советской власти в России. При отсутствии указанных событий рабочий день продолжительностью десять–двенадцать часов, возможно, оставался бы до настоящего времени.

Поэтому в основе действующей в настоящее время восьмичасовой продолжительности рабочего времени в течение суток, лежит политическая составляющая рабочего времени. С одной стороны, она основывается на идее защиты трудовых прав, здоровья и времени отдыха, с другой – представляет политический «договор» о продолжительности рабочего времени между трудящимися и работодателями.

Основная тенденция в регулировании социально-политического аспекта рабочего времени – уменьшение нормальной продолжительности рабочего времени без уменьшения оплаты труда, соответствующая принципу безопасности и гигиены рабочего времени. Наряду с действующим международным стандартом сорокачасовой продолжительности рабочей недели, в некоторых странах закреплены или находятся на стадии рассмотрения меньшая продолжительность рабочего времени.

Еще одна составляющая политической стороны рабочего времени – это увеличение количества рабочих мест при неполной продолжительности рабочего времени. Преодоление неравенства в оплате труда, борьба за социальную защиту и возможности карьерного роста особенно актуальна в странах с жестким законодательством, где неполное рабочее время не выполняет свою прямую

функцию реализации права на труд, а рассматривается как один из способов решения проблемы избыточной рабочей силы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что политическая сторона рабочего времени в широком смысле заключается в том, что государство устанавливает круг социально-трудовых стандартов и гарантий их соблюдения. Социально-политические требования к рабочему времени должны выполняться каждым работодателем. Это относится к продолжительности труда и отдыха, денежному вознаграждению за труд, созданию новых рабочих мест. А в узком смысле политическая сторона рабочего времени представляет собой соотношение права человека на труд и продолжительности рабочего времени, а результатом будет не сам произведенный продукт, а достигнутый уровень удовлетворения социальных и экономических потребностей.

Таким образом, учитывая то значение, которое придается проблеме обеспечения прав человека в мире, подход к изучению политического аспекта рабочего времени заключается в том, что на первый план выходит человек с его правами и жизненно важными потребностями. А совершенство социально-политического развития государства определяется способностью обеспечить эти потребности с помощью политико-правового механизма. В современных условиях развития цивилизации, свидетельствующих о взаимосвязи и взаимозависимости государств мира, проблема защиты прав человека не является исключительно внутренне национальной проблемой, она вышла за пределы отдельных государств и получила всемирное значение. В таких условиях развитие национального законодательства не может существовать без учета концепций и государственно-правовых моделей зарубежных государств. Одновременно практическое значение приобрел вопрос о соблюдении международных стандартов и соответствии им национального законодательства.

Анализ разноаспектных подходов к изучению рабочего времени представляет, на наш взгляд, интерес для создания новой системы формирования компетенций в политических науках на принципах междисциплинарности, гибко реагирующей на вызовы постиндустриального общества и отвечающих интересам работников и работодателей.

Список литературы

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – 341 с.
2. Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР / Л. Я. Гинцбург. – М.: Наука, 1966. – 303 с.
3. Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – М., 1904. – 401 с.
4. Маркс К. Капитал и проблемы современного капитализма. URL: <https://work-way.com/blog/2016/05/07/karl-marks-i-ego-kapital>. – Дата доступа: 12.05.2017.
5. Островский Л. Я. Рабочее время по советскому трудовому праву / Л. Я. Островский – Минск.: издательство академии наук БССР, 1963. – 285 с.
6. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права / Л. С. Таль. – М.: Научное Издательство, 1918. – 225 с.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.trudkod.ru/> – Дата доступа: 11.05.2017.

Starostin V. A. Aspects for Studying Working Time // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 96–101.

The article is devoted to formulation new approaches with definition of the political, legal and economic essence of working time. The questions of concept, content and kinds of working time are examined according to Russian Federation Constitutional norms (chapter 4 of the Labor code of the Russian Federation and foreign experience).

When we study the political, legal and economic content of working time we should concentrate on political side of it. The legal concept of working time determine its limits. For instance, when the employee should work and the employer should organize work and provide working of employee. The economic concept of working time show how many products were produced in certain periods of time. The political approach to the study of working time can be based on Constitution of the Russian Federation. Therefore, the complexity of the understanding working time includes a lot of aspects and different points of view. Consequently, the main idea of the article is aspect for studying working time.

Key words: concept, content and types of working time, improving section four of the labour code, working time as a measure of labour institute of labour law and element of labour legal relations.

References

1. Brodel' F. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. [Time of World. Material Civilization Economics and Capitalism in the XV–XVIII Centures]. Moscow, Progress, 1992, 341 p.
2. Gintsburg L. Ya. Regulirovanie rabocheho vremeni v SSSR [Regulation of Working Time in the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, 303 p.
3. Litvinov-Falinskii V. P. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspektsiya v Rossii [Factory Legislation and Factory Inspection in the Russia]. Moscow, 1904, 401 p.
4. Marks K. Kapital i problemy sovremennogo kapitalizma [Kapital and Problems of Modern Kapitalizm] URL: <https://work-way.com/blog/2016/05/07/karl-marks-i-ego-kapital/> (Accessed: 12 May 2017).
5. Ostrovskii L. Ya. Rabochee vremya po sovetskomu trudovomu pravu [Working Time in the Soviet Labor Law]. Minsk, Izdatel'stvo Akademii Nauk BSSR, 1963, 285 p.
6. Tal' L. S. Ocherki promyshlennogo rabocheho prava [Essays of the Industrial Labor Law]. Moscow, Nauchnoe Izdatel'stvo, 1918, 225 p.
7. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Labor Code of the Russian Federation]. URL: <http://www.trudkod.ru/> (Accessed: 11 May 2017).

УДК 008:75.01

ЯЗЫК ПИСЕМ И ЯЗЫК ЖИВОПИСИ: СИНТЕЗ ИСКУССТВ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ ЯКОВА БАСОВА

Володин А. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: stburah@gmail.com

Центральное место в статье уделено проявлению синестетического мышления в эпистолярном наследии крымского художника Я. А. Басова (1914–2004). Синестезия представлена в качестве психического феномена, порождающего тексты с большим, чем у обычных текстов, потенциалом к генерированию новой информации. На примерах интерсемиотического перевода, который осуществляет художник в ходе описания собственных произведений, обосновывается подвижность границ между языками искусств и, как следствие, – между вербальными и визуальными текстами. В эпистолярных текстах синестезия проявляется в виде «синтеза искусств» как имплицитно, в языке описания визуальных образов, так и эксплицитно, – в рассуждениях художника над выразительными возможностями различных искусств. Источниковой базой исследования выступили черновики писем акварелиста, что неизбежно привело к параллельному обсуждению эвристического потенциала данного типа источника в рамках семиотики культуры. Корреспонденция личности представлена как «метаструктурное пространство» по отношению к действительности и «внутреннему миру» художника. Письма и акварели Я. А. Басова составляют единую семиотическую действительность: границы между художественным высказыванием художника и его частным дружеским письмом условны – в какой-то момент одно высказывание становится продолжением другого.

Ключевые слова: Я. Басов, синестезия, языки искусств, интерсемиотический перевод, эпистолярный текст, синтез искусств.

Одним из важных достижений семиотики стал трансфер выражения «язык искусства» из области метафор в область научной терминологии. Идея наличия у каждого вида искусства собственного языка, изначально сформулированная представителями европейского романтизма (прежде всего – В. фон Гумбольдтом) и развитая в рамках авангарда и русской формальной школы первой трети XX века, стала важным положением для европейской и русской семиотики. Была утверждена текстуальная сущность произведений искусства; художественные средства были описаны в качестве знаковых систем, устроенных по типу языка [1].

С этой точки зрения, виды искусства являются сложными изоморфными системами, что обуславливает возможность не только сопоставления языков искусств («ритм» в архитектуре, «музыкальность» живописи и т. д.), но и

органического соединения их в синтетическом художественном образе (напр., см. ранние литературные эксперименты С. Н. Сергеева-Ценского с живописностью литературы; «музыкальную» главу в романе Дж. Джойса «Улисс»). Существует два типа синтеза искусств: первый – «соединение образных средств различных искусств в едином художественном образе, представляющем новую художественную реальность», второй – «особый тип художественного творчества, направленный на создание [нового вида] синтетического искусства, <...>, соединения разнородных элементов, с помощью которых возникает новое художественное явление (цирк, театр, кино и т. п.)» [2, с. 7].

Истоки изучения синтеза искусств восходят к философии искусства романтизма йенского кружка (бр. Шлегели, Новалис, Тик, Шеллинг и другие); проблема обладает обширной историографией. Наиболее важными вехами исследования феномена в отечественной науке стали размышления П. А. Флоренского (изучение «храмового действия» в качестве синтеза искусств) [3], Д. В. Сарабьянова (анализ синтеза в аспекте единства духовного и материального) [4], Б. М. Галеева (определение сущности синтетического искусства в качестве единства противоречий) [5], И. А. Азизяна (целостная характеристика диалога искусств в Серебряном веке) [7] и другие.

Синтез в области искусств возможен благодаря особому механизму мышления – синестезии, которую можно описать в качестве комплексной специфической «формы взаимодействия в целостной системе человеческой чувственности как концентрированную и симультанную актуализацию чувственности в широком спектре ее проявлений» [7, с. 167].

Синестезия не является исключительно психологическим фактом ввиду того, что она «может быть посредником и/или воздействовать в качестве символического понятийного уровня репрезентации» [8]. Современные исследователи Л. П. Прокофьева, С. В. Воронин предлагают терминологически разделить проявление собственно межчувственных ассоциаций и синестезию, «результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения <...>, на второсигнальном же уровне – перенос значения» [9, с. 77]. Синестезия, будучи зафиксирована в какой-либо знаковой системе, предстает системой с потенциалом к генерированию новых сообщений большим, чем у обычных текстов. В художественной культуре синестезия обретает форму символа. Это происходит в связи с тем, что символ как тип знака способен вмещать в себя наибольшее количество информации, что делает его наилучшим медиатором смыслов.

Предметом исследования данной статьи является синестезия и синтетические художественные образы в творчестве известного крымского акварелиста Я. А. Басова (1914–2004) сквозь призму его эпистолярного наследия. Становление художника связано с именем академика Н. С. Самокиша, с преподавателями Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Н. Наумовым, Д. Кардовским, В. Шухаевым).

Исследовательский интерес к личности Я. А. Басова обусловлен не только самобытными акварельными образами, но и систематической рефлексией собственного творческого пути и живописного языка. Часть этой рефлексии

сохранилась в дневниках и эссе (см. «Творчество – это судьба» [10]), часть – в эпистолярном наследии. Письма, вместе с другими текстам творческой личности, составляют единую семиотическую действительность, а, значит, границы между художественным высказыванием личности (в виде поэтического, пластического, музыкального текста) и его частным дружеским письмом условны – в какой-то момент одно высказывание может оказаться продолжением другого.

В качестве иллюстрации можно привести отношение к эпистолярным текстам в рамках художественного течения Серебряного века – символизма, предполагавшего отсутствие грани между искусством и жизнью. Письмо становилось одной из форм проявления творческого духа личности. Исследователь И. А. Берендеева, рассматривая стратегию и практику житнетворчества в эпистолярном наследии А. Блока, указывает на то, что для его писем и поэзии «общим знаменателем, отличительной особенностью, общей “метатемой” является личность самого адресанта, <...> в его взаимосвязи с искусством и жизнью» [11, с. 153]. Характерно, что поэт «хотел некоторые из писем включить в книгу “Стихов о Прекрасной Даме”» [11, с. 153], т. е. письма и поэзия составляли единую художественную реальность.

Взаимосвязь художественных и эпистолярных текстов стала постоянным предметом исследования в рамках литературоведения. Письмо часто воспринимается в качестве творческой лаборатории писателя (и даже больше, например, см. статью Н. Л. Степанова «Письма Пушкина как литературный жанр» [12]. Этот взгляд подсказан использованием для передачи художественных и нехудожественных сообщений (условно) единого кода – вербального. Но может ли являться эпистолярный текст творческой лабораторией для творца, художественный язык которого невербален?

На данный вопрос отчасти отвечают исследования последних лет, посвященные эпистолярному творчеству композиторов. Большая их часть затрагивает проблему отражения творческого пути автора эпистолярного текста и, имплицитно, проникновению музыкального кода в вербальный код эпистолярного текста. Прежде всего обращает на себя внимание ряд статей В. И. Юдиной, разрабатывающей «музыкальные письма» Василия Калинникова в качестве синтеза музыки и эпистолярного жанра [13; 14]; исследования М. Л. Зайцевой, посвященные проявлению синестезийного мышления в эпистолярной литературе композиторов-романтиков [15; 16]; анализ случаев включения в эпистолярный текст музыкального кода [17]; особняком стоит исследование Е. Е. Бразговской интерсемиотического перевода [18]. Тема взаимодействия визуальных и вербальных знаков также является новой для науки, в отечественном пространстве она разрабатывалась почти исключительно в рамках культуры русского модерна и авангарда. Наиболее четко данная проблема поставлена и разработана в книге В. В. Фещенко и О. В. Коваля «Сотворение знака. Очерки о лингвостетике и семиотике искусства» [19, с. 212].

Исследователи используют для обозначения перевода вербальных знаков в невербальные термин «трансмутация» (вслед за Р. Якобсоном и У. Эко), для перевода невербальных знаков в вербальные – «экфрасис» (исходя из длительной литературоведческой традиции). Отдельно авторы книги выделяют случай

автоперевода вербальных знаков в невербальные и обратно (или наоборот) – «автоэкфрасис», а также подчеркивают, что данные интерсемиотические переводы присущи именно авангардному способу мышления и творчества.

Хотелось бы отметить неудовлетворительность понятия «экфрасис» и «автоэкфрасис» в некоторых контекстах. На наш взгляд, следует четко разделять случаи интерсемиотического перевода, основанные на синестетическом восприятии мира, и случаи интерсемиотического перевода, основанные на иных механизмах мышления. Подробнее об этом см. [20].

Я. А. Басов оформился в качестве художника после заката авангардного искусства, но удивительным образом продолжил традиции авангардного мышления: с конца 50-х годов, желая вырваться за рамки привычного художественного языка, он оставляет «масло» (которым писал более 30 лет) и переходит к акварельным краскам. Впоследствии художник начинает активно вести дневник, в котором запечатлевает процесс поиска новой выразительности; постепенно его художественные интенции находят отражение и в эпистолярных текстах. На протяжении всего периода «акварельного творчества» Я. А. Басов практически путем «нащупывает» свой новый язык, разрабатывает собственную семантическую систему живописных образов. Прагматика его текстов (как визуальных, так и вербальных) – одновременно обращена как к внутреннему миру адресата, так и внутреннему миру адресанта.

Благодаря вербальной фиксации хода анализа художественного творчества, эпистолярные тексты Я. А. Басова выступают не просто как сообщения адресанта к адресату, но и как последовательность метаописаний, в ходе которой вырабатывается знаковая система с уникальной вербальной грамматикой, тесно связанная с живописным языком автора. В новой грамматике Я. А. Басова исчезает привычная конвенциональная связь, существующая между означающим и означаемым, вербальный знак «приобретает вторичные черты иконизма, что отражается на возникновении “непереводимости”» его на естественный язык [21, с. 27]. Иконизированному знаку соответствует не точное значение, а «некоторое смысловое пятно с размытыми границами и постепенными переходами в область другого смысла» [21, с. 55].

Иконический язык возникает в эпистолярных текстах художника в ограниченном наборе случаев. Прежде всего – при описании того или иного предмета живописи, или уже созданной акварели. Автор отказывается от подробного описания полотна, рисуя словами быстро, «тонкими мазками»: «Рвано-вечернее, сине-фиолетовое небо. Красно-синие кусты и лес на горизонте. Прочерк снизу вверх силуэтов нервных деревьев»¹ [22]; «Желтый лес. Рыхлая земля, все бурое после зимы. Предвечернее теплое небо. В этом почти нерасчлененном пространстве чуть намеки, силуэты деревьев, ветвей, на земле несколько неопределенных пятен снега и кое-где отблески протаявшей воды» [23]. Именно в данных ситуациях проявляется склонность художника к синтетическому мышлению («интермедиальному» восприятию мира). Лучшие пейзажи художника имеют

¹ Здесь и дальше цитируются письма, находящиеся в семейном архиве А. Я. Басова, сына художника.

синестетическую природу и представляют собой символы. В эпистолярном наследии это проявляется как имплицитно, в языке описания визуальных образов, так и эксплицитно, – в рассуждениях художника над различными языками искусств.

Прежде чем перейти к описанию этих двух уровней проявлений, обратимся к мировоззренческим основаниям синтеза искусств Я. А. Басова. Уместны параллели между художником и йенскими романтиками – первыми теоретиками синтеза искусств. Теории последних были нераздельно взаимосвязаны с утопическим учением о «всекультуре», где синтез всех искусств – высшая форма коммуникации, непосредственное условие достижения абсолютного блага на планете.

Художник не только рассматривает искусство как «вершину человеческого общения» [10, с. 29], как способ «защитить мир» [10, с. 225], но и неоднократно сравнивает себя с романтиками. И для романтиков, и для Я. А. Басова характерна ситуация романтического двоемирия, рождающаяся из несоответствия идеального и реального миров, мечты и жизни. Если романтики предлагали искать выход в фантастических мирах и экзотических странах, то художник ищет опору в окружающей его действительности. Пейзаж призван указать пути обретения очищенной от обыденного восприятия реальности, научить прикасаться к ней не только посредством искусства, но и без какого-либо медиатора.

Для художника искусство как таковое – «единственная возможность познать разнообразие мира через неповторимую индивидуальность чувств другого человека» [10, с. 29]. Пласт «индивидуальности чувств» становится местом перевода любых художественных образов на символический язык пейзажа. Характерно высказывание художника после прочтения книги, посвященной жизни и творчеству скульптора Эмиля Антуана Бурделя «Искусство скульптуры»: «Для меня нет скульптуры, живописи, акварели отдельно самих по себе. Есть одно угнетающее и всепожирающее творчество», «так уж сложилось, что я все бы на свете перевел в акварель, но Бурдель – дьявол – его перевести невозможно» [24]. Художественные произведения, впечатлившие художника, органически переходят на бумагу в виде акварелей: графического выражения «чувственного» мира. Так создается галерея разнообразных символических пейзажей, бесчисленное множество эмоциональных «состояний».

Поэзия выступает для творца одним из постоянных источников живописной образности, а «поэтичность» – неременным требованием к пейзажу. На строки А. Фета, которые приводит корреспондент, Я. А. Басов отвечает: «Удивительно: поэзия его все время вызывает живописные образные ассоциации, и хочется уже, в свою очередь, по ним создавать новые пейзажи». Живописца волнуют непредсказуемые «мысли и чувства» А. Фета, которые «прекрасны и “нерукотворны”, как видения природы и все, что происходит в ней» [25].

Характерно, что художник проводит различие между поэтическим/непоэтическим прежде всего в ключе переводимости/непереводимости художественного образа на вербальный язык. В одном из писем поэтическое мастерство Б. Пастернака сопоставляется с фотографической точностью образов одного из современных художников. Я. А. Басов приводит всего две строки: «Светало. Рассвет, как пылинки золы / Последние звезды сметал с небосвода». Он

подчеркивает «нереальность» художественного образа, в который «мы не только доподлинно верим, мы зачарованы музыкой – смыслом» [26], его невозможно пересказать на естественном языке. В свою очередь, картина современного художника («Мать») лишь натуралистически подтверждает мир и может быть точно описана языком: «Для искусства мать – не женщина, которая родила, а образ, наделенный духовным представлением о матери». Отсутствие духовного осмысления и любовь к красоте – «это все то, без чего искусство не может существовать» [26].

О сопоставимости языков живописи и поэзии художник говорит после посещения его мастерской А. Вознесенским. В ходе диалога поэт сравнил увиденные акварели с поэзией, «в смысле ее исходных и ритмических построений рифм» [27]. Это позволяет Я. А. Басову предположить, каковы «отправные начала» живописи, музыки и поэзии, которые возникают в художнике «как реагирование на внешние причины средствами цвета [у художника] или звука у музыканта. Просто звук или цвет сам по себе еще не чувство, и в этом “реагировании” рождается сразу “форма” цвета или звука. Хотя бы в приблизительной или более конкретной стадии» [27].

Эмоции, непосредственно вызванные «цветовыми желаниями», становятся фактором развития, «движения» художественного языка; позволяют обнаруживать новые формы для выражения духовного мира. Индивидуальный живописный язык художника хорошо иллюстрирует мысли В. Гумбольдта о том, что «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)», «язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [28, с. 70]. В этом непрекращающемся движении Я. А. Басов находит опору для своего нового языка в музыкальном искусстве: как для эпистолярного, так и для живописного.

Одним из важнейших понятий, которое художник заимствует из музыкальной теории, становится «симфония» (с др.-греч. *συμφωνία* – «созвучие», «стройное звучание», «стройность»). Это понятие помогает зафиксировать особое качество пейзажа, когда все его «элементы» находятся в гармонических диалогических отношениях. Использование музыкальных терминов оказывается не случайной метафорой, но самим способом мышления, неотделимым от эпистолярного и художественного языков. Музыкаведческие термины причудливо сплетаются с живописными: «Симфонизировать акварель. В напряжении тонов и цвета, максимально сблизить восприятие отдельных частей пейзажа. Взять все в густых регистрах общей тональности. Ввести больше горячих тонов – дабы сам цвет был пронизан солнечным светом, а не окраской поверхности». Художник часто прибегает к музыкальным терминам в описаниях собственных работ. В другом письме: «Эти пятна снега случайные, маленькие аккорды общей симфонии состояния»; «Напряженно красно-коричневая земля, кустарники с ультрамарином сзади и белая музыка пятен снега» [29].

Отдельно подчеркнем роль слова «пятно» в эпистолярных текстах Я. А. Басова. Для того чтобы совершить интерсемиотический перевод, художник должен мыслить художественным образом. Один из важнейших способов мышления

любого художника является мышление «пятном» (особенно в акварельных работах, где линия вынужденно подчинена пятну). Данная зависимость переходит и в эпистолярный текст: «...солнце едва было видно огненным пятном» [30], «...буйно ударила зелень, в которой тонут белые пятна цветущих вишен» [31], «...например, яблоко: влажной кистью залить всепятно яблока темно-зеленым тоном и тут же “по мокрому” тронуть теплым розовым...» [32].

Для описания пластической и ритмической выразительности визуального образа Я. А. Басов вынужден постоянно прибегать к музыкальной терминологии. Музыкальные термины в эпистолярных текстах значительно меняют свою семантику, становятся частью знаковой системы совершенно иного уровня. Для художника «симфонизация» акварели не только несет смысл общей согласованности визуального образа, но определенной ее ступени, – когда «стихийность, цвет, техника – все ушло внутрь, и со зрителем один на один говорит засимфонизированное состояние, чувство художника» [33]. Обратим внимание и на последнюю фразу цитаты – художник указывает на то, что именно «симфонизируется» посредством живописных средств. Для Я. А. Басова внутренний мир творца является основополагающей творческой категорией. Он является отправной точкой для любого художественного языка и главной составляющей любого художественного произведения.

Знаменательны в контексте синтеза искусств рассуждения о цвете. Они помогают увидеть взаимосвязь музыки и цвета в мировосприятии художника на принципиально ином уровне. Цвет как базовый элемент живописи неотъемлемо соотносен со звуком как базовым элементом музыки: цвет на полотне «не покраска поверхности, но активный ритмический звук нашей души. <...> близнец цвета – тон. Они всё время вместе. Тон или поднимает, или гасит звучание цвета. В одном цвете ряд тональностей создает певучесть цвета, удлиняет его общую мелодичную структуру. Таким образом, цвет сам по себе не бомбардирует отдельными ударами и даже в напряжении сильных звуков, как бы сцепляется между отдельными тоновыми участками, звучит единым хоралом» [34]. В качестве примера художник приводит живопись П. Сезанна, в работах которого – «кованность цвета, оркестрованного в единстве впечатлений» [34].

Некоторые пейзажи (или их элементы) напрямую вызывают ассоциации с тем или иным композитором, произведением, музыкальным жанром. Анализируя одну из собственных работ «Весенняя вода», художник замечает: «Там деревья в разливной воде, затоплены основания, но <...> обреченности нет. Есть свет солнца. Как будто могучая нота Бетховена» [22]. Рассказывая адресату о своем отношении к морю, художник описывает некоторые состояния природы, вновь и вновь прибегая к музыкальным ассоциациям для более точного выражения смысла: «Небо было камертоном для картины <...> Особенно глубокой осенью и зимой, когда густые серые облака распластаны над морем, как широкие крылья чайки. Или когда горячий золотой луч солнца прожигал толщу облаков и с высоты [нырял] в пучину черной воды. Нет ничего прекрасней, ничего величественней этого. Гимн, исполняемый колоссальным оркестром. Музыка, в которой звучало величие духа» [35].

Случаи порождения художественных образов под влиянием музыки, по словам самого художника, относительно редки: «Неоконченная симфония» Шуберта вызывает ассоциации с морем; «некоторые маленькие вещи Равеля и Дебюсси» – пейзажи, выполненные в импрессионистской технике; «Времена года» Чайковского – «прямые, иногда натуралистические представления. Истинное удовольствие получаешь от музыки Рахманинова, когда за ней видишь духовный образ России» [10, с. 22]. В иных случаях музыка влияет на общее настроение произведения.

Я. А. Басов указывает, что ритм в живописи не является простым размещением линий и форм на плоскости, это «и пульсация цвета, контрастов, всё, что изнутри возбуждает в нас остроту восприятия. Недосказать – прервать на ту долю секунды, когда вновь встретишь прерванный импульс, как бы заряд – полет, заряд – полет и т. д. Непрерывное улавливание импульсов отражения. Мгновение не может остановиться, мысль, чувство досказывают. В этой возможности продления – острота восприятия, закрепленная сильней предыдущего созерцания» [36].

Я. А. Басов мыслит художественный образ во многих искусствах. Если музыкальность (с позиций ритма и «созвучия» образа) составляет неотъемлемую часть мышления художника, то к языку других искусств он прибегает в исключительно редких случаях. Характерно, например, его обращение к театральному искусству для описания процесса создания пейзажей: «Непрерывно возникающие образы разыгрывают на листах бумаги новые и новые мизансцены, и мои актеры – земля, небо, вода, цвет, деревья – получают задачи своеобразно роли и финалу всей сцены» [37]. И, продолжая «театральную» тему, художник указывает на необходимость писать пейзаж «не с авансцены, а создавать его вокруг зрителя, как бы поглощать его целиком» [37].

Проведенное исследование позволяет утверждать наличие в эпистолярном наследии крымского художника Я. А. Басова продолжения традиций авангардного мышления, в частности, в виде устойчивого влияния визуального языка художника на язык вербальный (а если точнее – их взаимообусловленность). Наиболее ярко она проявляется в случаях проявления синестезии и синтетической художественной образности. Эти случаи проявляются на различных уровнях: на имплицитном – в ходе интерсемиотического перевода с визуального на вербальный язык («автоэкфрасис»); на эксплицитном – в ходе обсуждения выразительных возможностей языков искусств. Письма художника не являются творческой лабораторией, но выступают в качестве метаструктурного пространства по отношению к внутреннему миру художника, т.е. представляют собой систему языков и текстов, созданных в ходе описания и обсуждения акварелей, процесса их конституирования. В целом эпистолярные тексты выступают средством вербализации специфического художественного мировидения Я. Басова, семантика вербальных единиц значительно отличается от общепринятой.

Эпистолярное наследие Я. А. Басова регистрирует специфический способ мышления художника, который позволяет ему рассматривать найденный художественный образ в пространстве практически всех искусств. Такой анализ позволяет Я. А. Басову изучить потенциал воздействия на человека какого-либо языка искусств и, в свою очередь, обновить собственный живописный язык.

Список литературы

1. Фещенко В. В. Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер / В. В. Фещенко // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. – Т. 7. – № 7. – С. 49–69.
2. Берестовская Д. С. Синтез искусств в художественной культуре / Д. С. Берестовская. – Симферополь: «АРИАЛ», 2010. – 230 с.
3. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. / П. А. Флоренский. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 877 с.
4. Сарабьянов Д. В. Модерн. История стиля / Д. В. Сарабьянов. – М.: Галарт, 2001. – 343 с.
5. Галеев Б. М. Светомузыка: становление и сущность нового искусства / Б. М. Галеев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1976. – 272 с.
6. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века / И. А. Азизян. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 398 с.
7. Берестовская Д. С. Синтез искусств и образный язык художественного творчества / Д. С. Берестовская // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52. – Т. 2. – С. 167–171.
8. Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме / Л. П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, журналистика. – 2010. – № 1. – Т. 10. – С. 3–10.
9. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Л.: Издательство ЛГУ, 1982. – 243 с.
10. Басов Я. А. Творчество – это судьба / Я. А. Басов. – К.: КМЦ Поэзия, 1998. – 241 с.
11. Берендеева И. А. Письма А. Блока: на границе жизни и творчества / И. А. Берендеева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2009. – № 1. – С. 150–156.
12. Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр / Н. Л. Степанов // Теория литературы. – 1965. – Т. 3. – С. 450–456.
13. Юдина В. И. Музыкальные письма Василия Калинникова: художественные страницы автобиографии композитора / В. И. Юдина // Музыковедение. – 2010. – № 11. – С. 10–15.
14. Юдина В. И. Художественное своеобразие музыкальных писем В. С. Калинникова / В. И. Юдина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340. – С. 87–93.
15. Зайцева М. Л. Феномен синестезии в европейском музыкальном искусстве эпохи романтизма / М. Л. Зайцева // Траектория науки. – 2016. – № 11 (16). – Т. 2.
16. Зайцева М. Л. Особенности синестезии в художественном сознании композиторов-романтиков / М. Л. Зайцева // Культура и искусство. – 2017. – № 2. – С. 61–69.
17. Казунина А. С. Эпистолярный эпизод «Бурного лета» (о письмах А. К. Лядова в Великом Новгороде) / А. С. Казунина // Музыковедение. – 2016. – № 11. – С. 3–10.
18. Бразговская Е. Е. Вербализация музыки как межсемиотический перевод / Е. Е. Бразговская // Критика и семиотика. – 2014. – № 1. – С. 30–47.
19. Фещенко В. В. Сотворение знака: Очерки о лингвостетике и семиотике искусства / В. В. Фещенко, О. В. Коваль. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
20. Берестовская Д. С. Экфрасис и (или?) синтез искусств / Д. С. Берестовская // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – 7 (7). – С. 30–39.
21. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб: Азбука, 2014. – 416 с.
22. Басов Я. А. Ваше письмо прекрасное, горячее, сильное [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1987.
23. Басов Я. А. «Обличительная» литература широким потоком за эти 3 года... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], [б.г.].
24. Басов Я. А. Мне трудно подобрать слова... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1980.
25. Басов Я. А. Какие прекрасные слова Фета Вы привели... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1987.
26. Басов Я. А. Дождялся и я. Вы заговорили о весне... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1988.
27. Басов Я. А. Мне часто говорили писатели и поэты, что живопись... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1976.

28. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
29. Басов Я. А. Ваш звонок из Москвы привёл меня в полное смятение [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], [б.г.].
30. Басов Я. А. Строки письма Ольги Александровны о свечении розово-сиреневого... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], [б.г.].
31. Басов Я. А. Всё ждал ответа на «морское письмо» и, не дождавшись... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1979.
32. Басов Я. А. Получил. Рад, что у Вас не утихает интерес к акварели [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], [б.г.].
33. Басов Я. А. Вы хоть и не крымчанин, но получилось так, что... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1980.
34. Басов Я. А. Что делать – грусть. Всё время не работаю. [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1980.
35. Басов Я. А. Мне говорили актёры, что они предпочитают играть... [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1977.
36. Басов Я. А. Очень встревожены болезнью дорогой Идочки [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], [б.г.].
37. Басов Я. А. Сегодня мы смотрели новые работы и было ощутимо Ваше присутствие [Рукопись] / Я. А. Басов. – Алупка: [б.и.], 1976.

Volodin A. N. Language of Letters and Language of Painting: Synthesis of Arts in Epistolary Texts of Yakov Basov // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 102–113.

The main discussion topic of the present article is given to manifestation of synesthesia in epistolary heritage of the Crimean artist Yakov Basov (1914–2004). Synesthesia is regarded as the perceptual phenomenon in which stimulation of one sensory or cognitive pathway leads to automatic, involuntary experiences in a second sensory or cognitive pathway. This experience could be constituted in the form of texts with a great potential to generate new information. On examples of the intersemiotic transfer which is made by the artist during the description of his own works, the mobility of borders between languages of arts and, as a result, between verbal and visual texts is proved. In epistolary texts the synesthesia is revealed in the form of «synthesis of arts» on two levels. First level is implicit level. It is associated with language of the description of visual images. Second level is explicit level. It appears in the artist's thought over expressive opportunities of various arts. Rough copies of Basov's letters acted as source of a research that inevitably led to parallel discussion of heuristic potential of this type of a source within semiotics of culture. Correspondence of the personality is submitted as «metastructural space» in relation to real world and «to inner world» of the artist. Basov's letters and watercolors make unified semiotics reality. The borders between the art statement of the artist and his private friendly letters are conditional – at some point one statement becomes continuation of another.

Keywords: Yakov Basov, synesthesia, intersemiotic translation, epistolary text, synthesis of arts.

References

1. Feshchenko V. V. *Iskusstvo kak yazyk, yazyk kak iskusstvo: terminologicheskii i kontseptual'nyi transfer* [Language as Art, Art as Language: Terminological and Conceptual Transfers]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. T. 7. № 7. S. 49–69.
2. Berestovskaya D. S. *Sintez iskusstv v khudozhestvennoi kul'ture* [Synthesis of Arts in Artistic Culture]. Simferopol': «ARIAL», 2010. 230 s.
3. Florenskii P. A. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 books]. T. 2. M.: Mysl', 1996. 877 s.
4. Sarab'yanov D. V. *Modern. Istoriya stilya*. [Modern. The History of style]. M.: Galart, 2001. 343 s.
5. Galeev B. M. *Svetomuzyka: stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva*. [Color Music: Formation and Essence of the New Art]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 272 s.

6. Azizyan I. A. Dialog iskusstv Serebryanogo veka [Dialogue of the Arts of the Silver Age]. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 398 s.
7. Berestovskaya D. S. Sintez iskusstv i obraznyi yazyk khudozhestvennogo tvorchestva [Synthesis of Arts and Imaginative Language of Artistic Creativity]. Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2004. № 52. T. 2. S. 167–171.
8. Prokofeva L. P. Sinesteziya v sovremennoi nauchnoi paradigme [Synesthesia in the Modern Scientific Paradigm]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya, zhurnalistika. 2010. № 1. T. 10. S. 3–10.
9. Voronin S. V. Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of Phonosemantics]. L.: Izdatel'stvo LGU, 1982. 243 s.
10. Basov Ya. A. Tvorchestvo – eto sud'ba [Creativity is destiny]. K.: KMTs Poeziya, 1998. 241 s.
11. Berendeeva I. A. Pis'ma A. Bloka: na granitse zhizni i tvorchestva [Blok's letters: on the border of life and creativity]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2009. № 1. S. 150–156.
12. Stepanov N. L. Pis'ma Pushkina kak literaturnyi zhanr [Pushkin's Letters as a Literary]. Teoriya literatury. 1965. T. 3. S. 450–456.
13. Yudina V. I. Muzykal'nye pis'ma Vasiliya Kalinnikova: khudozhestvennye strantsy avtobiografii kompozitora [Musical Letters of Vasily Kalinnikov: Art Pages of the Composer's Autobiography]. Muzykovedenie. 2010. № 11. S. 10–15.
14. Yudina V. I. Khudozhestvennoe svoebrazie muzykal'nykh pisem V. S. Kalinnikova [Artistic Originality of the Musical Letters V. S. Kalinnikova]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 340. S. 87–93.
15. Zaitseva M. L. Fenomen sinestezii v evropeiskom muzykal'nom iskusstve epokhi romantizma [The Phenomenon of Synaesthesia in the European Musical Art of the Romantic era]. Traektoriya nauki. 2016. № 11 (16). T. 2.
16. Zaitseva M. L. Osobennosti sinestezii v khudozhestvennom soznanii kompozitorov-romantikov [Features of Synaesthesia in the Artistic Consciousness of Romantic Composers]. Kul'tura i iskusstvo. 2017. № 2. S. 61–69.
17. Kazunina A. S. Epistolyarnyi epizod «Burnogo leta» (o pis'makh A. K. Lyadova v Velikom Novgorode) [Epistolary Episode of "Raging Summer" (About the Letters of A. K. Lyadov from Veliky Novgorod)]. Muzykovedenie. 2016. № 11. S. 3–10.
18. Brazgovskaya E. E. Verbalizatsiya muzyki kak mezhsemioticheskii perevod [Verbalization of Music as an Intersemiotic Translation]. Kritika i semiotika. 2014. № 1. S. 30–47.
19. Feshchenko V. V. Sotvorenie znaka: Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva [The Creation of the Sign: Essays on the Lingoaesthetics and Semiotics of Art]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 640 s.
20. Berestovskaya D. S. Ekfrasis i (ili?) sintez iskusstv [Ecphrasis and (or?) Synthesis of the Arts]. Unikal'nye issledovaniya XXI veka. 2015.7 (7). S. 30–39.
21. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. SPb: Azbuka, 2014. 416 s.
22. Basov Ya. A. Vashe pis'mo prekrasnoe, goryachee, sil'noe [Your Letter is Beautiful, Hot, Strong] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1987.
23. Basov Ya. A. «Oblichitel'naya» literatura shirokim potokom za eti 3 goda... [The "Incriminating" Literature in a Broad Stream for these 3 Years ...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], [b.g.].
24. Basov Ya. A. Mne trudno podobrat' slova... [I Find it Difficult to Find the Words...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1980.
25. Basov Ya. A. Kakie prekrasnye slova Feta Vy priveli... [What Fet's Beautiful Words did you Bring] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1987.
26. Basov Ya. A. Dozhdalsya i ya. Vy zagovorili o vesne... [My Waiting is Over too. You Started Talking About Spring ...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1988.
27. Basov Ya. A. Mne chasto govorili pisateli i poety, chto zhivopis'... [I Was Often Told by Writers and Poets that Painting...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1976.
28. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. pod obshch. red. G. V. Ramishvili. M.: OAO IG «Progress», 2000. 400 s.
29. Basov Ya. A. Vash zvonok iz Moskvy privel menya v polnoe smyatenie [Your Phonecall from Moscow Brought me to a Complete Confusion...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], [b.g.].

30. Basov Ya. A. Stroki pis'ma Ol'gi Aleksandrovny o svechenii rozovo-sirenevogo... [The lines from Olga Alexandrovna's Letter About the Glow of a Pink-Lilac ...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], [b.g.].
31. Basov Ya. A. Vse zhdal otveta na «morskoe pis'mo» i, ne dozhdavshis'... [I Was Waiting for an Answer to the "Sea Letter" and my Waiting Was in Vain...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1979.
32. Basov Ya. A. Poluchil. Rad, chto u Vas ne utikhaet interes k akvareli [Got it. I'm Glad that You do not Cease Interest in Watercolors] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], [b.g.].
33. Basov Ya. A. Vy khot' i ne krymchanin, no poluchilos' tak, chto... [Though You not a Crimean, but it Turned Out that ...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.]. 1980.
34. Basov Ya. A. Chto delat' – grust'. Vse vremya ne rabotayu [What to do? Sadness. I do not work for now] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1980.
35. Basov Ya. A. Mne govorili aktery, chto oni predpochitayut igrat'... [I Was Told by the Actors that They Prefer to Play ...] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1977.
36. Basov Ya. A. Ochen' vstrevozheny boleznyu dorogoi Idochki [Very Worried about the Illness of Dear Idochka] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], [b.g.].
37. Basov Ya. A. Segodnya my smotreli novye raboty i bylo oshchutimo Vashe prisutstvie [Today We Were Looking New Watercolors and There Was a Noticeable Your Presence] [Rukopis']. Alupka: [b.i.], 1976.

УДК 130.2:316.74

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Кузьмин Н. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: kuzsim@rambler.ru

Коллективная память, являясь феноменом культуры, имеет свою специфику в разные культурные эпохи. Если применить к развитию человечества различие «традиционное общество – модерн – постмодерн», то можно говорить о коллективной памяти традиционного общества как особом феномене. Актуальность исследования коллективной памяти обществ, построенных на приоритете традиции, определяется двумя тенденциями, характерными для современного мира: тенденция архаизации и тенденция роста влияния религии.

В традиционных обществах, к которым относятся социумы от архаических племен до развитых государств преמודерна, коллективная память формировалась в условиях высокой ценности прошлого по сравнению с настоящим, смешения профанного и сакрального, приоритета ценностей над фактами, неразвитости рациональной критики, высоким уровнем воображения. Традиционное сознание стремилось защитить свои ценности и коллективная память подчинялась этой цели. Исторические конструкты выступали как обоснование необходимых нововведений при помощи исторических аналогий и сконструированных прецедентов. Нарративы о прошлом обосновывали социальную структуру, нормативный и институциональный порядок. Династии обосновывали историей право на власть и иерархию по отношению к подданным и другим династиям, локальные и профессиональные сообщества защищали свои особые права путем апелляции к историческим прецедентам и преданиям. Особенности коллективной памяти традиционного общества являлись: общественное сознание было «погружено» в память; слабые коммуникации между конфликтными нарративами не стимулировали выработки какого-то общеприемлемого варианта, каждое смысловое пространство жило со своими смыслами; конфликтность коллективной памяти в коммуникациях с иными сообществами была низкой; исторический опыт преобразался и дополнялся воображаемым, которое становилось основой инсценирования прошлого; легитимность исторической интерпретации обеспечивалась верой, а закрепленная интерпретация прошлого становилось основой легитимации веры, в результате чего создавалась цикличность воспроизводства коллективной памяти

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, традиционное общество, миф, исторический нарратив.

Феномен коллективной памяти можно считать своеобразной культурной универсалией. Она в том или ином виде присутствует в культурных и социальных практиках человеческих сообществ всех исторических эпох. Коллективная память это и мифологические сказания, объясняющие через события легендарного прошлого наличные практики общества и мироздание в целом, проявляется она и через конкуренцию интерпретаций в исторических хрониках, обоснование

исторических приоритетов и естественных прав, исторические метанарративы идеологий и конструктов национального государства, симулякрное разнообразие современных клиопродуктов.

В то же время инвариантность коллективной памяти как универсального феномена культуры не отрицает наличие ее исторической специфики в различные социокультурные эпохи. Ведь исторические типы человеческих сообществ отличаются друг от друга способами конструирования картины мира, обоснования легитимности властных отношений, неоднородности социальной структуры и т. п. По мнению Р. Коллингвуда, прошлое становится объектом мысли при помощи исторического воображения [1, с. 231]. В то же время способы воображения, его роль в формировании исторических нарративов исторически изменчивы. Поэтому вполне обосновано можно утверждать о наличии исторических типов коллективной памяти и привязывать эту типологию к выявленным наукой историко-культурным этапам развития человечества.

Основываясь на достаточно распространенной типологии, фундированной именно спецификой социальности, ценностного сознания и понимания мира, можно утверждать о наличии отдельных типов коллективной памяти в эпохи традиционного общества, модерна и постмодерна (второй модерн, поздний модерн, зрелый модерн и т. д.). Каждый из этих типов коллективной памяти требует отдельного описания. Цель данной статьи – обосновать специфику коллективной памяти традиционного общества и определить ее характерные особенности.

Актуальность исследования особенностей конструирования и функционирования коллективной памяти в обществах, относимых к эпохе доминирования традиции в культуре и социальности, определяется тем, что в современной культуре отчетливо можно увидеть тенденции к архаизации, в которых, по мнению А. Ахиезера, общество в результате усложнения проблем вместо поиска ответов на вызовы времени резко, инверсионно возвращается к прежним ценностям, культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях [2, с. 91]. Формы коллективной памяти, существовавшие в прошлом, как и другие более простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями [3, с. 18] и поэтому неудивительно, что они могут проявляться на более поздних этапах развития культуры и являются предметом, достойным изучения.

Рост уровня религиозности и значения религии и ее институтов в жизни общества также создает условия для усиления влияния традиционных типов мировоззрения и мироощущения на современные нарративы коллективной памяти. Актуальность специального исследования особенностей коллективной памяти в традиционных обществах определяется и тем, что в домодерную эпоху были выработаны основные механизмы формирования и использования исторической коллективной памяти, которые затем использовались в современных обществах и продолжают применяться в современную эпоху прощания с модерном.

Проблемам коллективной памяти, исторической памяти, политике и культуре памяти посвящено множество исследований и актуальность этой проблемы в науке

не снижается. Но, как правило, такие исследования направлены на анализ использования памяти в актуальной политической борьбе [см., например 4, с. 46–53], в качестве технологий реализации культурной политики, патриотического воспитания [5, с. 125–132], создания мемориальных пространств и памятных мест [6, с. 132–136], конституирования актуальных социумов и групп [7, с. 152–156]. Сравнительно-исторический контекст конструирования и функционирования памяти как института культуры исследован гораздо меньше.

Коллективная память – это феномен, благодаря которому группа сохраняет себя в потоке времени, в истории. М. Хальбвакс показывает, что благодаря коллективной памяти «группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самоидентичность во временном измерении». А разрыв в памяти, утрата интереса группы к части своего прошлого означает, что мы имеем дело с двумя группами, сменяющими друг друга [8, с. 25]. В коллективной памяти история неразрывна и определяет положение группы системе отношений с другими. Осознавая себя как часть потока поколений, ныне живущие представители группы оказываются способными транслировать групповые интересы и ценности, отстаивать их во взаимоотношениях с иными социальными общностями, то есть выступать в качестве субъекта. Очевидно, что способы построения коллективной памяти будут исторически и культурно изменчивы и в обществах, которые принято относить к традиционным, коллективная память будет строиться иначе, чем в современных.

К традиционным можно относить общества, в культуре которых традиция играет роль главного механизма воспроизводства институционального и нормативного порядка, поддержка которого обосновывается фактом существования этого порядка в прошлом [9, с. 140]. К специфике картины мира культур, относимых к эпохе традиционного общества (от архаических человеческих сообществ до социумов развитых государств средневековья), и существенной для формирования коллективной памяти таких сообществ, можно отнести совмещение в рамках одного дискурса профанного и сакрального, более высокий статус свершившегося в прошлом в сравнении с настоящим, отсутствие процедуры рациональной фальсификации знания, приоритет назидательности над фактической точностью, значительная доля исторического воображения. Специфику традиционного исторического сознания можно увидеть в классификации исторических нарративов немецкого историка Йорна Рюзена, который выделил четыре типа, последовательно сменяющих друг друга [10, с. 17–18]. К коллективной памяти традиционного общества можно отнести первые два: традиционный (признание значимости прошлых образцов деятельности) и назидательный (обоснование правил за счет обобщения событий прошлого), а последующие (критический и генетический виды), в которых критически осмысливается прошлое и возникает понимание исторического процесса как изменения

Важнейшее место в картине мира обществ традиционной эпохи занимают представления о процессе создания мироздания, появлении первых представителей человечества, образцов и правил социальных взаимодействий, технологий, государств и нормативного порядка. Сложившееся на конкретный исторический

момент состояние государства, общества обосновывалось наличием тех или иных исторических событий, вне зависимости от реального или вымышленного их характера. Причем исторический вымысел применялся не в виде исключения, в отсутствие других аргументов, вымысел органично вплетался в историческое обоснование, а его применение зависело только от воли автора текста.

Претензии в конкурентной борьбе во все времена опирались на исторические аргументы. Однако в нарративе традиционного общества их произвольное конструирование не имело практически никаких сдерживающих рамок и не подразумевало неискренности автора. Если в летописи, созданной в Киеве, легендарный основатель города Кий – это князь, участник международных отношений с самим византийским императором, то в тексте, написанном в Новгороде, Кий становится уже простым перевозчиком через Днепр. Иван Грозный вполне мог верить в свое происхождение от римских императоров и этой вере следовали его подданные. Такого рода примеры можно множить и множить. Подобное конструирование коллективной памяти являлось правилом, одним из основных методов политической аргументации в традиционных обществах.

Основывающимся на традиции культурам была свойственна высокая ценность моделей, извлеченных из прошлого. Отсюда обоснование необходимых нововведений при помощи исторических аналогий и сконструированных прецедентов. Интересным примером является аргументирование введения европейского мундира для японских чиновников в 1871 г. В указе императора Мэйдзи это делалось следующим образом: «Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен... Нынешние одежания и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаю это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью... Выгляда слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному» [11]. То есть новация (переход к европейскому мундиру) легитимна, если это возврат к одежде предков.

Свободу обращения с историческими фактами, их подчинение дидактическим задачам текста можно проиллюстрировать примером «Песни о Роланде», где официальная история переплетается с эпосом, в результате чего возникает новая мифологема. Историческим фактом является гибель от рук горцев-басков бретонского маркграфа Роланда в 778 г. в Ронсевальском ущелье при отступлении армии франков через Пиренеи после неудачной кампании в Испании. В результате его переконструирования в соответствии с интересами коллективной памяти того времени возникло совершенно иное событие: героическая гибель в войне за веру от рук мусульман. Современный итальянский историк Ф. Кардини характеризует эту трансформацию следующим образом: «Военное поражение возвышалось до самоотверженного мученичества, религия нападавших менялась с христианской

(какой она в действительности была) на мусульманскую... Все это превратило позорное поражение в успех политической пропаганды. Последующие три века соперничества христиан и мусульман... только способствовали возвышению разрома в Ронсевальском ущелье до образца столетнего, а символической перспективе и вечного, поединка между христианством и исламом. Роланд превратился в святого покровителя этого поединка, почти канонизированного мученика» [12, с. 67]. Причем Роланд не сразу стал эпическим героем. Это произошло лишь в период активизации Реконквисты и крестовых походов. Сейчас уже невозможно установить, что стало причиной такой трансформации: стихийное конструирование коллективной памяти в эпосе или сознательная политика памяти. Дело не в этом, а в особом соотношении ценностей дидактики и факта в коллективной памяти традиционного общества.

Причем такие переконструирования нельзя оценивать как негативные. Они играли значительную роль в конституировании традиционных обществ и реализуемой в них политики. Трудно переоценить значение троянского эпоса для формирования античной Эллады и общезеллинской идентичности. Объективный анализ описываемых в нем событий показывает, что все было, мягко говоря, несколько не так, и вряд ли можно утверждать о значительной победе греков. Впрочем, это заметили еще в поздней античности, когда в условиях распада прежней культуры были подвергнуты определенной деконструкции мифологемы, лежащие в основе эллинского единства [13, с. 112–115, с. 147–153]. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением С. В. Алексева о том, что коллективная память «акцентирована на отборе преимущественно позитивного опыта, прославлении “своих” подвигов и свершений, что естественно отражается и в историческом предании, и особенно в героическом эпосе». В этом смысле коллективная память «естественным образом мифологична, создает высокий Миф об истории» [14]. Культура традиционного общества естественным образом ориентирована на высокую ценность мифа и эпоса.

Еще одним примером конструирования коллективной памяти на основе откровенного мифотворчества является сконструированный в позднесредневековой Польше миф сарматизма, в котором польская шляхта объявлялась потомками античных сарматов. Возникновение такой своеобразной коллективной памяти сословия можно объяснить попытками показать особую историческую преемственность по сравнению с германским рыцарством, возводившим себя к героям-германцам, сокрушившим римскую империю и ставшими ее восприимчивыми. К тому же на фоне ренессансного воспеания античного наследия стать преемниками народа, описанного в греческих и римских хрониках, было довольно-таки престижно. Еще одна прагматика сарматизма – в претензиях на гегемонию в Восточной Европе. Образчиком такого конструирования коллективной памяти является речь, произнесенная гетманом Ходкевичем перед Хотинской битвой с турками в 1621 г.: «Вы природные сарматы, воспитанники могучего Марса, а предки ваши некогда на западе в Эльбе, а на востоке в Днепре забили железные сваи, как памятники вечной славы» [15, с. 41]. Этот миф имел и сословное значение – обосновать естественное право шляхты на господство над

крестьянством, поэтому его стала распространять на себя и украинская шляхта, обосновывая, в том числе, и свое равенство по отношению к польской. В Белоцерковском универсале (1648 г.) Богдана Хмельницкого уже говорится о том, что сарматы, жившие на территории Украины, раскололись и часть их переселилась на польские земли [16, с. 136].

Миф сарматизма показывает, как исторические построения и домыслы могли обосновывать социальную структуру. Традиционным обществам свойственна значительная социальная дистанция между слоями, группами, классами, высокая ценность иерархии, сегментация даже одностатусных групп. Вследствие этого коллективная память была разнонаправленной. Представителям правящих династий требовались обоснования своих исключительных прав на власть и они влияли на содержание исторических хроник в нужном для них ключе. Локальные и профессиональные сообщества защищали свои особые права путем апелляции к историческим прецедентам и преданиям, а рост повинностей возбуждал воспоминания о «старом добром порядке» и действия по его возвращению. Традиция поддерживалась и конструировалась для создания благоприятных исторических прецедентов. Такое конструирование присуще именно традиционалистской коллективной памяти. Трудно себе представить, чтобы представители современных господствующих классов обосновывали в публичном дискурсе особость своего происхождения.

Погруженность традиционных обществ в прошлое отчетливо видна в культурах предков, в которых представители предшествующих поколений переживались как современники, как часть реальности, как участники актуальных политических и культурных практик. А. Гуревич, характеризуя представления варваров раннего средневековья о прошлом, писал: «Культ предков, игравший огромную роль в жизни варваров, был связан с их отношением к времени. Предок мог вновь как бы родиться в одном из своих потомков – в пределах рода передавались имена, а вместе с ними и внутренние качества их носителей. Прошлое возобновлялось, персонифицировалось в человеке, который повторял характер и поступки предка» [17, с. 110].

Такое отношение к прошлому расширяло пределы актуальной социальности и одновременно размывало границы между сферой коллективной памяти и осознанием настоящего, что и порождало погруженность традиционных обществ в прошлое. Образно говоря, актуальные практики представляли собой вершину айсберга, большая часть которого покоилась в памяти о прошлом. Например, в истории Геродота о путешествии Гекатея Милетского в Египет рассказывается о том, как египетские жрецы смогли назвать Гекатею 345 предшествующих им поколений [18, с. 124–125]. Очевидно, что представитель традиционного общества, постоянно держащий в уме хотя бы десяток поколений своих предков (вне зависимости от того, реальны эти предки или вымышлены, а воспоминания даже о реальных мифологизированы), неизбежно должен был осознавать приоритет глубин прошлого над настоящим, с одной стороны, незначительность актуальной информации по сравнению с массивами исторической памяти, а, с другой – неразрывную связь с прошлым, и, повторюсь, погруженность настоящего в него.

Можно утверждать, что главным существенным признаком коллективной памяти традиционного общества было то, что данная социальность «погружена» в память, из нее органично произрастает социальная структура, институты, права и обязанности. Апелляция к историческим прецедентам является крайне весомым аргументом, пространство коллективной памяти переплетается с сакральным топосом, который по своей природе чужд рациональной аргументации, признанию приоритета достоверного факта над прагматической целью и ценностями. Традиционное сознание стремится в первую очередь защитить свои ценности и коллективная память полностью подчиняется этой цели, в результате чего выводимые из ценностей культуры институты оказываются конституированными коллективными представлениями о прошлом, которое имеет приоритет перед потребностями настоящего. Погруженность традиционных обществ в прошлое отчетливо видна в сравнении с коллективной памятью модерна, где интерпретации прошлого служили стартовой позицией для обоснования движения общества в будущее. Общества модерна отталкивались от прошлого, а традиционные – погружались в него [19 с. 26–28].

Ян Ассман справедливо утверждает, что коллективная память (в виде культурной памяти в терминологии Я. Ассмана) реализуется в формах поэтической, ритуальной инсценировки и коллективного участия [20, с. 59]. В прошлом, в домодерных обществах уровень их развития не давал возможности индивидуального усвоения исторического нарратива для большей части населения и усвоение конструкторов коллективной памяти в большей степени происходило именно через коллективное участие (праздники, коллективное потребление эпоса и т. п.). Коллективные практики в большей степени способствуют погружению в нарратив, восприятию его как реальности.

Слабость и нерегулярность коммуникаций между несовместимыми нарративами коллективной памяти не стимулировали выработки какого-нибудь общеприемлемого варианта, каждое смысловое пространство жило со своими смыслами и достаточно мало и редко интересовалось, что думают по поводу их конструкций соседи. Тексты, в которых затрагивалась тема конфликта исторических интерпретаций, писались не для разрешения этого конфликта, а для подкрепления собственной картины мира. Например, киевский летописец, рассказывая о крещении князя Владимира в Херсонесе более чем через столетие после описываемых событий, упоминает, что есть и другие версии, но только упоминает, не обсуждая, не споря с ними и не обосновывая, почему он принял описываемую версию в качестве достоверной. Крещение в Херсонесе для него – абсолютная реальность, в которую он погружен и ему неинтересны альтернативные точки зрения. Аналогично современной конфессиональной коллективной памяти, сформированной на основе традиции, совершенно неинтересна дискуссия об историчности пребывания апостола Андрея или Климента Римского в Крыму, для нынешнего традиционного исторического сознания – это реальность *par excellence*.

Коллективная память по своей природе конфликтна, ибо она играет важную роль в формировании коллективных идентичностей и является их составляющей. Идентичности, вступая в конфронтацию с иными аналогичными феноменами,

используют свою коллективную память в качестве символического капитала. Это конфликтность обращена вовне и может носить явный характер и реализовываться в конфликтной коммуникации с памятью иных групп или же быть латентной, когда содержание разных коллективных памятей существенно противоречит друг другу, но при этом в практике взаимодействия эти содержания не пересекаются. Внутренняя конфликтность коллективной памяти – это удел современных обществ, где историческая дискуссия маркирует собой разделенность общества на группы.

В традиционных обществах конфликтность коллективной памяти на содержательном уровне была весьма высока, ибо никто не переживал по поводу уровня достоверности, а на уровне коммуникаций – низка, поскольку каждый был погружен в собственные исторические нарративы. В отличие от этого конфликтность современной коллективной памяти локализуется именно на уровне коммуникаций, когда одним из основных дискурсов коллективной памяти является обоснования «фальсификации» истории со стороны идеологических оппонентов [см., например, 21, с. 48–53].

Коллективная память в традиционных обществах нередко основывалась на инсценировке исторических событий, когда наличный исторический опыт преображался и дополнялся воображаемым, а нередко и воображенное становилось основой инсценирования прошлого. Условия достоверности используемых исторических конструктов были весьма, если так можно выразиться, либеральными. Легитимность исторической интерпретации обеспечивалась наличной верой, а закрепленная интерпретация прошлого становилась основой легитимации веры. Таким образом создавалась цикличность воспроизводства коллективной памяти, основанной прежде всего на обосновании ценностей сложившегося социального и культурного порядка.

Выводы. Особенности коллективной памяти традиционных обществ являются погруженность в прошлое, слабая степень конфликтности коллективной памяти за счет неразвитости коммуникаций и, соответственно, герметичности отдельных обществ, особые критерии достоверности исторического факта и его интерпретации, основанные на защите ценностей традиционного уклада, приоритете веры над знанием и вытекающей из этого цикличности воспроизводства коллективной памяти.

Список литературы

1. Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография* / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
2. Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 89–100.
3. Абдрахманов Д. М., Буранчин А. М., Демичев И. В. Архаизация российских регионов как социальная проблема / Д. М. Абдрахманов, А. М. Буранчин, И. В. Демичев. – Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.
4. Кирчанов М. В. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт) / М. В. Кирчанов // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2013. – № 5 (21). – С. 46–53.
5. Антипов Г. А. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете? / Г. А. Антипов // *Высшее образование в России*. – 2013. – № 8–9. – С. 125–132.

6. Грива О. А. Памятники культурного наследия как носители смыслов истории / О. А. Грива // *Природа и человек в пространстве культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии БашГУ (г. Уфа, 27 апреля 2017 г.). Часть 1 / Отв. ред. З. Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 132–136.*
7. Жуков Д. С., Лямин С. К. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструменты социального развития / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // *Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11 (057). – С.152–156.*
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // *Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 8–27.*
9. Левада Ю. А. Традиция / Ю. А. Левада // *Философская энциклопедия: В 5-ти тт. / Под ред. В. Ф. Константинова. – Т. 5. – М. Советская энциклопедия, 1970. – С. 140.*
10. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / Л. П. Репина // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С.3–37.*
11. Мещеряков А. Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / А. Н. Мещеряков // *Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html> (Дата обращения: 12.08.2017).*
12. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Ф. Кардини. – СПб: «Александрия», 2007. – 332 с.
13. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории / О. Матвейчев, А. Беляков. – СПб.: Питер, 2014. – 224 с.
14. Алексеев С. В Историк и коллективная историческая память (на примере отношения к былинному эпосу) [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев // *Культурологический журнал. – 2017. – №2(28). – Режим доступа: http://cg-journal.ru/rus/journals/404.html&j_id=31 (Дата обращения: 12.09.2017)*
15. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М. В. Лескинен. – М., 2002. – 178 с.
16. Кресін О. Український сарматизм / О. Кресін // *Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України, Інститут держави і права ім. В. М. Корецького ; ред. Ю. І. Римаренко [та ін.]. – К.: Генеза: Довіра, 1996. – С. 136.*
17. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
18. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
19. Кузьмин Н. Н. Историческая память в различных типах обществ / Н. Н. Кузьмин // *Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (социологические науки). – 2010. – №12 (199). – Т.2. – С. 24–35.*
20. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
21. Коршунова О. Н., Поливанов Я. М. Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной памяти / О. Н. Коршунова, Я. М. Поливанов // *Вестник Чувашского университета. – 2011. – №1. – С.48–53.*

Kuzmin N. N. The Features of the Collective Memory in Traditional Societies // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 114-124.*

Being a phenomenon of culture, a collective memory has its own specifics in different cultural epochs. If we apply the distinction "traditional society - modern - postmodern" to the development of mankind, we can speak about the collective memory of a traditional society as a special phenomenon. The relevance of research societies, that are built on the priority of traditions, determined by two tendencies, which characterize the modern world: the tendency of archaization and the tendency of the growth of the influence of religion.

In traditional societies, which include societies from archaic tribes to advanced states of postmodern, a collective memory was formed in the conditions of a higher value of the past compared to the present, the mixing of the ordinary and sacred, the priority of values over facts, the underdevelopment of rational criticism

and the high level of imagination. A traditional consciousness sought to protect its own values and the collective memory obeyed this goal. The historical constructs served as a justification for the necessary innovations through historical analogies and constructed precedents. The narratives about the past justified the social structure, the normative and institutional order. Based on history, the dynasties explained their right to power and hierarchy in relation to subjects and other dynasties, local and professional communities defended their special rights by appealing to historical precedents and traditions.

The features of the collective memory of the traditional society were: the public consciousness was "immersed" in memory; weak communications between conflicting narratives didn't stimulate the development of any compromise solution: each semantic space lived with its own meanings; the conflict of collective memory in communication with other communities was low; the historical experience was transformed and supplemented by the imaginary, which became the basis for staging the past; the legitimacy of historical interpretation was ensured by faith, and the fixed interpretation of the past became the basis for the legitimation of faith, as a result the cyclicity of the reproduction of collective memory was created.

Key words: collective memory, historical memory, traditional society, myth, constitution, historical narrative.

References

1. Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya [Idea of History. Autobiography]. Moscow, Nauka, 1980, 486 p.
2. Akhiyezer A. S. Arkhaizatsiya v rossiyskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [The Archaization in Russian Society as a Methodological Problem]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, 2001, № 2, p. 89–100.
3. Abdrakhmanov D. M., Buranchin A. M., Demichev I. V. Arkhaizatsiya rossiyskikh regionov kak sotsialnaya problema [The Archaization of Russian Regions as a Social Problem]. Ufa, Mir pechati, 2016, 404 p.
4. Kirchanov M. V. Istoricheskaya nauka v politicheskikh debatakh i natsional'nom stroitel'stve (postsovetkiy opyt) [Historical Science in Political Debates and National Building (Post-Soviet Experience)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2013, № 5 (21), p.46–53.
5. Antipov G. A. Kak i zachem nuzhno izuchat' istoriyu v shkole i universitete? [How and Why to Study History at School and University?]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2013, № 8–9, p. 125–132.
6. Griva O. A. Pamyatniki kul'turnogo naslediya kak nositeli smyslov istorii [Monuments of Cultural Heritage as Bearers of the Meanings of History]. *Priroda i chelovek v prostranstve kul'tury: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchonnoy Godu ekologii v RF (kafedra etiki, kul'turologii i svyazey s obshchestvennost'yu fakul'teta filosofii i sotsiologii BashGU (g. Ufa, 27 aprelya 2017 g.)). Chast' 1, otv. red. Z. YA. Rakhmatullina, Ufa, RITS BashGU, 2017, p. 132–136.*
7. Zhukov D. S., Lyamin S. K. Formirovaniye istoricheskoy pamyati i obraza zhelayemogo budushchego kak instrumenty sotsial'nogo razvitiya [Construction of Historical Memory and the Image of the Desired Future as the Instruments of Social Development]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, 2013, №11(057), p.152–156.
8. Khalbvakhs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovenny zapas*, 2005, № 2/3 (40/41), p. 8–27.
9. Levada YU. A. Traditsiya [Tradition]. *Filosofskaya entsiklopediya: V 5-ti tt., T. 5, Moskva, Sovetskaya entsiklopediya*, 1970, p. 140.
10. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [The Experience of Social Crises in Historical Memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati, pod red. L. P. Repinoy, Moskva, IVI RAN*, 2012, p. 3–37.
11. Meshcheryakov A. N. Otkrytiye Yaponii i reforma yaponskogo tela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The Discovery of Japan and the Reform of the Japanese Body (the Second Half of the 19th - the Beginning of the 20th Centuries)]. [Elektronnyy resurs]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2009, № 100, URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html>.

12. Kardini F. Yevropa i islam: istoriya neponimaniya [Europe and Islam: a History of Misunderstanding]. Sankt-Peterburg, «Aleksandriya», 2007, 332 p.
13. Matveychev O., Belyakov A. Troyanskiy kon' zapadnoy istorii [The Trojan Horse of Western History]. Sankt-Peterburg, Piter, 2014, 224 p.
14. Alekseyev S. V. Istorik i kollektivnaya istoricheskaya pamyat (na primere otnosheniya k bylinnomu eposu) [The Historian and Collective Historical Memory (on an Example of the Attitude to Epic)]. [Elektronnyy resurs]. Kulturologicheskiy zhurnal, 2017, №2(28), URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/404.html&j_id=31.
15. Leskinen M. V. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoy [Myths and Images of Sarmatism. The Origins of the National Ideology of the Rechi Pospolitoy]. Moskva, 2002, 178 p.
16. Kresin O. Ukraïns'kiy sarmatizm [Ukrainian Sarmatism]. Mala yentsiklopediya yetnoderzhavoznavstva, NAN Ukraïni, Institut derzhavi i prava im. V. M. Korets'kogo; red. YU. Í. Rimarenko [ta in.]. Kiev, Geneza: Dovira, 1996, p. 136.
17. Gurevich A. YA. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moskva, Iskusstvo, 1984, 350 p.
18. Gerodot. Istoriya v devyati knigakh. [History in Nine Books]. Per. i prim. G. A. Stratanovskogo. Leningrad, Nauka, 1972, 600 p.
19. Kuz'min N. N. Istoricheskaya pamyat' v razlichnykh tipakh obshchestv [Historical Memory in Different Types of Societies]. Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta im. Tarasa Shevchenko (sotsiologicheskiye nauki), 2010, №12 (199), T.2, p. 24–35.
20. Assman YA. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moskva, YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 368 p.
21. Korshunova O. N., Polivanov YA. M. Fal'sifikatsiya istoricheskikh obrazov kak problema funktsionirovaniya kollektivnoy pamyati [Falsification of Historical Images as a Problem of Collective Memory Functioning]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2011, №1, p. 48–53.

УДК 908:378.4(054)(477.75)"1919"

**«ИМЕНИНЫ УНИВЕРСИТЕТА – ПРАЗДНИК НЕ ТОЛЬКО КРАЯ,
НО ВСЕЙ ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ РОССИИ»:
ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ТАВРИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ 1919 ГОДА**

Филимонов С. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: filimonov.47@list.ru

Вниманию читателей предлагается републикация материалов, посвященных 1-й годовщине Таврического университета, выявленных на страницах крымских газет «Крымский вестник», «Таврический голос» и «Южные ведомости» и вышедших в октябре 1919 года; газеты эти, за хранение которых в период красного террора в Крыму 1920–1921 годов грозил расстрел, давно стали библиографической редкостью.

Напомню читателям, что торжественное открытие Таврического университета, которому суждено было стать старейшим и авторитетнейшим высшим учебным заведением Крыма, состоялось в разгар Гражданской войны, 1 (14) октября 1918 года, в светлый праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в Симферополе, в театре Таврического дворянства (ныне – Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького).

Как известно, Добровольческая армия не признавала университетов, возникших во время Гражданской войны. Но для Таврического университета было сделано исключение, и он был признан двенадцатым российским университетом (за что содействовавший принятию такого решения генерал А. И. Деникин был избран почетным членом вуза). Таким образом, если Московский университет, учрежденный в 1755 году, был первым российским университетом, то Таврический университет стал последним российским университетом, открытым в досоветский период отечественной истории.

В почти вековой истории Таврического (ныне – Крымского федерального) университета есть период, представляющий особый интерес. Это 1918–1920 годы, когда преподавателями вуза были крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров России в «белый» Крым.

Но именно этот период истории Таврического университета получил в литературе, изданной в XX веке, наименьшее освещение. Главной тому причиной стало отсутствие достаточной источниковой базы. Ведь довоенный архив университета погиб, и основным печатным источником долгое время оставались лишь два тома «Известий Таврического университета», вышедшие в 1919 и 1920 годах.

Узость источниковой базы заставила исследователей искать дополнительные источники информации об истории вуза. Было обращено внимание на архивы учреждений, организаций и отдельных лиц, связанных с университетом в начальный период его существования, а также на опубликованные источники личного происхождения, в частности, на дневники академика В. И. Вернадского и воспоминания его сына профессора-историка Г. В. Вернадского.

В конце 1990-х годов автору настоящих строк посчастливилось выйти на богатейший, но оставшийся неосвоенным исследователями уникальный источник по истории крымской интеллигенции, науки и культуры в 1918–1920 годах – крымские газеты периода Гражданской войны. На их страницах удалось обнаружить не только хроникальные заметки, позволяющие воссоздать недостающие страницы истории университета и существовавших при нем научных обществ

(Математического, Педагогического, Хирургического, Общества изучения музыки, Общества философских, исторических и социальных знаний), не только информацию об участии профессоров университета в деятельности крымских научных организаций (Таврической ученой архивной комиссии, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Религиозно-философских обществ в Симферополе и Ялте, Литературного общества в Ялте), но и оставшиеся неизвестными публикации целого ряда корифеев отечественной науки, составляющих гордость и славу нашего вуза [1, с. 171–181; 2, с. 37–272, 284–290, 321–334; 3, с. 123–130]. Сегодня, после воссоединения Крыма с Россией, эти материалы, раскрывающие сложную политическую обстановку, в условиях которой создавался и существовал в 1918–1919 годах в Крыму двенадцатый российский университет, приобретают особо важное значение. В том числе и для осознания глубинных причин «Крымской весны» 2014 года.

Среди пяти републикуемых материалов – статья журналиста Б. Мурина «Праздник Тавриды» (автор, отмечая большое не только научное и культурное, но и общественно-политическое значение существования в Крыму российского университета, подчеркивал: «Университет является одним из могущественных факторов объединения края с остальной Россией»), статья знаменитого филолога профессора Н. К. Гудзия «К первой годовщине Таврического университета» (эта статья, незначаящаяся в изданном списке печатных трудов ученого, посвящена истории создания университета и проблемам его развития), заметка «К знаменательной годовщине» неизвестного автора, скрывшего свое имя за псевдонимом П. Б. (она знакомит с оставшейся неизвестной исследователям деятельностью Общества друзей Таврического университета), а также две анонимные хроникальные заметки, имеющие общее название «Годовщина Таврического университета», в последней из которых изложены прозвучавшие на торжественном заседании, посвященном 1-й годовщине Таврического университета, речи ректора университета профессора Р. И. Гельвига, декана историко-филологического факультета профессора А. Н. Деревницкого и декана юридического факультета профессора П. П. Гензеля.

Ключевые слова: Крым, Гражданская война, наука, культура, образование, периодическая печать, Таврический университет, Р. И. Гельвиг, П. П. Гензель, Н. К. Гудзий, А. И. Деникин, А. Н. Деревницкий.

№ 1

Статья Б. Мурина «Праздник Тавриды»

1 (14) октября 1919 г.

Для народа, как и для отдельной личности, длительный период невзгоды часто сопутствуется опасной болезнью духа – утратой веры в свои силы, в свои творческие возможности. Рождается пессимистическая мысль, что жизненный путь окончен, что силы исчерпаны, и впереди – пустыня безнадежности. Такие настроения убивают остатки энергии, народ впадает в апатию и в самом деле становится надолго нежизнеспособным. И целительным является тогда живое доказательство противоположного – реальное проявление духовной силы, способности к созидательной работе. Воскресает вера в себя, в свои творческие силы, в свою духовную энергию. В переживаемые ныне дни материальной разрухи и духовного обнищания таким бодрящим доказательством живучести народного духа, неиссякаемости народной энергии является сегодняшний праздник Тавриды – день рождения Таврического университета. И во всякое другое время этот день был бы праздником края, который так долго ждал этого рассадника знания, рассадника культуры и так и не дождался его при старом режиме, который так боялся создавать новые центры высшего знания, новые питомники интеллигенции. Но значение этого праздника увеличивается тем моментом, когда осуществилась заветная мечта культурной Тавриды.

*«Именины университета – праздник не только края,
но всей возрождающейся России»:
первая годовщина Таврического университета
на страницах крымских газет 1919 года*

В дни всеобщей разрухи, в дни распада страны и, казалось, развала общественности и упадка духа был выявлен этот смелый, можно сказать дерзновенный акт творчества. Находились люди, которые считали этот гордый замысел праздной затеей. Были скептики, которые сомневались в жизнеспособности рожденного в такое время. Это, говорили, будет хилое детище больного времени, обреченное на худосочие и гибель... Но университет жив, развивается и постепенно разворачивается все шире... И помимо своего прямого значения в жизни края, как праздника культуры, годовщина университета имеет более широкое общее значение, как живое свидетельство, что в гражданской войне не все убито, не угас дух жизни, не погибли живые силы нации.

Имеет сегодняшний праздник и громадное политическое значение. Университет является одним из могущественных факторов объединения края с остальной Россией. Это – мирное завоевание, от которого больше всего выигрывает завоеванная сторона. Стоит только вообразить самостийный Крым без влияния русской культуры, без русских представителей науки, без русской общественности и поставить вопрос, был ли бы возможен в этом крае этот рассадник высшего знания... Ясно, что никакого университета без мощного содействия русской культуры Крыму не видать бы. И никакое «покорение Крыма» оружием так прочно не свяжет край со всей страной, как это насаждение в нем высокого культурного учреждения.

Любопытно, что университет создавался в годину торжества самостийной тенденции в Крыму – в дни господства Сулькевича под покровительством старогерманской оккупации. В «правительственных» кругах возникло даже сомнение, можно ли наименовать университет Таврическим, не будет ли это напоминать о существовании, казалось, похороненной навсегда Таврической губернии... Понадобилась депутация ученых, чтобы убедить ген. Сулькевича, что Крым и Таврида едино суть. Близорукие люди придавали значение названию и не видели опасности для самостийности в самом факте насаждения в Крыму русского университета. Но только политически слепой может не видеть, что этот факт – одна из сильнейших связей, объединяющих окраину со всею страной. И это значение университета делает его именины праздником не только края, но всей возрождающейся России, возрождающейся не для угнетения, а для оживления всех связанных с нею областей, для культурного развития всех населяющих ее народностей.

Смелый акт творчества во дни разрухи, объединяющий фактор в момент распада, рассадник культурных созидательных сил в атмосфере борющихся анархии и реакции, – Таврический университет является гордым вызовом всем враждебным силам края и возрождающейся России. Пусть же растет и крепнет это подлинное детище революционного дерзания, эта молодая сила, как символ возрождения, как залог светлого будущего оживающего края и воскресающей родины.

Б. Мурин

Южные ведомости (Симферополь). – 1919. – № 151. – 1 (14) октября.

№ 2

Статья профессора Н. К. Гудзия
«К первой годовщине Таврического университета»

1 (14) октября 1919 г.

Год назад Таврический университет получил свое бытие. Долгожданная в Крыму высшая школа стала, наконец, его достоянием, и до тех пор всего лишь губернский город Симферополь стал городом университетским.

Еще с 1916 г. общественные силы нашего края стали прилагать энергичные усилия к тому, чтобы основать в Крыму высшую школу. Но чаяния и стремления общества в ту пору не шли дальше намерения открыть высший институт научно-прикладного характера, который совмещал бы в себе физико-математический факультет университета с агрономическим отделением политехникума. Но те широкие и, увы, еще неоправданные перспективы, которые после мартовского переворота (имеются в виду события Февральской революции 1917 года. – С. Ф.) открылись перед Россией во всех областях, в том числе в области культурной, заставили инициаторов дела пойти дальше, и, не ограничиваясь учреждением специального института, развернуть проектируемую высшую школу в университет со всеми обычными для него факультетами и, сверх того, с прибавлением факультета агрономического. Недавним постановлением Совета профессоров при историко-филологическом факультете учреждено восточное отделение по образцу восточного факультета Петроградского университета и в проекте, наконец, открытие педагогического факультета.

Таков широкий масштаб, какой приняла организация университета в Крыму. Относительно благоприятные внешние условия жизни в крае привлекли в новую школу нужное на первое время количество научных сил и значительное число учащихся, достаточное для заполнения любого университета, имеющего уже свою историю. Приток ученых сил и учащейся молодежи прогрессивно идет вперед, сокращая, с одной стороны, число незанятых кафедр, с другой стороны, вызывая необходимость отказа в приеме всех желающих попасть в число студентов и повышения требований при приеме не только в действительные студенты, но и в вольнослушатели. Ряд лиц, обладающих гимназическими аттестатами зрелости или окончивших высшие учебные заведения, по недостатку мест, к сожалению, оказались в нынешнем году за дверями школы. При выборах кандидатов на занятие кафедр Совет профессоров имеет возможность действительно выбирать, т. к. нередко на одну вакансию имеется несколько кандидатур и притом в ряде случаев весьма солидных.

Таковы благоприятные условия, сложившиеся для развития Таврического университета. Но, наряду с ними, есть условия, отрицательно влияющие на постановку учебного дела и на нормальное развертывание школы. И они очень серьезны. Есть профессора, есть учащиеся, но нет вполне подходящей обстановки, которая обеспечивала бы нормальную учебную и ученую работу, наличием которых определяется государство, можно сказать, что Таврический университет имеет власть, имеет и население, но не имеет территории в широком смысле слова. Мы не имеем зданий, хоть сколько-нибудь удовлетворяющих потребностям высшей

школы. В тех помещениях, в которых расположился университет, нет достаточно места ни для аудиторий, ни для учебно-вспомогательных учреждений. Каждая лишняя комнатка на учете, но учитывать, к прискорбию, почти нечего.

По этим, главным образом, соображениям Совет профессоров решил, было, расстаться с Симферополем, как местом пребывания университета, и ходатайствовать перед властью о переводе его в Севастополь, где в смысле размещения условия значительно лучше, чем в Симферополе.

Мало благоприятствует продуктивной университетской работе и крайне недостаточное оборудование учебно-вспомогательных учреждений.

Если, например, даже давно существующие университетские лаборатории испытывают острую нужду в материале для экспериментов, то что же приходится сказать в этом отношении о годовалом университете? Относительно большая университетская библиотека, за год собравшая в себе около 10000 томов, все же далеко недостаточна порой даже для обычных научных справок, не говоря уже о чем-то большем, чем простая справка. И с завистью приходится думать и учащим, и учащимся о втуне почти пребывающей в Севастополе огромной библиотеке морского ведомства, которая могла бы оказать такую неоценимую услугу нашему университету, будь она для него доступной.

Не приходится, разумеется, говорить и о том, что исключительно тяжелая материальная обстановка не дает возможности учащимся как следует использовать школу, в которую они вступили. Жить по нынешним временам на родительское иждивение для многих оказывается невозможным. Приходится думать о подсобных заработках и им отдавать значительную часть времени, оставляя для научной работы лишь свой досуг. Те, для кого Симферополь не является местом постоянного жительства, оказываются еще в худшем положении. Нередки поэтому случаи весьма отдаленной прикосновенности части студенчества к университету. Числясь в списках студентов университета, многие студенты живут большую часть года вне Симферополя, являясь лишь к записи на лекции и к экзаменам.

Эти последние обставлены, в свою очередь, также нелегко ввиду трудности раздобыть пособия и почти полной невозможности из-за дороговизны издавать лекции профессоров.

Если ко всему этому прибавить то, что общественная инициатива в деле укрепления в Крыму университета оказалась у нас слабее отчасти по условиям переживаемого времени, отчасти благодаря слабости культурных традиций по сравнению, например, с Великороссией, то минусы, создавшиеся для успешного роста Таврического университета, будут в общем почти исчерпаны.

И все же, несмотря ни на что, празднуя первые именины родной *almae matris*, хочется гораздо больше радоваться, чем печалиться. Сделано не все, сделано, б. м., не так много, но сделано максимум возможного в обстановке момента. Если сравнить рост нашего университета с ростом прочих университетов, возникших одновременно с Таврическим, то станет ясно, сколь относительно многого при самых неблагоприятных условиях достиг именно Таврический университет.

Признание его правительственным со стороны ген. Деникина, не в пример другим молодым университетам, очевидно, имело за собой солидные основания.

Крыму нужна высшая школа, он стремился ее иметь у себя и добивался ее, и потому верится, что он удержит ее и не даст ей прозябать, а приложит все возможные старания к тому, чтобы она росла, процветала и ширилась.

В вере и надежде на лучшие времена для России, для будущих культурных ее строителей – студенчества, для науки – пожелаем дорогому имениннику долголетия и преуспевания. На празднике науки порадуемся радостью предвкушения того дня, когда доброе зерно даст обильные и богатые плоды. *Vivat academia*.

Проф. Н. Гудзий

Южные ведомости (Симферополь). – 1919. – № 151. – 1 (14) октября.

№ 3

Заметка «К знаменательной годовщине»

1 (14) октября 1919 г.

Ровно год тому назад, 1 октября 1918 г., Симферополь торжественно отпраздновал открытие Таврического университета. Всем памятно то приподнятое настроение, в котором прошел этот праздник. Но не менее памятны должны быть и те опасения и сомнения, которые были высказаны на празднике за судьбу университета в Симферополе в смысле преодоления всех и тогда уже тяжелых материальных условий существования как самого университета, так и профессоров и учащихся.

Эти тяжелые условия побудили группу симферопольской интеллигенции организовать почти одновременно с открытием университета Общество друзей Таврического университета.

Молодое Общество энергично приступило к первому и самому важному делу – собиранию средств. Дело это пошло вначале довольно успешно, но потом общие неблагоприятные условия нашей жизни – смена властей, приход большевиков (имеется в виду пребывание в Крыму большевиков в апреле – июне 1919 г. – С. Ф.), апатия, охватившая широкие круги интеллигенции – значительно затормозили работу Общества. Долгое время после уничтожения советской власти в Крыму не удавалось созвать общее собрание. Только недавно оно состоялось – очень малочисленное; было избрано Правление и намечено в качестве ближайшей цели устройство общежитий и столовых для учащихся. Вновь избранное Правление уже приступило к работе.

Задачи Общества по уставу очень обширны. Они охватывают, в сущности, всю жизнь университета и его профессуры и студенчества. Но в то тяжелое время, которое мы переживаем, конечно, не приходится мечтать о многом. И, конечно, первое и самое существенное – это удовлетворить насущнейшие нужды учащейся молодежи в приюте и в пище. Условия, в которые попали в Симферополе многие студенты и студентки, совершенно невыносимы. И первой задачей всего культурного общества в Симферополе должно быть улучшить эти условия настолько, чтобы наша учащаяся молодежь могла не только жить, но и учиться. А для этого нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.

*«Именины университета – праздник не только края,
но всей возрождающейся России»:
первая годовщина Таврического университета
на страницах крымских газет 1919 года*

Об этом долге симферопольского общества, долге не только перед молодежью, но и перед возрождающейся Россией, нельзя не вспомнить в сегодняшний торжественный день. И невольно хочется крикнуть громко, так, чтобы все услышали: граждане, записывайтесь в члены Общества друзей Таврического университета, жертвуйте, кто сколько может, на это благое дело.

П. Б.

Южные ведомости (Симферополь). – 1919. – № 151. – 1(14) октября.

№ 4

Заметка «Годовщина Таврического университета»

3 (16) октября 1919 г.

1 октября состоялось празднование годовщины Таврического университета. Торжество открылось в 1 час дня в Дворянском театре вступительной речью ректора университета проф. Гельвига, после чего генерал А. И. Деникин был избран почетным членом. С отчетной речью выступил проф. Деревицкий, с академической речью – проф. Гензель. Представители студентов гг. Костяков и Маршал вручили ректору адрес. С приветствиями выступали представители общественных организаций. Получено телеграфное приветствие от бывшего председателя краевого правительства С. С. Крыма. Собрание закончилось пением студенческой песни «Gaudeamus». В 6 час. вечера состоялось шествие профессоров со студентами по городу. Вечером был устроен большой концерт в городском клубе.

Крымский вестник (Севастополь). – 1919. – 3 (16) октября.

№ 5

Заметка «Годовщина Таврического университета»

3 (16) октября 1919 г.

Торжественный акт по поводу 1-й годовщины Таврического университета открылся 1 октября в театре Таврического дворянства в 1 ч. дня речью ректора Р. И. Гельвига.

Приветствуя присутствующих с годовщиной 12-го Российского университета, ректор указал на тяжелые условия, в которых находится университет в данное время.

– В прошлом году нам обещали многое, – сказал он, – но, к сожалению, почти ничего не сделано. К нашему счастью, у нас оказалось столько сил внутри университета, что нам удалось с честью выйти из создавшегося положения.

Остановившись на подробностях признания университета, Р. И. Гельвиг с чувством глубокого удовлетворения отметил теплый прием, оказанный делегации Особым Совещением при Главнокомандующем. Несмотря на то, что Добрармией не признаются университеты, возникшие за время революции, для Таврического университета сделано исключение.

Избрание ген. Деникина почетным членом

Далее ректор оглашает выдержку из протокола от 28 сентября и передает на утверждение Совета профессоров вопрос об избрании ген. А. И. Деникина почетным членом университета.

Предложение принимается единогласно при громе аплодисментов.

Доклад проф. А. Н. Деревницкого

С докладом, состоящим из выдержки из отчета по истекшему академическому году, выступает проф. А. Н. Деревницкий. В данное время университет насчитывает 5 факультетов, причем каждый факультет имеет свои отделения. В личном составе профессоров в данное время находится 35 ординарных профессоров, 11 экстраординарных, 6 доцентов и 3 лектора. Студентов насчитывалось 2805 чел. (1855 мужчин и 947 женщин. – Так в источнике. – С. Ф.), и в этом году принято еще 639 чел. Суммы, находящиеся в распоряжении университета, исчисляются в 2486042 руб.

Далее выступают с приветствиями: от имени студентов – г. Костюков, г. Маршалок, поднесший адрес от кассы взаимопомощи учащихся в высш[их] учеб[ных] заведениях, и далее – депутаты от Архивной комиссии, от Совета Проф[ессиональных] Союзов, от женского клуба, от еврейской общины, от инициатора Таврического университета С. С. Крыма, от городского управления и управляющего учебным отделом Таврической губернии.

Акттовую речь о «Девальвации и налоговой политике» произнес проф. П. П. Гензель.

Речь проф. П. П. Гензеля

Отметив, что в настоящее время в обращении во всей России находится около 150 мил. руб. бумажных денег, профессор указал, что если бы это количество пришлось считать по одной керенке в минуту, пришлось бы без передышки считать 15 000 лет! И тем не менее, эта сумма недостаточна даже для того, чтобы купить по 1 паре сапог на жителя, и для кредитных целей даже необходимо выпустить новые количества бумажек. Но главная опасность заключается в падении доверия к бумажным деньгам и к вспышкам паники на этой почве. Предстоящая девальвация официально и окончательно закрепит новый рубль на очень низком уровне – он будет равен песчинке золота: золотник чистого золота будет, дай Бог, расцениваться за 250 руб. бумажных, а пуд золота – за 1 миллион, тогда как до войны он стоил всего 20 000 руб. Факт девальвации, т. е. факт официального признания рубля обесценившимся в 40 или 50 раз будет окончательно и официально знаменовать утрату части своего богатства одними классами и слоями населения и закрепление своего богатства для других. От обесценения страдают владельцы процентных бумаг, пенсионеры, владельцы закладных, вкладчики в банках и т.д. Наоборот, окончательно восторжествуют владельцы недвижимого имущества, товаров, промышленных предприятий и вообще вещественного капитала, и сохраняют свое довоенное богатство. Сильно потеряют люди, получающие жалованье, чиновники и служащие вообще, ибо никто не будет платить им в 50 раз больше того, что они получали до войны.

*«Именины университета – праздник не только края,
но всей возрождающейся России»:
первая годовщина Таврического университета
на страницах крымских газет 1919 года*

Между тем, для ликвидации последствий войны и общей разрухи государству нужны миллиарды и сотни миллиардов. Придется страшно повысить все налоги и, в частности, косвенное обложение. При этих условиях нельзя игнорировать тот факт, что обесценение рубля и происшедшая вследствие этого девальвация окончательно сохранила за одними лицами их богатство, а для других означала громадное падение их действительных доходов. Вот почему и необходимо установить по западноевропейскому образцу налог на «прирост имущества», хотя бы этот прирост был чисто номинальный, ибо обесценение валюты, так тяжело поражающее целые классы общества, не коснулось их имущества, их вещественного капитала.

Но прежде всего нужно восстановление доверия к бумажным деньгам, а для этого необходимо, прежде всего, определенное начертание предстоящей финансовой реформы, чтобы публика могла знать, куда мы идем в финансовой области. Проникновение явных и здравых мыслей по всем основным вопросам экономики в широкую публику составляет одну из важнейших задач русского мыслящего общества. Нужна вера в экономическое возрождение России, вера в самих себя, нужно ясное и трезвое отношение к предстоящим экон[омическим] и фин[ансовым] реформам, и действительное возрождение новой, великой и сильной России под славным предводительством Добрармии не заставит себя ждать, – закончил профессор. Хор студентов исполнил «Gaudeamus» и др. песни, после чего торжественный акт закрылся.

Торжественное шествие

В 6 часов вечера состоялось торжественное шествие (факельцуг) студентов совместно с профессурой, шествие прошло по Пушкинской и Александро-Невской улицам к памятнику Тавриды, оттуда, через Екатерининскую улицу, обратно в университет.

Шествие привлекло множество народа, пожелавшего участвовать в студенческом празднестве.

Бал

Вечером состоялся студенческий бал, затянувшийся до утра.

Таврический голос (Симферополь). – 1919. – № 59 (209). – 3 (16) октября.

Список литературы

1. Филимонов С. Б. По страницам первого номера газеты Таврического университета «Vivat Academia!» / С. Б. Филимонов // Крымский Архив (Симферополь). – 2000. – № 6. – С. 171–181.
2. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда / С. Б. Филимонов. – Симферополь: Н. Орианда, 2010 – 408 с.
3. Филимонов С. Б. Об историографии и источниковедении истории Таврического университета (1918 – 2008) / С. Б. Филимонов // Крымский Архив (Симферополь). – 2009. – № 11. – С. 123–130.

Filimonov S. B. «Name Day University – a Celebration not only the Region, but throughout the Resurgent Russia»: the first Anniversary of the Taurida University on the Pages of the Crimean Newspapers 1919 // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 125-135.

Readers are invited to republish materials on the 1st anniversary of the Taurida University, revealed on the pages of Crimean newspapers «Crimean Gazette», «Tavrichesky Golos» and «Yuzhnye Vedomosti» and published in October 1919; These newspapers, for the storage of which during the period of the Red Terror in the Crimea in 1920–1921, threatened to be shot, have long become a bibliographic rarity.

Let me remind readers that the solemn opening of the Taurida University, which was destined to become the oldest and most authoritative higher educational establishment in the Crimea, took place at the height of the Civil War, October 1 (14) 1918, in the bright feast of the Protection of the Blessed Virgin Mary, in Simferopol, in the theater of the Taurida nobility Now – the Crimean Academic Russian Drama Theater M. Gorky).

As is known, the Volunteer Army did not recognize the universities that arose during the Civil War. But the twelfth Russian university (for which promote the adoption of such a decision, General A.I. Denikin was elected an honorary member of the university), an exception was made and it was found to Taurida University. Thus, if the Moscow University, established in 1755, was the first Russian university, the University of the Taurida became the latest Russian university opened in the pre-Soviet period of Russian history.

In the almost century-long history of the Taurida (now – the Crimean federal) university there is a period of special interest. This is 1918–1920, when the university's teachers were the largest scientists who fled from Bolshevik terror from the university centers of Russia to the «white» Crimea.

But it was this period in the history of the Taurida University that received the least coverage in the literature published in the 20th century. The main reason for this was the lack of a sufficient source base. After all, the pre-war archive of the university was lost, and the main printed source for a long time were only two volumes of «Izvestia of the Taurida University», published in 1919 and 1920.

The narrowness of the source base made the researchers seek additional sources of information about the history of the university. Attention was drawn to the archives of institutions, organizations and individuals associated with the university during the initial period of its existence, as well as to published sources of personal origin, in particular, to the diaries of Academician V. I. Vernadsky and the memoirs of his son, Professor-historian G. V. Vernadsky.

In the late 1990s, the author of these lines was fortunate enough to go to the richest but unique historian of the history of the Crimean intelligentsia, science and culture that remained undeveloped researchers in Crimean newspapers of the Civil War period in 1918-19. Not only chronicles have been found on their pages, allowing to recreate the missing pages of the history of the university and the scientific societies that existed in it (the Mathematical, Pedagogical, Surgical, Society for the Study of Music, the Society of Philosophical, Historical and Social Knowledge), not only information about the participation of university professors in Activity of the Crimean scientific organizations (the Tavrida Scientific Archive Commission, the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers, the Religious-Philosophical Society in Simferopol and Yalta, the Literary Society in Yalta), but remained unknown to the publication of a number of luminaries of Russian science, the pride and glory of our institution [1, p. 171–118; 2, p. 37–272, 284–290, 321–334; 3, p. 123–130]. Today, after the reunification of the Crimea with Russia, these materials revealing the complicated political situation, under which was created and existed in 1918–1919 years of the twelfth Russian university in the Crimea, is particularly important. Including to understand the root causes of the «Crimean Spring» in 2014.

Among the five materials to be republished is an article by the journalist B. Murin, «The Holiday of Tauris» (the author, noting the great scientific and cultural as well as social and political significance of the existence of the Russian university in Crimea, emphasized: «The university is one of the most powerful factors of the unification of the province with the rest Russia»), to become a famous philologist Professor N. K. Gudzyi «The first anniversary of the University of the Taurida» (this article is not significant in the published list of printed works of the scientist, devoted to the history of the Universe The note and the problems of its development), a note «To the memorable anniversary» of an unknown author who hid his name behind the pseudonym PB (a note introduces the activity of the Society of Friends of the Taurida University that remained unknown to researchers), as well as two anonymous chronicles articles «The anniversary of the University of the Taurida», the latter of which are set out made at the commemoration of the 1st anniversary of the Taurida University speech, rector of the University Professor R. I. Gelvig, dean of the history and philology faculty of Professor A. N. Derevitsky and dean of the faculty of law Professor P. P. Genzel.

Keywords: Crimea, the Civil War, science, culture, education, periodicals, Taurida University, R. I. Gelvig, P. P. Genzel, N. K. Gudzyi, A. I. Denikin, A. N. Derevitsky.

*«Именины университета – праздник не только края,
но всей возрождающейся России»:
первая годовщина Таврического университета
на страницах крымских газет 1919 года*

References

1. Filimonov S. B. Po stranicam pervogo nomera gazety Tavricheskogo universiteta «Vivat Academia!» [On the pages of the first issue of the newspaper of the Taurida University «Vivat Academia!】. The Crimean Archive (Simferopol), 2000, no. 6, P. 171–181.
2. Filimonov S. B. Iz proshlogo russkoj kul'tury v Krymu: poiski i nahodki istorika-istochnikoveda [From the past of Russian culture in the Crimea: the searches and finds of a historian-source researcher]. Simferopol, 2010, New oreanda, 408 p.
3. Filimonov S. B. Ob istoriografii i istochnikovedenii istorii Tavricheskogo universiteta (1918–2008) [On the historiography and source study of the history of the Taurida University (1918–2008)]. The Crimean Archive (Simferopol), 2009, no. 11, P. 123–130.

УДК 008: 316.722

КАРАИМСКАЯ КУЛЬТУРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ХУДОЖНИКИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ МИХАИЛ КАЗАС И БОРИС ЭГИЗ

Фращенко Д. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: daryafrashenko@mail.ru

В статье сравниваются этнические образы в творчестве двух караимских художников конца XIX – начала XX веков. Особое внимание уделяется произведениям крымского художника Михаила Моисеевича Казаса (1889–1918). Проанализированы предпосылки формирования профессиональных художников среди представителей караимского этноса, основные этапы творческого становления М. Казаса и Б. Эгиза, их место в контексте русского искусства, особенности их индивидуального стиля. Автор рассматривает образы и стилистические приемы двух художников при обращении к их этническим корням, проводит сравнительный анализ их художественных задач, показывает их обусловленность воспитанием в разных кругах караимского общества. Утверждается, что причиной несходства художников является прежде всего различие ценностей и общественных идеалов, характерных для разных социальных слоев караимского этноса, а также художественных направлений и стилей рубежа XIX–XX веков. На основе исследования творчества Б. Эгиза и М. Казаса автор демонстрирует две противоположные модели отношений между художником и этносом: отношения, основанные на ответственности и долге (у старшего поколения), и независимая модель отношений (у младших современников). Также в статье раскрываются различные типы и формы воплощения этнических корней в изобразительном искусстве: тематический и стилистический; реалистический и основанный на творческом воображении, сказочный; прямое отображение и выражение на архетипическом, бессознательном уровне. Выявлены общие черты художественного осмысления караимской культуры, которые отражают мироощущение караимов данного исторического периода.

Ключевые слова: М. Казас, Б. Эгиз, караимская культура, этническое происхождение, профессиональное искусство.

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году стало исторической вехой в жизни караимского этноса. Перед караимами, замкнутой культурной общиной, которая «очень строго держалась восточного образа жизни» [1, с. 35], говорила исключительно на караимском языке (в начале XX века его называли тюркско-татарским), встала необходимость интегрироваться в культурное и языковое пространство России, что привело к значительным переменам в существовании этноса. Постепенно караимы стали переселяться из Крыма в южные города Российской империи, перенимать русско-европейский образ жизни, использовать в повседневной жизни русский язык, поступать в русские учебные заведения. В караимской общине, в которой до XIX века существовала только

конфессиональная школа «мидраш», стали появляться врачи, юристы, педагоги, образовался слой караимской интеллигенции, получившей светское высшее образование.

В кратком историческом очерке о караимах 1900 года Ю. Д. Кокизов пишет: «Цивилизация у караимов подвинулась быстрыми шагами вперед, и ныне стало совсем трудно отличить караима от европейца, хотя в Крыму еще некоторые и держатся восточного образа жизни и носят национальные одежды, но теперь их совсем мало» [1, с. 36].

Неслучайно, что именно в эту эпоху появляются первые караимские художники. Традиции изобразительного искусства в рамках караимизма не существовало (аниконизм), но интеграционные процессы, секуляризация и быстрый рост урбанизации создали условия для появления у караимов профессионального искусства.

В первой половине XX века среди представителей караимского народа появился целый ряд деятелей культуры и искусства: философ, художник, педагог, певец, заведующий национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» С. С. Ельшевич (1879–1933), певица А. С. Исакович (1886–1954) (псевдоним Анна Эль-Тур), театральные режиссер И. С. Чуюн (1884–1924), актер, театральные деятели И. Э. Дуван-Торцов (1873–1939), оперная певица М. С. Давыдова (1889–1987), композитор С. М. Майкапар (1867–1938), поэт, художник, искусствовед В. С. Бабаджан (1894–1920) и другие.

Яркими представителями русского искусства конца XIX – начала XX веков стали караимские художники Борис (Барух) Исаакович Эгиз (1869–1946) и Михаил Моисеевич Казас (1889–1918) – творческие личности разных поколений, социальных слоев и художественных направлений. Цель данной статьи – выявить различия в художественном осмыслении этнической культуры караимскими художниками Борисом Эгизом и Михаилом Казасом, обозначить факторы, сформировавшие у них во многом противоположное видение караимской культуры.

Борис Эгиз родился в 1869 году в Одессе в семье зажиточных караимов купеческого сословия, был сыном потомственного почетного гражданина города. Художник рос в довольно консервативной среде. Известно, что отец Б. Эгиза не хотел, чтобы сын выбирал стезю художника. Тем не менее, в 1886 году Б. Эгиз поступает в рисовальную школу Одессы к Кириаку Константиновичу Костанди (1852–1921), передвижнику, члену-основателю Товарищества южнорусских художников.

Его младшим современником был Михаил Моисеевич Казас, который родился в 1889 году в Севастополе, в семье караимского интеллигента, педагога Моисея Ильича (Моисея бен-Ильягу) Казаса (1848–1927). М. Казас воспитывался в свободной атмосфере, в духе уважения к творчеству и искусству (одному из сыновей Казасов после поездки отца в Италию дали имя Рафаэль). «Благоприятная среда, в которой вырос художник (книги, журналы, артистические и научные увлечения), атмосфера благожелательного понимания, которая избавила его от материальных забот, – все это дало возможность молодому художнику целиком и бескорыстно отдаться занятиям искусством» [2, с. 213]. Талант М. Казаса

поощрялся, пользовался вниманием и уважением, что создало прекрасные условия для развития будущего художника. На способности Михаила к рисованию обратил внимание его педагог из реального училища Н. М. Янышев, воспитанник Петербургской академии художеств, который безвозмездно давал юноше уроки.

В Крыму, на момент обучения Михаила Казаса в реальном училище Севастополя, не было ни одного художественного учебного заведения. В отличие от Крыма, который в период ученичества Михаила Казаса представлял собой глубокую художественную провинцию, Одесса к концу XIX века превратилась в крупный художественный центр юга России. Здесь в 1864 году открылось Одесское Общество изящных искусств, которое впоследствии основало Школу рисования и черчения для детей (1865), рисовальную школу (1868), музыкальную школу (1866), Художественное училище с живописным, скульптурным и архитектурным отделениями (1900), Городской музей изящных искусств (1899). Эти обстоятельства определяют различие творческих путей художников. Михаил Казас, из-за отсутствия перспектив художественного развития в Крыму, по совету баталиста Франца Рубо, отправится обучаться в Мюнхен, «оссеционившийся» культурный центр. Обучение в Мюнхенской академии художеств заложит основы индивидуального стиля художника, характерными чертами которого станут культ «чистой линии», графичность, декоративность художественного языка, спонтанность форм.

Борис Эгиз, закончив обучение в рисовальной школе, отправится в Санкт-Петербургскую Академию художеств, под патронатом которой находилась одесская школа. Его учителями станут П. Чистяков, Б. Виллевалде, В. Верещагин. В дальнейшем Б. Эгиз на долгие годы свяжет свою творческую и общественную жизнь с родным городом и Товариществом Южнорусских художников.

После окончания Академии Б. Эгиз в течение трех лет (1896–1899 гг.) совершенствовал свое мастерство в парижских академиях Р. Жульена и Ф. Коларосси, но, несмотря на влияние европейского искусства (например, немецкого направления бидермейер), остался верен принципам русской и украинской реалистической школы, усвоенным им от его одесского учителя К. Костанди и от педагогов Академии. «В своих произведениях я всегда придерживался реального направления, свои впечатления передавал непосредственно с натуры... – писал Борис Эгиз в своей автобиографии. – Видное место среди моих произведений занимали портреты, картины бытового жанра и в особенности крестьян и рабочих..., писал и пейзажи, и мертвую натуру» [цит. по: 3, с. 58].

Караимская тема в творчестве Бориса Эгиза отразилась прежде всего в портретном жанре. В портретах караимов и караимок художник проявляет антропологический тип лица модели, иногда подчеркивает «караимскость» с помощью костюма. Один из самых лучших караимских портретов Б. Эгиза – «Потрет сестры» Веры Эгиз-Шапшал, хирурга-офтальмолога, жены последнего гахама (духовного главы караимов) С. Шапшала, написанный в 1905 году. В героине художник воплощает образ современной образованной женщины. Зрителем легко считывается этнографический тип модели, изображённой на фоне старинного караимского ковра – символа преемственности традиций.

В 1910–1911 гг. Борис Эгиз посетил караимские исторические и духовные центры Крыма, где создал несколько портретов местных жителей («Караимка с ребенком», «Караим с трубкой» и другие). В этой серии художник выступает в роли ученого-этнографа, тщательно прорисовывая детали национального костюма, аксессуаров, головных уборов, стремясь продемонстрировать традиционные антропологические типы. Такой же подход Б. Эгиз применил при написании картины «Караимская танцовщица» (1939, Литовский национальный музей). А. Шишман отмечает характерную черту: «На этой картине тщательно и детально изображены узоры тканей, что очень важно для музея в этнографическом плане» [цит. по: 4, с. 35].

В 1922 году Борис Эгиз эмигрирует в Турцию, Константинополь, затем в 1938 году – в Литву, город Вильно, где находится одна из самых многочисленных караимских общин. Здесь он создает серию портретов караимских деятелей – Серая Шапшала, караимского гахама, Марка Шапшала, старосты Бахчисарайской караимской общины, Самуила Пампулова, третьего караимского гахама и городского головы Евпатории (посмертный, написан с фотографии), Хаджи С. С. Бабовича, первого караимского гахама, филантропа, мецената и городского головы Евпатории (посмертный, выполнен по старому рисунку).

Квинтэссенцией караимского духа в творчестве Бориса Эгиза стал небольшой рисунок «Всадник около крепости Чуфут-Кале» (1920–1930). Это историческая жанровая сцена, представляющая образ караимского героя, восточного наездника.

В стремлении Бориса Эгиза к запечатлению традиционной культуры караимов, в создании галереи караимских типажей видно желание живописца быть полезным своему народу, что в определённой мере воплощает общественный идеал художника эпохи передвижничества. Интересно, что в целом для творчества Б. Эгиза эта черта не была свойственна, его страстью были женские портреты, в которых он обращал внимание на «изящество исполнения, освещения, формы», костюма [цит. по: 3, с. 58].

По-иному караимская культура отразилась у Михаила Казаса, творчество которого принадлежит искусству новой эпохи Серебряного века. Караимская культура в художественном сознании М. Казаса слилась со сказкой, мифом, библейским преданием. Она увидена художником как парафраз восточной сказки в широком ее понимании. Тенденция обращения к культурным корням через сказочность характерна для многих представителей русского «стиля модерн» («Царевна-Лебедь» и «Пан» М. Врубеля, иллюстрации Е. Поленовой, И. Билибина, творчество В. Васнецова).

М. Казас создает свою фантазию о восточном сказочном мире, который населяет всевозможными персонажами. В этом мире есть правители («Во дворе восточного владыки»), придворные и слуги («Девушка с подносом», «Мужчина с бубном»), звездочет, глашатай, гарем («Гетера», «Танцовщица и евнух»). Художник показывает нам экзотические интерьеры дворца, украшенного коврами, тканями и мягкими подушками, а за его пределами — кочевников в пустыне, ведущих караван из экзотических животных: верблюдов, слонов, леопардов («Шествие со слонами»,

«Шествие с гепардами»). Это созданный художником мир мечты, врубелевского «восторга».

В серии этих рисунков Михаил Казас разрабатывает декоративные возможности своего стиля: цвета, пятна, орнамента, линии. На отдельных листах художник изображает персонажей двора восточного владыки, занятых своими повседневными делами, и любовно выписывает их костюмы с шароварами, халатами, тюрбанами... М. Казас орнаментализирует восточную одежду узорами пейсли, кругами и овалами синих, бронзовых, красных цветов. Рисунки с восточными мотивами, выполненные акварелью и гуашью, показывают потенциал Михаила Казаса как художника-сценографа, вызывают в памяти образы театрального художника, ориенталиста Льва Бакста (театрократия была характерна для общества «Мир искусства», которым он увлекался), а также живописца Венского сецессиона Густава Климта.

В некоторых рисунках художник использует прием орнаментализации всего пространства, разлагая цветовую плоскость листа на отдельные пятна. При этом изображения фигур теряют объем и сливаются с плоскостью листа. Этот стилистический прием художник использует только в произведениях на темы Востока.

Наибольшую выразительность и символичность стиль художника приобретает в рисунках по мотивам «Песни песней» Соломона, в которой воспеваются возлюбленный и возлюбленная. В этом можно увидеть своеобразное воплощение доктрины караимизма – свободное толкование Священного Писания, несвязанное посторонними авторитетами. Без всякого сомнения, эти рисунки родились благодаря воспитанию в караимской семье. К этой же библейской книге, по свидетельству отца художника [5, с. 142], обращался просветитель Илья Ильич Казас, написавший к ней комментарий.

Эстетический и лирический характер библейского гимна любви, лишённого религиозной назидательности и догматизма, созвучны мироощущению художника. М. Казас десакрализирует образ Соломона, показывая прежде всего человечность библейской истории, ее земные стороны, эротизм.

Один из лучших рисунков серии, «Соломон и танцовщица», построен на контрасте танцующей обнаженной девушки и страдающей, надломленной фигуры Соломона. «Сильна, как смерть, любовь» (Песнь 8:6). Символическую нагрузку в этой композиции приобретает глубокий синий цвет, подчеркивающий нереальность пространства, восточную таинственность, «аффекты» чувств.

Особое место в творчестве Михаила Казаса занимают произведения, посвященные Мулле Насреддину, комическому фольклорному герою мусульманского и тюркского Востока, который был популярен и среди крымских караимов. Учитывая, что юмор и ирония занимали важное место в картине мира М. Казаса, внимание к этому народному персонажу говорит о его значении для художника.

М. Казас иллюстрирует анекдот о Мулле Насреддине «Это неспроста»: Мулла, решив подшутить над народом, столпившимся у чайханы, врёт о том, что пришел с поминального обеда, где раздают прекрасный плов. Услышав о поминках, все

бросились бежать туда, куда он указал. Мулла увидел, что все бегут, и сказал про себя: «Вдруг это и в самом деле так? Раз народ бежит, значит, неспроста». Подумав немного, он тоже побежал следом за всеми [6].

Этот комический сюжет, где герой одновременно и обманщик, и обманутый, художник последовательно разворачивает на четырех графических листах. Однако Михаил Казас представляет его не только в виде графической повести, но и в виде законченного панно (к которому также существует эскиз). Это был один из крупных замыслов в его творчестве, хотя часто мастер не ставил перед собой такую задачу, ограничиваясь рисунками и самим процессом творческой работы.

В панно, в отличие от рисунков, уже нет стремления рассказать историю и сюжет, оно выполняет главным образом декоративную функцию. Здесь художник приближает изображение к узору старого, выцветшего ковра: темно-синий контур дробит пространство на локальные плоскости приглушенных синих, желтых, красных цветов. На панно изображен бегущий Насреддин, который движется так быстро, что «догонит и перегонит толпу» [5, с. 55].

Можно заметить, что все восточные мотивы в творчестве Михаила Казаса объединяет их литературная подоплека: библейская Песнь, сказка, анекдот. В отличие от других художников конца XIX – начала XX веков, которые обращались к литературным темам в рамках книжной графики или как к источнику глубоких символических образов (как, например, М. А. Врубель), для Михаила Казаса литература являлась своего рода образом мышления. Прямой цели иллюстрирования и публикации его литературные сюжеты не имеют, часто они вне сюжета и отсылают не к конкретным строкам или событиям, а к общей поэтике произведения. Как одна из специфических черт казасовской индивидуальности отмечается слитность реального и литературного в его мировосприятии, когда «трудно установить, что является источником образов: реальность, литература или свободная фантазия художника» [7, с. 50]. Так, М. Казас строит свой рассказ о Мулле Насреддине как литературное произведение: сюжеты его рисунков включают завязку, кульминацию, сюжетный поворот и развязку.

Такое мировосприятие, не имеющее аналогов в художественной среде данного периода, имеет глубокие основания в словоцентризме караимской культуры, основанной на почитании священного текста Ветхого Завета (стоит вспомнить, что этноним караимов образован от древнееврейского глагола «кара» – читать, и «карай» – чтец). В начале XX века был практически потерян главный элемент религиозной культуры караимов – знание древнееврейского языка, необходимого для богослужения и чтения Ветхого Завета в оригинале, однако книжность и образованность не теряют своего значения. Отношение М. Казаса к литературе основано на той же значимости сакрального Слова.

Сравнивая жизненный и творческий путь художников Б. Эгиза и М. Казаса, можно увидеть две модели взаимоотношений художника и этноса в караимской культуре рубежа XIX–XX веков.

В отношении Бориса Эгиза к караимскому народу находят отражение идеалы общественного долга художника, характерные для поколения передвижников. А вот к образам Востока Михаила Казаса категории «ответственности», «долга»,

«полезности» неприменимы. Этому художнику была близка новая идея «свободного искусства», которой придерживались его кумиры из «Мира искусства». Как отмечает Г. Ельшевская, мирискусники первые в русском искусстве провозгласили свободу художника от пафоса долга (народу, обществу, культуре), утвердили «культ необязательности», утверждение, что «художник никому ничего не должен» [8]. Поэтому у Михаила Казаса мы не найдем исторических или жанровых картин, отражающих жизнь караимского народа. Художественное претворение своей «караимскости» происходит у художника ассоциативно, в результате свободной игры воображения, как воплощение «культурно-» и «эстетически-бессознательного».

Эти различия обусловлены не только разными индивидуальностями двух художников и отличиями художественных направлений, но отчасти и особенностями караимского общества конца XIX – начала XX веков. Борис Эгиз, происходивший из купеческой среды, был связан с ценностями традиционной культуры. В его творчестве отобразилось выраженное чувство общности с этносом, идея преемственности, морального долга. Михаил Казас, в свою очередь, происходил из среды прогрессивной караимской интеллигенции. Его отец владел десятью языками, помимо преподавательской деятельности занимался поэзией, переводами, писал научные статьи. Дядей художника был Илья Ильич Казас (1832–1912) – родоначальник караимской интеллигенции (как его описал газзан Б. С. Ильяшевич), выдающийся культурный деятель, просветитель, педагог, реформатор караимского и крымско-татарского образования. Караимская интеллигентная среда была либеральна, космополитична (в семье М. Казаса почитали в том числе русскую и украинскую культуры), боролась за культурное развитие, интеграцию и преодоление предрассудков. Либерализм этой части караимского общества нашел выражение в творчестве М. Казаса, который бескорыстно и свободно занимался искусством и самосовершенствованием, в своих произведениях обращался к культурам различных эпох и народов. Такое свободомыслие художника не вписывается в строгие рамки традиционной культуры и входит в противоречие с консервативными взглядами части караимства. Так, в 2012 году глава Духовного Правления крымских караимов В. Тирияки призывал заклеить рисунки М. Казаса в издании караимского светского календаря, так как там были изображены обнаженные тела (среди них, например, иллюстрация к сказке Г. Х. Андерсена «Голый король»), что, по его мнению, является «грубейшим оскорблением чувств верующих» [9].

Художники осмыслиют свое этническое происхождение согласно своим ценностям и идеалам. В противоположность реализму караимских сюжетов Бориса Эгиза, которые решали прежде всего познавательную задачу, М. Казас воплощает свою «караимскость» в красочных образах воображаемой восточной сказки. У Б. Эгиза обращение к караимской культуре более выражено тематически, у М. Казаса – стилистически, через декоративность цвета и орнамента.

Тем не менее, несмотря на всю несхожесть художников, общим для них обоих является ностальгическое чувство по караимскому прошлому, что выразилось в стремлении Б. Эгиза с этнографической точностью запечатлеть приметы

исчезающей эпохи и в образе Востока как «отзвука услышанной в детстве прекрасной сказки» [10, с. 21] у М. Казаса. В этом чувстве ностальгии проявилось то ощущение стремительных перемен, которые произошли в караимском образе жизни на глазах самих художников. Не зря самым ярким и запоминающимся образом караимского мастера Михаила Моисеевича Казаса стал бегущий Насреддин.

Список литературы

1. Кокизов Ю. Д. Караимы : Крат. ист. очерк / Сост. Ю. Д. Кокизов. – Санкт-Петербург : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900. – 36 с.
2. Коротко А. Ш. Транскрипция мысли: стихотворения / А. Ш. Коротко ; авторы статей: С. П. Папета, Р. Т. Подуфальный. – Симферополь : Таврия, 2002. – 216 с.
3. Акав Е. С. Караимские образы в творчестве художника Бари Эгиза / Е. С. Акав // Обсерватория культуры. – 2016. – № 1 (1). – С. 53–61.
4. Руткаускене Р. Бари Эгиз: жизнь и творчество // Бари Эгиз: живопись, рисунки : альбом / сост. С. Максэлиенэ. – Вильнюс, 2009. – 180 с.
5. Подуфальный Р. Литературные сюжеты М. Казаса / Р. Подуфальный // Материалы седьмых крымских искусствоведческих чтений. СХМ. – Симферополь: Таврида, 1999. – С. 48–59.
6. Анекдоты Моллы Насреддина. (Забавные поучительные рассказы, изречения, анекдоты). URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=129063> (Дата обращения: 15.08.2017).
7. Подуфальный Р. Т. Бытовой жанр М. Казаса / Р. Т. Подуфальный // Материалы восьмых крымских искусствоведческих чтений. СХМ. – Симферополь: Таврида, 2000. – С. 47–55.
8. Ельшевская Г. Русский модерн. URL: <http://arzamas.academy/materials/1201> (Дата обращения: 15.08.2017).
9. Кропотова Н. Собрание общества «Чокрак» в Симферополе: итоги, проблемы и задачи. URL: http://kale.at.ua/news/sobranie_obshestva_chokrak_v_simferopole_itogi_problemy_i_zadachi/2012-02-14-115 (Дата обращения: 15.08.2017).
10. М'якота І. В. Творчість Михайла Казаса у контексті естетичних та образно-стилістичних концепцій російського модерну / І. В. М'якота // Українська культура: минуле, сучасне, шляхи розвитку. – 2013. – Вип. 19(1). – С. 16–22.

Frashchenko D.V. The Karaite Culture in the Fine Arts: the Artists of the Turn of the XIX–XX Centuries Mikhail Kazas and Boris Egiz // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 136-144.

In this article, ethnic images are compared in the work of two Karaite artists of the late XIX – early XX centuries. Particular attention is paid to the works of the Crimean artist Mikhail Moiseyevich Kazas (1889–1918). The author pays attention to the prerequisites for the formation of professional artists among the Karaite ethnic group, the main stages of creative development Casas M. and B. Egiz, their place in the context of Russian art, the features of their individual style. Also, The author describes the images and stylistic features of two artists in context of their ethnic origins, compares their artistic tasks, shows relations between their creativity and education in various circles of the Karaite society of the late XIX – early XX centuries. Attention is drawn to the fact that the reason for the divergence of artists is primarily caused by the difference in values and social ideals characteristic of different social strata of the Karaite ethnos, as well as artistic trends and styles of the turn of the XIX – XX centuries. Based on the research of the works of B. Egiz and M. Kazas, the author demonstrates two opposite models of relations between the artist and the ethnos: relations based on responsibility and duty (in the older generation), and an independent model of relations (among younger contemporaries). The article also reveals the different types and forms of embodiment of the ethnic roots in the visual arts: thematic and stylistic; Realistic and fabulous, based on creative imagination; Direct mapping and expression on the archetypal, unconscious level. The general features of the artistic interpretation of the Karaite culture that reflect the attitude of the Karaites of the historical period.

Key words: M. Kazas, B. Egiz, Karaite culture, ethnic origin, professional art.

References

1. Kokizov Yu. D. Karaimy: Krat. ist. Ocherk [Karaites: A Brief Historical Essay]. Sankt-Peterburg, "V.S. Balashev i K^o", 1900, 36 p.
2. Korotko A. Sh. Transkriptsiya mysli: stikhotvoreniya [Transcription of Thought: Poems]. Simferopol', Tavriya, 2002, 216 p.
3. Akav E. S. Karaimskie obrazy v tvorchestve khudozhnika Bari Egiza [Karaites Images in the Works of the Artist Bari Egiz]. Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture], 2016, № 1 (1), p. 53–61.
4. Rutkauskene R. Bari Egiz: zhizn' i tvorchestvo [Bari Egiz: Life and Creativity]. Bari Egiz: zhivopis', risunki: al'bom [Bari Egiz: painting, drawings: album], Vil'nyus, 2009, 180 p.
5. Podufalyi R. Literaturnye syuzhety M. Kazasa [Literary Themes of M. Kazas]. Materialy sed'mykh krymskikh iskusstvovedcheskikh chtenii. SKhM. [Materials of the seventh Crimean art history reading. Skhm], Simferopol', Tavrida, 1999, p. 48–59.
6. Anekdoty Molly Nasreddina. (Zabavnye pouchitel'nye rasskazy, izrecheniya, anekdoty). [The Anecdotes Of Mullah Nesreddin. (Funny, instructive stories, sayings, anecdotes)]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=129063> (Accessed: 15 August 2017).
7. Podufalyi R. T. Bytvoi zhanr M. Kazasa [The Domestic Genre of M. Kazas]. Materialy vos'mykh krymskikh iskusstvovedcheskikh chtenii. SKhM. [Materials of the eighth Crimean art criticism readings. SKhM], Simferopol', Tavrida, 2000, p. 47–55.
8. El'shevskaya G. Russkii modern [Russian Modern]. URL: <http://arzamas.academy/materials/1201> (Accessed: 15 August 2017).
9. Kropotova N. Sobranie obshchestva «Chokrak» v Simferopole: itogi, problemy i zadachi [Meeting of the Society "Chokrak" in Simferopol: Results, Problems and Tasks]. URL: http://kale.at.ua/news/sobranie_obshhestva_chokrak_v_simferopole_itogi_problemy_i_zadachi/2012-02-14-115 (Accessed: 15 August 2017).
10. M'yakota I. V. Tvorchist' Mikhaila Kazasa u konteksti esteticnikh ta obrazno-stilistichnikh kontseptsii rosiis'kogo modern [The Work of Mikhail Kazas in the Context of Aesthetic and Figuratively-Stylistic Concepts of Russian Modern Art]. Ukraïns'ka kul'tura: minule, suchasne, shlyakhi rozvitku [Ukrainian culture: past, present, ways of development], 2013, Vip. 19 (1), p. 16–22.

УДК 008: (821.112.2+78)

ВЛИЯНИЕ НОВОЙ ВЕНСКОЙ ШКОЛЫ НА ТВОРЧЕСТВО Т. МАННА

Элькан О. Б.

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: elkanolga@gmail.com

Статья продолжает ряд публикаций, посвященных исследованию особенностей музыкально-литературного синтеза в «интеллектуальном» и «философском» романе Томаса Манна – «Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом». Анализируя «литературно-музыкальные» эксперименты в творчестве крупного немецкого писателя XX века, автор статьи выясняет, какое влияние оказали «постромантики» и Новая венская школа на творчество Т. Манна, и в силу каких внутренних и внешних причин персонаж Манна Леверкюн воплотил в себе «сгущение» (термин Фрейда) трех таких разных образов, как гениальный композитор и реформатор музыки, поэт и драматург, самобытный философ Рихард Вагнер, постромантик Густав Малер и крупнейший представитель музыкального экспрессионизма, основоположник новой венской школы, автор додекафонии и серийной техники Арнольд Шенберг. При этом автор обнаруживает ориентацию писателя на вагнеровский Gesamtkunstwerk (тотальное художественное произведение), один из самых известных концептов в области «синтеза искусств», суть которого заключается в объединении различных видов и «сред» искусства, в попытке всемерной интеграции, максимально близкой к традиционно сложившимся представлениям о «всеобщности», об общей исторической судьбе человечества и об объединяющих всё человечество проблемах и перспективах.

Ключевые слова: Т. Манн, синтез искусств, игра в бисер, литература, музыка, А. Шенберг, додекафония.

Проблема синтеза искусств, в том или ином виде, традиционно стояла «на повестке дня» немецкой культуры. Большой вклад в ее исследование внес представитель немецкой классической литературы – Гете, значение которого для развития немецкоязычной культуры в целом трудно переоценить. Интересно, что представления Гете о возможном синтезе искусств «вырастают» из его естественнонаучных штудий: Гете провозглашает существование природного Urphänomen («прафеномена», аналог «первоэлемента» ионийской натурфилософии), воплощающего естественный идеал единства и красоты, в соответствии с которым отдельные элементы формируют единую систему как в мире природы, так и в художественном творчестве.

Именно в немецкоязычном мире искусства и науки эта проблематика находит особенно активных исследователей, начиная с романтической традиции (Ф. В. Й. Шеллинг, Ф. Шлегель), представители которой оказали огромное влияние на дальнейшее развитие данной тенденции; следующим «звеном» выступает здесь

Рихард Вагнер, который, по словам Е. Мелетинского, перебросил мост от романтического мифологического мирозерцания к модернистскому [1, с. 291].

Научная рецепция «всеобщего» культурного синтеза, включающего в себя также и синтез искусств и наук, оказывается возможной, в сущности, лишь в рамках таких формирующихся в XX веке направлений, как информатика, синергетика, термодинамика открытых систем, структурализм, семиотика и т. д. Однако специфика именно этого направления состоит в том, что в достаточно оформленном виде сама концепция была сформулирована не в научном труде, а в литературно-художественном произведении – в романе «Игра в бисер» Германа Гессе, опубликованном в 1943 г. Не случайно фактически все авторы, в том числе авторы академических работ, разрабатывавшие после Г. Гессе эту тему, очень часто использовали и используют для ее обозначения именно введенный немецким писателем термин «игра в бисер».

«Литературно-музыкальный синтез» в романе друга и соратника Гессе Томаса Манна «Доктор Фаустус», написанном практически одновременно с «Игрой в бисер», также привлек внимание немалого числа ученых – С. К. Апта [2], Т. Л. Мотылевой [3], А. Габричевского [4], А. А. Федорова [5], Т. Н. Левова [6], Т. В. Иванчиковой [7], Дж. Ф. Фетцера [8], К. Дж. С. Пикара [9], К. Маттиаса [10]; из современных исследований следует назвать работы О. В. Тимашевой [11], А. В. Синева [12], С. Ф. Рябцевой [13], А. Г. Аракеляна [14].

В более ранней статье «Музыкальные источники “Доктора Фаустуса” Т. Манна: Р. Вагнер как прототип Леверкюна» [15] мы уже провели сравнительный анализ творческих биографий главного героя романа, композитора-реформатора Адриана Леверкюна и другого композитора-реформатора – Рихарда Вагнера, убедившись в значительной схожести этих биографий. Теперь перед нами встает задача выявить других прототипов Леверкюна. Для этого требуется, в частности, определить влияние на творчество писателя представителей музыкального экспрессионизма Новой венской школы, главным образом ее основателя Альфреда Шенберга (1874–1951). Шенберг, сам испытавший серьезное влияние Р. Вагнера, был создателем додекафонной и «серийной» музыки, авторство которой в романе Манна приписывается Леверкюну. Таким образом, именно Шенберг выступает как еще один «неназванный прототип» Леверкюна.

Важная роль при написании «Доктора Фаустуса» отводилась и еще одному видному представителю «нововенцев» – немецкому социологу и теоретику музыки Теодору Адорно (1903–1969). Адорно, в качестве социолога, представляет также Франкфуртскую школу «фрейдомарксизма». Томас Манн, видевший будущее за Фрейдом, тоже склонялся скорее к «левому» политическому флангу – как и большинство окружавших его людей; как в 1933 он бежал из нацистской Германии, так и позднее ему пришлось покинуть США в связи с развязавшейся там маккартистской антикоммунистической «охотой на ведьм». Помимо схожих социально-политических воззрений, Манна и Адорно объединяла общая любовь к Фрейду и к музыке, особенно к Густаву Малеру, глубоким и авторитетным знатоком и исследователем творчества которого был Адорно; в целом же писателя особенно восхищала высочайшая его эрудированность в музыкальной сфере как

таковой: «...Его знание наследия, его владение всей сокровищницей музыки поистине беспримерно. Одна американская певица, сотрудничающая с ним, сказала мне: “Это невероятный человек. Нет ни одной ноты на свете, которой бы он не знал”» [16, с. 18]. Судя по всему, прообразом Кречмара, учителя Леверкюна в романе, также поражающего колоссальной музыкальной эрудицией, был именно Адорно.

В процессе «музыкального образования» Томаса Манна Адорно сыграл даже большую роль, чем Шенберг; Манн фактически брал у него уроки музыкальной теории. «Я чувствовал, – вспоминал писатель, – что мне нужна помощь извне, нужен какой-то советчик, какой-то руководитель, с одной стороны, компетентный в музыке, а с другой стороны, посвященный в задачи моей эпопеи и способный со знанием дела дополнять мое воображение своим...» [16, с. 16–17].

Таким советчиком и руководителем и стал для него Адорно. Он же первым прислал ему рукопись статьи, сразу поразившей писателя своей «“подходящостью” — она поразительно соответствовала сфере моего романа, — была посвящена в основном Шенбергу, его школе и его двенадцатитоновой технике. Не оставляя никаких сомнений в проникновенном понимании автором всей значительности Шенберга, эта статья вместе с тем подвергает глубокой и дальновидной критике его систему <...> Описание серийной музыки и критика ее в том виде, как они даны в диалоге XXII главы “Фаустуса”, основаны целиком на анализах Адорно...» [16, с. 18].

Манн, с профессиональной помощью Адорно, ищет собственные пути воплощения идеи литературно-музыкального синтеза, основным механизмом достижения которого выступает «заимствование эстетических принципов композиторов, оригинальная литературная адаптация их творческих установок» [11, с. 18]. Помимо того, что музыка «звучит» буквально на каждой странице романа, даже один из главных его литературных мотивов – «мотив бабочки» – оказывается одновременно и мотивом собственно-музыкальным: это – мотив из 5 нот *h e a e e* (си-ми-ля-ми-миб), постоянно используемый Леверкюном в своих музыкальных произведениях и столь же постоянно упоминаемый рассказчиком Цейтбломом. В этом пятизвучном мотиве, средствами музыкальной риторики, Леверкюн «зашифровывает» название одного из видов бабочек – *Hetaera esmeralda*. Эсмеральда – имя «гетеры», встреча с которой оказалась роковой для Адриана и привела его в итоге к краху и безумию. Посвященный ей мотив не только постоянно «аккомпанирует» мучительным мыслям героя, но и столь же постоянно, в тех или иных вариациях, присутствует в его музыкальных произведениях. Именно это непрерывающееся варьирование нескольких конкретных музыкальных звуков, по замыслу автора, приводит его героя к созданию 12-тонной «додекафонной» системы, реальным автором которой был Шенберг, и подробное объяснение которой Леверкюном приводится в той самой XXII главе «Доктора Фаустуса», на которую ссылается Манн в приведенной выше цитате. Звуков в додекафонной системе уже не пять, а двенадцать – однако принципы их сочетания и комбинирования были разработаны Леверкюном именно на основе сочетания и комбинирования пяти звуков «мотива бабочки».

Однако роль культурного синтеза в романе Манна отнюдь не сводится только к постоянному «звучанию» на его страницах музыки (пусть и виртуозно воспроизводимой вербальными, литературными средствами) или к новаторской композиторской технике, положенной в основу сюжета и ставшей его лейтмотивом. Манн создает также некий культурный феномен, базирующийся как раз на воплощении им идеи музыкально-литературного синтеза: с периода, когда «Доктор Фаустус» обрел огромную популярность в кругах западной интеллигенции, никогда не существовавшие музыкальные произведения никогда не существовавшего композитора воспринимаются в этих кругах уже почти как «реальные» образцы современного музыкального искусства, «реальные» шедевры современной немецкой и мировой культуры. Мы вполне солидарны с мнением В. Овсянникова, который, представляя их слушателям в просветительском видеопроекте «Магия музыки», говорит о них как о «величественных музыкальных произведениях, порожденных исключительно фантазией литератора. О великих музыкальных произведениях, которые в каком-то смысле стали частью истории музыки, но которые никогда не звучали на сцене – и никогда на сцене не прозвучат...». «Я имею в виду, – уточняет он, – творения великого композитора-модерниста начала XX века Адриана Леверкюна, героя знаменитого романа немецкого писателя Томаса Манна “Доктор Фаустус”...» [17]).

Большинство профессиональных музыкантов встретили появление додекафонии достаточно настороженно в связи с ее (в некотором смысле только кажущейся) простотой: и впрямь может показаться, что композитор, используя серийную технику, вообще не нуждается ни в особых способностях, ни во вдохновении – его работа в глазах многих критиков додекафонного подхода стала скорее сродни работе строителя, собирающего здание из готовых блоков. Определенный смысл эти критические замечания имеют: «... Двенадцатитоновая техника действительно заключает в себе немалую опасность для композитора. В моменты слабости даже сильная творческая воля способна оказаться во власти иллюзии, будто точным следованием правилам додекафонии сама собой достигается художественная ценность <...>. Пожалуй, и самому Шенбергу не всегда удавалось полностью избежать этой опасности» [18, с. 583]. Все же лучшие произведения нововенцев продемонстрировали как раз высокий творческий и – особенно – «упорядочивающий» потенциал данного подхода, «что говорит о строгом контроле художественной воли над конструированием музыки» [18, с. 583]. Людям же, знакомым с теорией музыки лишь постольку-поскольку – притом, естественно, с классической теорией, имеющей дело с традиционными ладотональными построениями, – даже простое понимание принципов, лежащих в основе совершенно другой системы, может показаться поначалу слишком сложным. Томас Манн принадлежал именно к этой категории любителей музыки. «Удивительно много хлопот, – признается он, – доставила мне музыкальная техника, овладеть которой я безусловно обязан был хотя бы настолько, чтобы специалисты (а нет специальности, оберегаемой более ревниво) не стали надо мной издеваться...». И далее продолжает: «А между тем в дневнике есть такое признание: “Изучение музыкальной техники пугает меня и вызывает у меня скуку...”» [6, с. 16].

Тем не менее, Манн показал себя способным учеником, добившись с помощью Адорно и самого Шенберга блестящего выполнения стоящей перед ним задачи: базовые принципы додекафонии и серийной техники изложены им (в романе – Адрианом Леверкюном) точно, четко, довольно подробно и весьма художественно.

Однако, несмотря на это – или даже, может быть, как раз в связи с высокой точностью описания в романе додекафонии как изобретения Адриана Леверкюна, – истинный ее создатель вовсе не был польщен или обрадован такой «рекламой». Как известно, Шенберг в довольно резкой форме потребовал у писателя публично признать его право на «духовную собственность» на додекафонную систему, в связи с чем Манн был вынужден сделать специальную приписку к уже готовому тексту романа, без которой он уже никогда не публиковался:

«Нелишне уведомить читателя, что манера музыкальной композиции, о которой говорится в главе XXII, так называемая двенадцатизвуковая, или серийная, техника в действительности является духовной собственностью современного композитора и теоретика Арнольда Шенберга и в некоей идеальной связи соотносена мною с личностью вымышленного музыканта – трагическим героем моего романа. Да и вообще многими своими подробностями музыкально-теоретические разделы этой книги обязаны учению Шенберга о гармонии» [16, с. 638].

И лишь позднее, уже в «Романе одного романа», автор позволил себе высказать собственную досаду по данному поводу: «... В сфере моей книги, этого мира дьявольской сделки и черной магии, идея двенадцатитоновой техники приобретает такой оттенок, такой колорит, которого у нее – не правда ли? – вообще-то нет и который в известной мере делает ее поистине моим достоянием, то есть достоянием моей книги. Идея Шенберга и мой особый её поворот настолько несхожи, что, помимо всяких соображений стилистического единства, мне было бы просто обидно назвать его имя в тексте...» [16, с. 15].

Однако корень проблемы, скорее всего, следует искать не в сфере авторских прав, интеллектуальной собственности и пр. – или уж не только в этой сфере. Арнольд Шенберг был уже давно знаменит, и знаменит главным образом именно как творец додекафонии и сериализма; этот его статус уже никак не смог бы поколебать вымышленный литературный персонаж. (Тем паче персонаж, за вымышленным образом которого все, сколько-нибудь разбирающиеся в теме, сразу разглядели реального создателя додекафонной техники – *О. Э.*). Протест Шенберга направлен в первую очередь как раз против подобного отождествления его самого с «этим миром дьявольской сделки и черной магии»; ведь действительно в романе «идея двенадцатитоновой техники приобретает такой оттенок, такой колорит, которого у нее вообще-то нет» – и наверняка, по мнению ее создателя, быть не может и не должно. Шенберг попросту не желает быть «трагическим героем» чьего бы то ни было романа. В конце концов, творческие натуры часто склонны к суевериям. (Вспомним Густава Малера, опасавшегося дать симфонии 9-й номер, поскольку Девятые оказались «роковыми» для Бетховена и Брукнера; да и сам Шенберг был известен, например, своей трискайдекафобией, т. е. боязнью числа 13 – и, по иронии судьбы, действительно умер в пятницу 13-го: 13 июля 1951 г. ... [19, р. 9]).

Что же заставило Манна в определенной степени «примерить» судьбу «трагического героя» на собственного друга? Было ли это невинным и не имеющим под собой никакой глубинной подоплеки дружеским подшучиванием – каким, видимо, всё-таки стоит считать смерть Магистра Игры Томаса фон дер Траве у Гессе, в то время как его прототип и протоним, друг Гессе Томас Манн, был жив и здоров (может, в этом кругу подобные забавы вообще были в порядке вещей)?..

Обратимся вновь к Вагнеру и «Фаусту». Замысел «Доктора Фаустуса» зрел десятки лет, на протяжении которых Манн был страстным поклонником Вагнера. Не будучи в состоянии принять ту роль, которую его кумир сыграл в роковом процессе «нацизации» их общей родины, писатель точно так же не в состоянии был отказаться от страстной любви к его творчеству. О двойственном отношении Манна к Вагнеру уже писали не раз – но следует особо иметь в виду, насколько важной казалась эта проблема самому Манну и как эта двойственность мучила его. Напомним, что еще в процессе работы над романом он имел возможность ознакомиться с опубликованным текстом «Игры в бисер» Гессе – несложно представить, как подействовала на него изложенная Гессе китайско-касталийская концепция «музыки гибели» («начало» которой касталийцы относят ко временам позднего Бетховена с его мощью и страстью; и, хотя имени Вагнера Гессе не называет, Манн, конечно же, ясно понимал, кого в первую очередь имеет в виду его друг). Доктор Фауст для него – это в первую очередь его возлюбленный Вагнер, гений и реформатор, «продавший душу» силам зла, одолевшим в итоге Германию и едва не погубившим мир.

В данном случае мы имеем дело с классическим случаем фрейдовской «проекции»: трагическую (в исторической перспективе) фигуру Вагнера Манн проецирует на образ Адриана Леверкюна – в конечном же счете на ещё одного, уже современного ему гения-реформатора – Шенберга, на всех нововенцев, на всю «новую» музыку. Он не любит её, но она вызывает его острый интеллектуальный интерес; он почти готов услышать в ней ту «музыку гибели», о которой говорили китайцы и касталийцы.

Всем известно, как часто в культуре – как и вообще в любой деятельности – необходимость создания чего-то действительно нового вызывает тесно связанную с ней необходимость разрушения старого; это положение стало уже почти общим местом – особенно с тех пор, как французский философ Жак Деррида ввел в обиход понятия «деконструкция» и «деконструктивизм», восстав против глобальной «метафоричности» современного мира (под которой он понимал навязывание смысла произвольных интерпретаций в качестве «прописных истин», обязательных для каждого) и призывая «деконструировать» эту метафоричность до тех же самых «простых», основных, системообразующих форм. Фактически то же самое мы видим и на примере шенберговской додекафонии.

Однако здесь существует тонкий момент, важность которого иногда упускается из виду, поскольку мы слишком привыкли отождествлять понятия «исторический процесс» и «прогресс»; мы почти заворожены этим отождествлением. Понятно, что разрушение «старого» во имя созидания «нового» не может обойтись без издержек (как говорят в народе, «лес рубят – щепки летят»); но всегда ли оправданы эти

издержки – или, может быть, в каких-то конкретных обстоятельствах они перевешивают потенциальные достижения? И если так, возможно ли ещё на стадии, предшествующей «деконструкции» морально устаревшего материала, предвидеть и просчитать возможные издержки? – Такими вопросами задаётся, например, крымский исследователь А. Д. Шоркин в своей работе, посвященной феномену «культурных деструкций» [20, с. 269–294].

«Чтобы построить новое, – пишет автор, – старое, как известно, приходится частично разрушать. Данная затертая банальность, однако, парадокса вовсе не снимает. Ибо остается не проясненным вопрос о том, насколько компенсируют полученные приобретения – понесенные утраты, стоила ли игра свеч? Если «игра» уже состоялась и инновация начала свое вхождение и вращение в тело культуры, то какими культурными издержками (деструкциями как нарушениями прежней структуры) за неё еще придется заплатить? Калькуляция эта, однако, дело не простое, а вначале и вовсе почти невозможное. Ибо ни одна из инноваций никогда не предъявляет к культуре сразу полного “счета”: масштабы вызванных ею культурных деструкций выясняются только со временем и зачастую оказываются гигантскими. Конечно, интересно и даже нужно, предвкушая результаты, подсчитывать дивиденды, которые принесет с собой инновация. Но ещё важнее вовремя предусмотреть, какие издержки с ней связаны, предвидеть те грядущие деформации культуры, к которой мы привыкли и которую пока считаем нормальной. То, что вначале приходит на тихих кошачьих лапках, впоследствии способно обрести сокрушающую грацию слона, оказавшегося в посудной лавке...» [20, с. 269–294].

Мы позволили себе столь пространную цитату, поскольку она очень точно передает самую суть описанной выше ситуации. Томас Манн, как и тысячи его соотечественников, имел возможность лишь «задним числом» оценить масштабы «культурной деструкции», связанной с политически-идеологической вагнеризацией Германии. Теперь, проецируя образ Вагнера на современное ему новое, реформаторское искусство, он бессознательно пытается, выражаясь словами А. Д. Шоркина, «предвидеть те грядущие деформации культуры, к которой мы привыкли и которую пока считаем нормальной» – и, возможно, постараться предотвратить их либо хотя бы успеть предупредить о грядущей опасности.

А. Д. Шоркин выделяет 3 стадии «внедрения» инноваций в культурный процесс: 1) уже упомянутая стадия «бархатных лапок»; 2) стадия «кукушонка» («теперь инновации пытаются выкинуть из общего и недавно чужого для них “гнезда культуры” всех мешающих ему прежних его обитателей») и, наконец, 3) стадия «кота Леопольда» («Ребята, давайте жить дружно!»: «инновация усмиряется, входит в новый баланс с традиционным наследием, и тогда возникает новая стабильность») [20, с. 272]. Сегодня уже можно констатировать, что «серийная» музыка благополучно дожила до кульминационного этапа, заняв достойное место в общемировом музыкальном поле и не вызвав притом сколько-нибудь значительных «культурных деструкций», которые могли бы перекрыть ее достижения. Произведения Арнольда Шенберга, Антона Веберна, Альбана Берга и других нововенцев имеют теперь если не массовую, то во всяком случае весьма обширную

аудиторию, в том числе и в России; издаются значительными тиражами; исполняются в лучших концертных залах мира.

Мы можем сделать следующие **выводы**.

1. Музыкально-литературный синтез в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» представляет собой развитие общей устремленности к синтезу, традиционно характерной для немецкой культуры. Специфика воплощения этого стремления Т. Манном заключается, в частности, в творческой переработке эстетических и музыкально-теоретических принципов композиторов, выбранных им на роль «прототипов» главного героя, в использовании этих принципов в качестве основы развития сюжетной линии. В результате литературный текст, с одной стороны, вербализует постоянно «звучащую» в нем музыку, с другой же – обретает черты трактата по теории музыки.

2. Основным теоретическим источником для Манна стала теория додекафонной композиции, изобретенной создателем Новой венской школы А. Шенбергом; сам Шенберг оказывается, таким образом, главным прототипом Адриана Левекюна, произведения которого так детально и почти профессионально описываются на всем протяжении романа, что это создает особый культурный феномен – эффект «реальности» как композитора, так и описываемых произведений, воспринимаемых уже как действительно существующие шедевры современной немецкой и мировой музыкальной культуры.

3. Манн интересовался формальными экспериментами нововенцев, но не был поклонником их музыки. Мы полагаем, что, сделав собственного близкого друга (А. Шенберга) прототипом героя со столь трагической судьбой, автор – сознательно или бессознательно – выразил беспокойство по поводу деструктивного потенциала культурных экспериментов. По нашему мнению, тем самым Манн проецирует (во фрейдовском смысле) на Шенберга судьбу идей другого реформатора музыки – глубоко почитаемого им Р. Вагнера, творческое наследие которого активно использовала в своих целях гитлеровская пропаганда.

Список литературы

1. Мелетинский Е. Поэтика мифа / Е. Мелетинский. – М.: Наука, 2000. – 407 с.
2. Апт С. Томас Манн / С. Апт. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 88 с.
3. Мотылева Т. Л. Томас Манн и русская литература / Т. Л. Мотылева. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
4. Габричевский А. Примечания // Манн Т. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 5. – М.: Манн Т. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. / Пер. с нем. Под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. – ГИХЛ, 1960. – С. 663–694.
5. Федоров А. А. Концепция музыки Рихарда Вагнера у Томаса Манна / А. А. Федоров // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1977. – Т. 36. – №4. – С. 325–337.
6. Левая Т. Н. Музыкальная проблематика в «Докторе Фаустусе» Томаса Манна / Т. Н. Левая // Современное западное искусство XX век: проблемы комплексного изучения. АН СССР. ВНИИ искусствознания МК СССР, отв. ред. Б. И. Зингерман. – М.: Наука, 1988. – С. 37–70.
7. Иванчикова Т. В. Синтез музыки и слова в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» / Т. В. Иванчикова // Вопросы взаимовлияния литератур. Межвузовский сборник. / Ред. И. К. Полуяхтова, Т. А. Шарыпина и др. – Нижний Новгород, 1997. – С. 102–109.
8. Fetzer J. F. Music, Love, Death and Mann's Doctor Faustus (Studies in German Literature Linguistics and Culture). Camden House, 1990.

9. Picar C. J. S. Thomas Mann and Friedrich Nietzsche: Eroticism, Death, Music, and Laughter. – Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1999. 164 pp.
10. Matthias K. Die Musik bei Thomas Mann und Hermann Hesse : eine Studie über die Auffassung der Musik in der modernen Literatur. – Universität Kiel, 1956. 116 S.
11. Тимашева О. В. Жан-Кристоф и Адриан Леверкюн (симфонизм и музыкальные знаки романической формы) / О. В. Тимашева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008. – № 1. – С. 16–26.
12. Синяя А. В. Принципы музыкальной организации романной прозы XX века (Т. Манн «Доктор Фаустус», Дж. Джойс «Улисс», У. Р. Олдингтон «Смерть героя»): дисс. ... канд. филол. наук / Альвина Валериевна Синяя. – СПб., 2008. 167 с.
13. Рябцева С. Ф. «Апокалипсис» А. Леверкюна в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» С. Ф. Рябцева // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. – 2013. – № 2 (27). – С. 256–261.
14. Аракелян А. Г. Музыка и немецкий роман первой половины XX века (Т. Манн, Г. Гессе, Ф. Верфель) / А. Г. Аракелян // Вестник Университета Российской академии образования. – 2014. – № 1 (69). – С. 72–77.
15. Элькан О. Б. Музыкальные источники «Доктора Фаустуса» Т. Манна: Р. Вагнер как прототип Леверкюна / О. Б. Элькан // Вестник Московского государственного университета культуры. – 2016. – № 2 (70). – С. 113–120.
16. Манн Т. История «Доктора Фаустуса»: Роман одного романа // Т. Манн. Собрание сочинений в 10 тт. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – Т. 9. – 683 с.
17. Овсянников В. Модернизм в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»: осуждение или апология? / Проект «Магия музыки» [Видео] [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sHcb071O4Ww>
18. История зарубежной музыки. Вып. 6 (начало XX века – середина XX века) / Общ. ред. В. В. Смирнова. – СПб: Композитор, 2001. – 632 с.
19. Johnson V.A. Training the Composer: A Comparative Study Between the Pedagogical Methodologies of Arnold Schoenberg and Nadia Boulanger. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 235 pp.
20. Шоркин А. Д. Информационные технологии как фактор культурных деструкций / А. Д. Шоркин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2015. – Том 27 (66). – №3. – С. 269–294.

Elkan O. B. The Influence of the New Vienna School on the Work of Thomas Mann // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 145-155.

Contemporary socio-cultural processes in the world demonstrate a pronounced trend towards comprehensive integration. The German composer, conductor and theorist of art, the major reformer of Opera Richard Wagner was the first who brought the topic of synthesis of arts and synesthesia of the artwork perception to the high level of theoretical generalization. The Wagner's concept Gesamtkunstwerk is based on the general idea of synesthesia in human perception, the appeal to the catharsis and transformation of the social order. The idea of Gesamtkunstwerk had a significant influence on German culture, especially the culture of music and spread in the scientific works and artistic heritage of German postromantic and representatives of the New Vienna school.

The article continues the series of publications devoted to the study of the peculiarities of musical and literary fusion in the "intellectual" and "philosophical" novel of Thomas Mann – "Doctor Faustus: The Life of the German Composer Adrian Leverkühn, Told by a Friend".

By analyzing the "literary-musical" experiments in the work of a major German writer of the twentieth century, the author finds some internal and external grounds of the main character Leverkühn – his prototypes: a brilliant composer and music reformer, poet and playwright, an idiosyncratic philosopher Richard Wagner, postromantic Gustav Mahler and the largest representative of the musical expressionism, founder of the New Vienna school, author of the dodecaphony and serial technique Arnold Schoenberg.

Key words: T. Mann, synthesis of arts, game of beads, literature, music, A. Schoenberg, dodecaphony.

References

1. Meletinskii E. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 407 p.
2. Apt S. Tomas Mann. Moscow, Molodaya gvardiya [Young Guard], 1972, 88 p.
3. Motyleva T.L. Tomas Mann i russkaja literature [Thomas Mann and Russian literature]. Moscow, Znanie [Knowledge], 1985, 64 p.
4. Gabrichevskij A. Primechanija [Notes] // Mann T. Sobranie sochinenij v 10-ti tt. T. 5. [Complete works in 10 vols. vol. 5] Moscow: Pod redakciej N.N. Vil'monta i B.L. Suchkova [Edited by N. N. Wilmont and B. L. Suchkov]. Perevod s nemeckogo [Translated from the German]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury [State publishing house of artistic literature]. Pp. 663–694.
5. Fedorov A.A. Koncepcija muzyki Riharda Vagnera u Tomasa Manna [The concept of the music of Richard Wagner, Thomas Mann] // Izvestija Akademii nauk SSSR [Tidings of the Academy of Sciences of the USSR]. Serija literatury i jazyka [Series of literature and language]. 1977. T. 36. № 4. C. 325–337.
6. Levaja T.N. Muzykal'naja problematika v «Doktore Faustuse» Tomasa Manna [Musical issues in 'Doctor Faustus' by Thomas Mann] // Sovremennoe zapadnoe iskusstvo XX vek: problemy kompleksnogo izuchenija [Contemporary Western art of the twentieth century: problems of complex study]. AN SSSR [Academy of Science]. VNII iskusstvovoznaniya MK SSSR [All-Union scientific research Institute of art studies, Ministry of Culture USSR], otvetstvennyj redaktor B.I. Zingerman [Executive editor of I. B. Zingerman]. Mocs., 1988. p. 37–70.
7. Ivanchikova T.V. Sintez muzyki i slova v romane T. Manna «Doktor Faustus» [The synthesis of music and words in the novel of T. Mann "Doctor Faustus"] // Voprosy vzaimovlijanija literatur Mezhvuzovskij sbornik. Red. Polujahtova I.K., Sharypina T.A. i dr. [Ed. Polujahtov I. K., T. A. Sarapin etc.]. Nizhnij Novgorod, 1997. S. 102–109.
8. Fetzer J.F. Music, Love, Death and Mann's Doctor Faustus (Studies in German Literature Linguistics and Culture). Camden House, 1990. 152 p.
9. Picar C.J.S. Thomas Mann and Friedrich Nietzsche: Eroticism, Death, Music, and Laughter. Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1999. 164 p.
10. Matthias K. Die Musik bei Thomas Mann und Hermann Hesse: eine Studie über die Auffassung der Musik in der modernen Literatur. Universität Kiel, 1956. 116 S.
11. Timasheva O.V. Zhan-Kristof i Adrian Leverkjun (simfonizm i muzykal'nye znaki romanicheskoy formy) [Jean-Christophe and Adrian A. Leverkühn (the Symphony and musical signs romantic shape)] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Moscow city pedagogical University.]. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie [Series: Philology. The theory of language. Language education.]. 2008. № 1. Pp. 16–26.
12. Sinjaja A.V. Principy muzykal'noj organizacii romannoju prozy XX veka (T. Mann «Doktor Faustus», Dzh. Dzhos «Uliss», U, R. Oldington «Smert' geroja»): diss. ... kand. filol. nauk / Al'vina Valerievna Sinjaja. St-Petersburg, 2008. 167 p.
13. Rjabceva S.F. «Apokalipsis» A. Leverkjuna v romane T. Manna «Doktor Faustus» ["Apocalypse" of A. Leverkühn. in the novel of T. Mann "Doctor Faustus"] // Vestnik Kuzbasskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoy akademii [Bulletin of the Kuzbass state pedagogical Academy]. 2013. № 2 (27). p. 256–261.
14. Arakeljan A.G. Muzyka i nemeckij roman pervoj poloviny XX veka (T. Mann, G. Gesse, F. Verfel') [Music and German novel for the first half of the twentieth century (Th. Mann, H. Hesse, Fr. Werfel)] // Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija [Bulletin of Russian Academy of education]. 2014. № 1 (69). p. 72–77.
15. El'kan O. B. Muzykal'nye istochniki «Doktora Faustusa» T. Manna: R. Vagner kak prototip Leverkijuna [Musical Sources of “Doctor Faustus” of Thomas Mann: Richard Wagner as Leverkühn's Prototype]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2016. № 2 (70) 6 z. 113–120.
16. Mann T. The History of “Doctor Faustus”: Novel of a Novel [Collected works in 10 volumes]. Moscow, State publishing house of artistic literature, 1960. Vol. 9, 683 p.
17. Ovsjannikov V. Modernizm v romane Tomasa Manna «Doktor Faustus»: osuzhdenie ili apologija? [Modernism in the novel of Thomas Mann's "Doctor Faustus": a condemnation or apology?] / Proekt

- «Magija muzyki» [Video] [The project "Magic of music" [Video] [Electronic resource] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sHcb071O4Ww>
18. The History of Foreign Music. Ed. 6 (the Beginning of the XX Century – the Middle of XX Century) / Common. edited by V. V. Smirnova. SPb: Composer, 2001. 632 p.
 19. Johnson B. A. Training the Composer: A Comparative Study Between the Pedagogical Methodologies of Arnold Schoenberg and Nadia Boulanger. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 235 pp.
 20. Shorkin A. D. Informatsionnye tekhnologii kak faktor kul'turnykh destrukttsii [Informational Technologies as a Factor of Culture]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofii. Kul'turologiia. Politologiia. Sotsiologiia. [Scientific Notes of Taurida national V.I. Vernadsky University. Philosophy. Culturology. Political Sciences. Cosiology], 2014, Vol. 27 (66), № 3, p. 269–294.

Сведения об авторах

Володин А. Н. – преподаватель кафедры культурологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: stburah@gmail.com.

Гросфельд Е. В. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: alegros@mail.ru.

Жупник О. Н. – аспирант кафедры философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: sociolesya@mail.ru.

Ислямова Э. Э. – к. полит. н., преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: def177@yandex.ru.

Кузьмин Н. Н. – к. филос.н., доцент кафедры религиоведения философского факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: kuzsim@rambler.ru.

Нагорняк К. И. – аспирант кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: kirnagornyak@gmail.com.

Николко В. Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: vnnikolko@mail.ru.

Ореховская Н. А. – д-р. филос. н., профессор кафедры «Культурология и социология» Московского государственного гуманитарно-экономического университета. E-mail: orehovskaya@yandex.ru.

Пашковский П. И. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Подлесный О. О. – аспирант кафедры философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: gekfinn2014@gmail.com.

Соколова А. Б. – соискатель кафедры культурологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: nastyam_27@mail.ru.

Старостин В. А. – преподаватель Таврического колледжа Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: vitaly199@mail.ru.

Фращенко Д. В. – аспирант кафедры культурологии философского факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: daryafrashenko@mail.ru.

Филимонов С. Б. – д-р истор. н., профессор, заведующий кафедрой истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Харабуга В. В. – к. истор. н., доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: harabuga_viktor@mail.ru.

Шоркин А. Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru.

Элькан О. Б. – кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: elkanolga@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Жупник О. Н. Понятие «ценностные ориентации»: к проблеме определения	3
Николко В. Н. Об одном расширении логических средств определения.	12
Ореховская Н. А. Профессиональное образование – один из факторов решения проблемы молодежной безработицы	20
Подлесный О. О. Универсализирующие означающие и некоторые тенденции в современной социальной философии	26
Соколова А. Б. Ученые-космисты о перспективах развития общества.....	36
Шоркин А. Д. Становление «технологий» science и рационального индивидуализма.....	46

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гросфельд Е. В., Харабуга В. В. Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год)	55
Ислямова Э. Э. Концептуальный анализ Черноморского региона в российских диссертациях по политическим наукам	65
Нагорняк К. И. «Pillars of support»: технологии воздействия на «столпы поддержки» власти во время «Евромайдана» на Украине.....	75
Пашковский П. И. Ученый-международник А. И. Уткин: штрихи к портрету	86
Старостин В. А. Подходы к изучению рабочего времени.....	96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Володин А. Н. Язык писем и язык живописи: синтез искусств в эпистолярных текстах Якова Басова	102
Кузьмин Н. Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах	114
Филимонов С. Б. «Именины университета- праздник не только края, но всей возрождающейся России»: первая годовщина Таврического университета на страницах крымских газет 1919 года	125
Фращенко Д. В. Караимская культура в изобразительном искусстве: художники рубежа XIX-XX веков Михаил Казас и Борис Эгиз	136
Элькан О. Б. Влияние Новой венской школы на творчество Т. Манна....	145
Сведения об авторах	156
Содержание.....	158

About the Authors

Volodin A. N. – Lecturer of Culturology Studies Department of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V.I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: stburah@gmail.com.

Grosfeld E. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: alegros@mail.ru.

Zhupnik O. N. – Postgraduate at the Department of Philosophy Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: sociolesya@mail.ru.

Islyamova E. E. – Candidate of Political Sciences, Lecturer at the Department of Political Science and International Relations Crimean Federal V.I. Vernadskiy University.. E-mail: defi77@yandex.ru.

Kharabuga V. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: harabuga_viktor@mail.ru.

Kuzmin N. N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Religious Studies, Faculty of Philosophy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: kuzsim@rambler.ru.

Nagornyak K. I. – Postgraduate at the Department of Modern and Contemporary History Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: kirnagornyak@gmail.com.

Nikolko V. N. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: vnnikolko@mail.ru.

Orehovskaya N. A. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of "Cultural Studies and Sociology" of the Moscow State University of Humanities and Economics. E-mail: orehovskaya@yandex.ru.

Pashkovsky P. I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Podlesniy O. O. – Postgraduate at the Department of Philosophy Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: gekfinn2014@gmail.com.

Sokolova A.B. – Applicant of the Culturology Studies Department of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V.I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: nastyam_27@mail.ru.

Starostin V. A. – Teacher of Tavrichesky College of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: vitaly199@mail.ru.

Frashchenko D. V. – Postgraduate at the Department of Culturology of the Faculty of Philosophy, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: daryafrashenko@mail.ru.

Filimonov S. B. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Shorkin A. D. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: alexshorkin@mail.ru.

Elkan O. B. – Candidate of Culturology, Associate Professor at the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Sciences of Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: elkanolga@gmail.com.

CONTENT

PHILOSOPHY

Zhupnik O.N. Valuable Orientations: Operationalization of the Concept.....	3
Nikolko V.N. On One Extension of Logical Means for Definition.....	12
Orekhovskaya N. A. Professional Education is one of the Factors of Solving the Problem of the Youth Unemployment	20
Podlesniy O.O. Universalizing Signifiers and some Trends in Modern Philosophy	26
Sokolova A.B. Scientists Cosmesty about the Development Prospects of the Company	36
Shorkin A.D. The Formation of "Technology" Science and Rational Individualism	46

POLITICAL SCIENCE

Grosfeld E.V., Kharabuga V.V. Activity of the Medglis of the Crimean-Tatar People to Create the National Stateholders of the Crimean-Tatar in the Crimea (2017)	55
Islyamova E.E. Conceptual Analysis of the Black Sea Region in Russian Political Scientific Dissertations	65
Nagornyyak K. I. Technology of Influence on the "Pillars of Support" of the Political Regime in Ukraine during the EuroMaidan	75
Pashkovsky P. I. The Researcher of International Relations A. I. Utkin: Strokes to the Portrait	86
Starostin V. A. Aspects for Studying Working Time	96

CULTUROLOGY

Volodin A. N. Language of Letters and Language of Painting: Synthesis of Arts in Epistolary Texts of Yakov Basov	102
Kuzmin N. N. The Features of the Collective Memory in Traditional Societies	114
Filimonov S. B. «Name Day University - a Celebration not only the Region, but throughout the Resurgent Russia»: the first Anniversary of the Taurida University on the Pages of the Crimean Newspapers 1919	125
Frashchenko D.V. The Karaite Culture in the Fine Arts: the Artists of the Turn of the XIX-XX Centuries Mikhail Kazas and Boris Egiz.....	136
Elkan O. B. The Influence of the New Vienna School on the Work of Thomas Mann	145
About the Authors	156
Content	158